

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№3
2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 3/2020

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода – 4 раза в год

Главный редактор П.А. Ореховский
Отв. секретарь А.И. Волынский

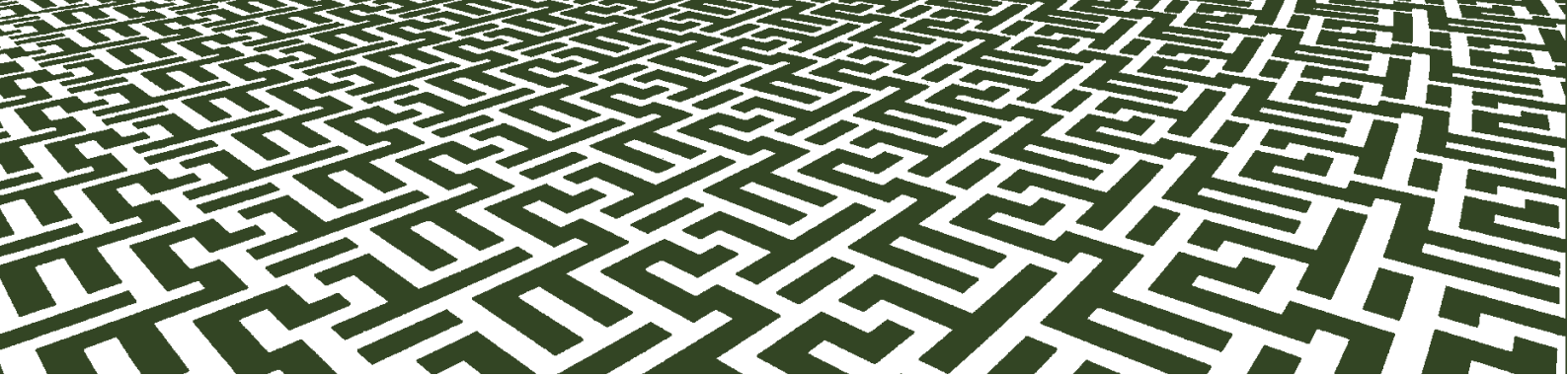
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	В.И. Маевский
О.И. Ананьин	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
А.М. Либман	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº3
2020

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 3/2020

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	V.I. Mayevskiy
O.I. Anan'in	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtshev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
A.M. Libman	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев

Непродуктивность попыток методологического синтеза 7

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Д.М. Логинов

Уровень жизни и финансовые практики российской молодежи 32

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Г. Водолазов

Ленинское наследие: вода живая и мертвая (часть II. «Мёртвая вода» эпохи нэпа. Начало — в ВТЭ 2–2020) 48

Г.Д. Гловели

Ленинизм, «термины тов. А. Богданова» и философ Ильенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия» (Часть II. Начало — в ВТЭ 2–2020) 64

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? 96

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В.Л. Степанов

М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм? (1860–1880-е гг.) 116

С.А. Васильев

Ранняя модернизация в Китае в эпоху Сун 130

М.А. Фельдман

Степень осмысления итогов первой пятилетки на региональном уровне: уральское измерение 157

А.С. Сенявский

Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? 168

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

Капитализм и демократия кредиторов (О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма») 183

CONTENTS

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev

Unproductivity of the Methodological Fusion's Attempts..... 7

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

D. Loginov

The Level of Life and Financial Practices of the Russian Youth..... 32

HISTORY OF THOUGHT

G. Vodolazov

Lenin's Heritage: Water Living and Dead (Part II. «Dead water» of the NEP era)..... 48

G. Gloveli

Leninism, "Terms of Tov. A. Bogdanov" and Philosopher Iilenkov as an Apologist
of the Stalin's Economy "Destruction Of Equilibrium" (Part II)..... 64

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevsky

Global Constitutionalism: Integration or Fragmentation of International Relations
in the Period of Economic Recession? 96

ECONOMIC HISTORY

V. Stepanov

M. N. Katkov on Problems of Customs Policy in Russia (1860–1880)..... 116

S. Vasiliev

Early Modernization in Sung China..... 130

M. Feldman

The Degree of Understanding of the Results of the First Five-Year Plan at the Regional Level:
the Ural Dimension..... 157

A. Senyavskiy

Was an Alternative Wrapping New Economic Policy? 168

SURVEYS & REVIEWS

P. Orekhovskiy

Capitalism and Creditor's Democracy (About V. Shtrik's Book «Purchased Time.
Delayed Crisis of Democratic Capitalism») 183

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, гл.н.с., Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

НЕПРОДУКТИВНОСТЬ ПОПЫТОК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА^{1,2}

Аннотация. Статья посвящена попыткам найти «третий путь» между методологическим холизмом и методологическим индивидуализмом. Проанализирована динамика развития этих принципов. Показано, что каждый из них состоит из базового онтологического принципа и объясняющих вариантов, причем последние в настоящее время весьма близки друг к другу. Представлен анализ семи попыток найти методологический «третий путь» и показано, что они основаны на некорректном понимании методологического индивидуализма. В заключительной части статьи предложено направление взаимодействия исходного экономического институционализма и новой институциональной экономической теории, которое может помочь уйти от конфронтации.

Ключевые слова: методологический холизм, методологический индивидуализм, «третий путь».

JEL: B15, B25, B52.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301

Если до начала 1980-х гг. в экономической науке имелись только два «базовых» институционализма — исходный (старый, или оригинальный; термин «институциональная экономика» был введен в [Hamilton, 1919]) и новый (новая институциональная экономическая теория, далее — НИЭТ; термин был введен в [Williamson, 1975. P. 1]), то к настоящему времени их число возросло радикально, почти в пять раз³. Поскольку представителям этого многообразия экономических институционализмов присущи несовпадающие направления и методологии исследований, а два «базовых» институционализма также ощутимо различаются своими исследовательскими методами, с точки зрения перспектив развития экономической науки большой интерес представляет выявление и оценка возможностей в некоторой степени *интегрировать* возникшее множество институционализмов. Поскольку, как показывает анализ «сверхновых» институционализмов, они так или иначе являются развитием одного из «базовых», сопоставление методологий последних представляется той основой, на которой можно подойти к решению упомянутой задачи.

Особую значимость в этой связи представляют сделанные в течение прошедшего полувека несколько попыток сформировать методологические концепции, отличающиеся, по оценкам их авторов, как от методологического холизма (далее – МХ), так и от методологического индивидуализма (далее – МИ), которые, по мнению многих исследователей, лежат в основе, соответственно, исходного институционализма и НИЭТ. Ведь если хотя бы одна из этих попыток удачна, вероятность решения задачи создания обобщенной институциональной экономической теории, вбирающей в себя все существующие сегодня

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

² Исследование поддержано внутрифакультетским грантом 2020 г. экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Внутридисциплинарный дискурс в экономической науке: основания, ограничения, перспективы и приложения»

³ За тот же период в организационной теории появилось шесть новых институционализмов, а в политической науке – восемнадцать.

институционализмы, существенно возрастает, а экономическая наука, возможно, получает ощутимый импульс к дальнейшему развитию.

Решение задачи оценки продуктивности предложенных интегративных вариантов МХ и МИ и является целью данной статьи. В первом разделе кратко характеризуются основные черты МХ и МИ и направления развития этих принципов. Продемонстрировано, что базовые варианты МХ и МИ несовместимы, в то время как последующие трактовки методологически очень близки, так что в какой-либо дополнительной интеграции в целом не нуждаются. Во втором — главном — разделе статьи дана характеристика основных обнаруженных в литературе попыток интеграции МХ и МИ и показано, что большинство из них фактически дают иные названия принципу МИ, исходя из некорректной трактовки его действительного содержания. Поскольку рассмотренные подходы вызвали разное внимание со стороны исследователей, степень детальности их анализа в статье также различна. В заключительном, третьем, разделе высказаны некоторые практические соображения относительно возможного способа сближения исходного институционализма и НИЭТ.

1. Интегрируемые принципы

В одну телегу впрячь не можно...

А. С. Пушкин

Будучи исследовательскими принципами, как МХ, так и МИ имеют некоторые исходные (базовые) основания онтологического характера и разнообразные «вторичные» выводы из них, которые могут быть самого разного типа. В двух последующих подразделах я вкратце рассмотрю как базовые компоненты МХ и МИ, так и основные выводы из них, которые делают исследователи.

1.1. Методологический холизм

Исторические корни холизма восходят к античной философии [Лихтер, 2017], ко временам, когда существование и действия надличностных существ, таких как олимпийские боги, считалось очевидной реальностью, не нуждавшейся в доказательствах.

В виде философского реализма он продолжил свое существование, приняв в Новое время, особенно в XIX в., форму *органицизма* в юриспруденции — концепции, согласно которой государство представляет собой целостный организм, существующий во многом независимо от людей, входящих в него [Coker, 1910; McCloskey, 1963; Tunander, 2001; Stogiannos, 2019]. Из юридической науки, — практически единственной социальной науки, существовавшей в то время (не считая, конечно, политэкономии), — органицизм перешёл в работы Э. Дюркгейма и в зарождающуюся социологию⁴.

Как полагал Дюркгейм, группы не просто существуют, но мыслят, чувствуют и действуют, и притом совсем не так, как это делают индивиды, из которых они состоят: «Разумы людей, формируя группы путем смешения и слияния (by mingling and fusing), рождают существо, если хотите, психологическое, но конституирующее физическую индивидуальность нового рода (new sort). В природе этой коллективной индивидуальности, а не в ассоциированных с ней единицах, мы должны искать прямые и определяющие причины наблюдаемых в ней фактов. Группа мыслит, чувствует и действует совсем не так, как поступали бы ее члены, будучи вне нее. Если мы начинаем с индивидов, мы не сможем понять ничего из того, что имеет место в группе» [Durkheim, 1938. Pp. 103–104; цит. по: Gordon 2003. P. 653].

Именно в этих словах, с моей точки зрения, содержится то, что образовало *базовые основания* МХ, или базовый МХ. Легко видеть, что группы, мыслящие, чувствующие

⁴ Некоторые исследователи разделяют его идеи и в наши дни, см. анализ в: [Канарш, 2015].

и действующие самостоятельно, если чем и отличаются от олимпийских богов античного холизма, то только своей силой, имеющей естественный (психологический), а не сверхъестественный характер.

Несмотря на данное отличие, в XX в. представления об автономности существования и действий групп, независимости этих действий от составляющих их людей вряд ли могли долго просуществовать: Л. Голдстейн еще в середине 1950-х гг. назвал тезис о том, что социальные системы могут существовать независимо от составляющих их частей (индивидов), *абсурдным* [Goldstein, 1956. P. 802]⁵. Понятно, что в таких условиях МХ не мог не трансформироваться, сохраняя при этом свое наименование как имеющий длительную историю «товарный знак».

Первая, онтологическая, форма «вторичного» МХ связана с подчеркиванием *системности* социальных явлений: «холизм означает, что феномены имеют смысл, функцию и релевантность только внутри более широкого контекста, поля отношений или «мира»» [Bubandt, Otto, 2010. P. 1]. «Методологический холизм — это гносеологическая философская предпосылка, суть которой состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей»» [Кирдина, 2013. С. 105].

Само по себе, это широко распространенное выражение — не что иное, как метафора: ведь «больше, чем сумма» мало о чём говорит в силу полной неясности своего значения, — в каком смысле больше? По штукам, по весу, по размеру или как-то еще? Поэтому более продуктивен переход от метафоры к строгим, операционально определяемым понятиям. Так, неотъемлемая черта системности — наличие у целого *эмерджентных свойств*, отсутствующих у составляющих систему элементов. «Многие подходы к микро-макро связям явно опираются на эмерджентность, чтобы обосновать, что коллективные феномены совместно создаются индивидами, однако несводимы к индивидуальным действиям... Большинство авторов таких подходов исходят из того, что хотя существуют только индивиды, коллективы обладают эмерджентными свойствами, которые неизбежно сложны и, следовательно, не могут быть сведены к индивидуальным свойствам» [Sawyer, 2005, P. 63]. Соответственно, «холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения новых качеств, возникающих при взаимодействии его элементов и отсутствующих у них самих» [Кирдина, 2013. С. 105–106].

Наличие у систем эмерджентных свойств — не только следствие *определения* понятия системы, но и эмпирический факт. Например, вода как совокупность молекул H₂O обладает свойством текучести (при определенных температурах), которого нет ни у водорода, ни у кислорода (опять-таки, при определенных температурах). Соответственно, невозможно а priori отрицать наличие эмерджентных свойств у социальных систем. Вопрос заключается в том, *что это за свойства*, как их выявить и доказать их эмерджентность? Ответ на него может иметь как *умозрительный*, так и *эмпирический* характер. Разумеется, для исследователей (в отличие от философов) предпочтительнее второй, однако здесь мы сразу переходим из сферы философской методологии в сферу методов конкретных эмпирических исследований, и ситуация с *демонстрацией* эмерджентных свойств социальных систем (а не с *провозглашением* их существования) сразу становится непростой. Ведь нужно не просто *заявить*, что свойство X – эмерджентное, а еще и *доказать*, что оно не сводится к свойствам элементов системы и их взаимодействиям (ведь взаимодействия элементов — такие же неотъемлемые компоненты системы, как и ее элементы). Подходы к решению этого вопроса представляют тему отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

⁵ Нельзя не отметить, что организменные трактовки марксистской философии конца позапрошлого века воспроизводятся иногда и в наши дни: согласно этой трактовке, «общество — многоплановый и многоуровневый целостный организм, а характеристики индивидов выводятся из характеристик институтов, а не наоборот» [Стрижак, 2013. С. 56].

Вторая, методологическая, форма «вторичного» МХ стала фиксировать специальные для социальных наук формы *объяснения*. Под МХ стали понимать убеждения в том, что социальные феномены, такие как институты, социальные структуры или культуры, должны *обязательно* иметь место в социальных науках и выступать как факторы объяснения наблюдаемых социальных явлений и процессов. Эти убеждения, как полагает Ю. Цале, «экземплифицированы в таких утверждениях, как “профсоюзы протестовали, поскольку правительство хотело снизить минимальную заработную плату” или “рост безработицы ведет к повышению уровня преступности”» [Zahle, 2016]. С ее точки зрения, такие «холистические объяснения могут быть противопоставлены объяснениям, которые выражены в терминах индивидов, их действий, убеждений, желаний и т.п.» [Ibid.].

Нужно заметить, однако, что такие различия в объяснениях могут быть *редакционными*, поскольку холистические варианты по тексту просто *короче*, чем индивидуалистические. Одновременно их содержание легко трансформируется в «термины индивидов, их действий, убеждений, желаний и т.п.». Например, смысл первого из приведенных выше объяснений не изменится, если его записать так: «руководители профсоюзов протестовали, поскольку члены правительства хотели снизить минимальную заработную плату». Второе «холистическое» объяснение переписывается в более длинную фразу, однако опять-таки не меняя его содержания: «чем выше доля безработных, тем больше становится индивидов, которые считают, что преступления не только можно совершать, но и что они выступают единственным способом как-то повысить свои доходы. Это приводит к повышению уровня преступности». В силу этого, объяснения, приведенные Цале, не только легко принимаются, но и часто используются, *для краткости*, — сторонниками МИ.

Подчеркну в заключение этого подраздела, что вопрос о том, достаточно или недостаточно объяснять изучаемое явление или процесс указанием на макрофактор, который, согласно результатам проведенного теоретического или эмпирического исследования, его породил (например: «рост безработицы повышает уровень преступности»), — это вопрос *не методологии* исследования, а соответствия или несоответствия такого объяснения *задачам*, которые ставит перед собой исследователь. Например, если задача — *обосновать меры* по снижению уровня преступности, то такого «макрообъяснения» явно *недостаточно*, поскольку есть и другие факторы, влияющие на этот уровень. Если же задача — выявить, *есть ли связь* между безработицей и уровнем преступности, то подобного объяснения вполне достаточно.

Конечно, объяснительный МХ не является *вынужденным* «смягчением» базового. Согласно Дюркгейму «социальная жизнь должна быть объяснена не понятиями тех, кто участвует в ней, но посредством более глубоких причин, которые не воспринимаются сознанием (are unperceived by consciousness)» (цит. по [Flew, 1985. P. 46]). Поэтому более «мягкие» формы объяснения, опирающиеся уже не на «непознаваемые» автономные социальные сущности, а на системные эмерджентные свойства, стали естественным шагом на пути движения в практическом использовании МХ.

Характерным следствием понимания надындивидуальных целостностей как действующих (имеющих цели, интересы, убеждения и т.п.) субъектов стало преобладание *функциональных* объяснений: как писал Дж. Эльстер, анализируя последствия следования МХ, «все институты или поведенческие паттерны имеют функцию, которая объясняет их существование» [Elster, 2003. P. 23] и которая заключается в их *позитивном влиянии* на ту или иную надындивидуальную целостность (обычно общество). «Такие события, как непрерывные изменения цен, возрастающая безработица, технологические изменения и т.п., и, конечно, институциональные реформы, — все должны быть объяснены посредством выявления того, какие системные и неличностные силы влияют на них и как они действуют» [Toboso, 2001. P. 767].

Однако, как замечает У. Джексон, «экономисты редко используют функциональные объяснения в явном виде, хотя иногда используют их неявно. В последние годы функциональное теоретизирование утратило свой фавор среди обществоведов, есть немного желающих применять функциональную терминологию» [Jackson, 2002. P. 169]. Вместе с тем он считает, что у функциональных объяснений есть некоторые привлекательные черты, такие как установка на множественность причин, внимание к эмерджентности, а также соответствие философии реализма. «Функциональные методы сами себе не могут обеспечить полные причинные объяснения, но они в состоянии поднять важные теоретические вопросы, которыми часто пренебрегают в мейнстриме экономической теории» [Ibid.]. К этому можно добавить еще один аргумент в пользу функциональных объяснений: на самом деле, они могут быть *редакционной формой* индивидуалистических объяснений, когда за «неличной силой» скрываются вполне конкретные индивиды, которым выгодно осуществление действий, вызывающих «функционально» объясняемые события.

1.2. Методологический индивидуализм

Согласно исследованию Л. Удена [Udehn, 2002], МИ уходит корнями в античность, в воззрения софистов и Эпикура, которые на их основе создали понимание общества и его институтов как результат договоренности людей. То есть то, что позднее, уже в Новое время, получило название теории общественного договора, развитой в трудах Т. Гоббса и Дж Локка (см. также [Lukes, 1968]). Термин «methodological individualism» был введен Й. Шумпетером [Schumpeter, 1909], однако его теоретическая разработка — это заслуга М. Вебера [Weber, 1968], о чем ясно говорит и сам Шумпетер, используя этот термин.

Базовый вариант МИ характеризуется Вебером так: анализируя социальное, мы часто говорим о «социальных общностях, таких как государства, ассоциации, корпорации и фонды, как если бы они были индивидуальными личностями», утверждая, что они формируют планы, осуществляют действия, несут издержки и т. п. С точки зрения МИ все такие выражения — не более чем метафоры, и «в социологических исследованиях все такого рода общности должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [Weber, 1968. P. 13].

В понимании Вебера, «для социологических целей нет такой вещи, как коллективная персональность, которая «действует». Когда в социологическом контексте даются ссылки на государство, нацию, корпорацию, семью или военную часть, или схожие коллективы, это означает... только определенный тип развития реальных или возможных социальных действий индивидуальных личностей» [Op. cit. P. 14].

Уден характеризует эти положения как «онтологический трюизм» [Udehn, 2002. P. 489], которые, однако, утрачивают свою банальность, если учитывать контекст, в котором они прозвучали. Таким контекстом в социальных науках того времени (особенно в Германии) было отмеченное выше положение об автономном от людей существовании государства, наличии у него собственных целей, стремлении расширить свое «жизненное пространство» и т.п. Именно поэтому я считаю, что в основе МИ лежат приведенные утверждения Вебера.

Еще более четкую формулировку базового МИ дал позднее Л. фон Мизес: «Прежде всего, мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действия определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают их действия» [Мизес, 2005. С. 43]. Совсем кратко базовый МИ определяет Дж. Бьюкенен, говоря, что это такой подход к анализу, при котором «люди рассматриваются... как единственные субъекты, принимающие окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных действий» [Бьюкенен, 1997. С. 39].

Явное введение МИ как методологического принципа в социальных науках было, разумеется, не самоцелью, а источником иных, отличных от МХ, исследовательских процедур, — определения понятий и осуществление объяснений. Здесь нужно подчеркнуть, что МИ *не предопределяет*, какое именно объяснение ему соответствует, за исключением того, что социальные феномены не следует объяснять *действиями и интересами надличностных сущностей*. Последние как результаты действий людей вполне могут существовать и влиять на индивидуальные решения и поведение (как и любая информация о внешней среде), у них могут быть те или иные эмерджентные свойства, информация о которых также способна влиять на принимаемые решения. Исследователи, разделяющие базовый МИ, вполне могут — для краткости — использовать названия таких конструкторов при описании своих результатов, не забывая, конечно, что обозначаемые соответствующими терминами феномены не действуют, а также не имеют ни интересов, ни целей.

Тем самым базовый МИ *не требует* неперенного «сведения социальных феноменов к индивидуальному поведению» [Oliveira, Suprinyak, 2018. P. 27]. Действительно, как показано в [Zouboulakis, 2002], в выделенных им вариантах понимания МИ одними исследователями такая возможность принимается, а другими — нет. С моей точки зрения, чем эта возможность *действительно* определяется, так это тем, считаем ли мы, что практически любое индивидуальное действие — это на самом деле *взаимодействие*, учитывающее его внешние последствия как для других, так и для действующего индивида. Если мы так считаем, то различные социальные феномены вполне *сводимы* к тем или иным совокупностям схожих индивидуальных поведений. Они выступают в роли того общего, что имеется в действиях людей из этих совокупностей, как то, что можно считать *общим фактором* этих действий.

Например, социальная группа с ее эмерджентным свойством «влиять на своих участников» сводима к совокупности своих членов, хотя каждый участник может учитывать последствия своих действий для *разных* участников этой группы. Несмотря на то, что в группе позитивные отношения участников нетранзитивны, однако принадлежность к ней (идентификация себя как члена группы) оценивается как важная всеми, в силу чего ее члены, негативно относящиеся к некоторой ее части, вынуждены вести себя «как все», чтобы сохранить желаемую принадлежность (идентичность).

Если же мы не считаем, что действия суть *взаимодействия*, социальные феномены не сводимы к так понимаемым действиям. Для таких феноменов необходимо (желательно эмпирически, например – экспериментально) выявить их эмерджентные свойства, их содержание и механизмы возникновения. Понятно, что такие объяснения будут отличаться от приведенного выше примера с социальной группой.

В этой связи отмечу, что Н. Булле, характеризуя МИ как анти-редукционизм, вполне справедливо утверждает, что он «не определен относительно сущностей, в конечном счете включаемых в объяснение» [Bulle 2019. P. 161]. Однако продолжает это утверждение так: «...социальные структуры играют объясняющую или причинную роль, поскольку они действуют на субъективные значения и смыслы индивидуальных действий» [Ibid.]. Этот её вывод уже вызывает большие сомнения: ведь в рамках подобной логики «объясняющую или причинную роль» можно, как легко видеть, приписать также погоде, микробам и вирусам. Очевидно, все эти естественные феномены могут *повлиять* на восприятие, смыслы и значения человека, однако их трудно считать *причинами* его действий (если это, конечно, не иметь в виду «мыслящие вирусы» из произведений научной фантастики).

Между тем прямое сведение МИ к его *объяснительным последствиям* имеет широкое распространение среди современных исследователей социального. Так, автор масштабной книги «История и философия социальной науки» С. Гордон пишет: «Центральный тезис методологического индивидуализма был сформулирован Джоном Стюартом Миллем в его *Системе логики*. Говоря “О химическом, или экспериментальном, методе в социальных

науках», Милль заявлял: «Законы феноменов общества являются, и не могут быть ничем иным, как законами действий и страстей человеческих существ, объединенных вместе в общественное состояние... Человеческие существа в обществе не имеют свойств, кроме тех, что выведены из, и могут быть сведены к законам природы индивидуального человека» (Book VI, chapter VII) [Gordon, 2003. P. 652]. Тем самым, не онтологическое, а объяснительное значение МИ считается им центральным.

Об упомянутом сведении ясно говорит и следующее суждение Гордона: «Наиболее влиятельная формулировка этого тезиса в современной экономической теории содержалась в *Эссе о природе и значении экономической науки* (1932) Лионела Роббинса, которая, часто воспроизводимая, стала почти манифестом ортодоксальной экономической методологии. Экономическая теория, говорил Роббинс, развивает свои теоремы путем строгой дедукции из предпосылок, содержащих утверждения, связанные с человеческой природой. Эти предпосылки столь просты и недвусмысленны (plain), что, хотя они и выведены из личной интроспекции, их универсальная истинность неоспорима. Логика *modus ropens* гарантирует, тем самым, что дедуктивный вывод также должен быть истинным. Невозможно использовать интроспекцию или другие средства, чтобы достичь подобной «самоочевидной» ('self-evident') истины относительно социальных групп, поэтому экономическая теория должна анализировать социальные феномены в терминах рациональных действий индивидов» [Ibid.].

Такую же позицию занимает Д. Брейбрук, автор другого труда, посвященного философии социальной науки, полагающий, что основным положением МИ выступает утверждение, что «в конечном счете, единственной удовлетворительной стратегией объяснения в социальных науках является та, что идет от личностных фактов к объяснению групповых фактов, и не имеет других обходных путей» [Braybrooke, 1987. P. 33; цит. по: Gordon, 2003. P. 653].

Иными словами, базовый МИ воспринимается как прямое предписание объяснения исключительно *действиями* индивидов, а не их *взаимодействиями*, на которые к тому же *влияет* социальная *среда*. Между тем, как было отмечено выше, базовый МИ вообще не определяет, как объяснять социальные феномены.

Между тем Л. Уден, не выделив базовый вариант МИ как центральный и посчитав его не более чем «онтологическим трюизмом», пришел к выводу, что некоторые варианты МИ означают не что иное как его *соединение* с МХ. Он выделил пять вариантов МИ: 1) теорию общественного договора; 2) теорию общего равновесия; 3) австрийский МИ; 4) МИ К. Поппера; 5) МИ Дж. Коулмена, среди которых первые три исходили из автономных индивидов австрийской школы, аналогов знаменитого Робинзона Крузо до появления Пятницы, а заключительные два – из индивидов, учитывающих в своих решениях и действиях внешнюю социальную среду⁶. Соответственно, вариант 4 Уден называет институциональным индивидуализмом, а вариант 5 – структурным институционализмом. «Основное разделение разграничивает сильный методологический индивидуализм (1–3) от слабого методологического индивидуализма (4–5). В движении от 3 к 4 социальные институты перепрыгнули (jump) из эндогенной в экзогенную часть моделей социальной науки и из следствий в предпосылки ее объяснений. Ясно, что это был решительный разрыв с оригинально предложенным методологическим индивидуализмом. Это было изменение, которое

⁶ Г. Кинсайд выделил в составе МИ другие пять типов утверждений: 1) онтологические, сосредоточенные на типах вещей, которые существуют; 2) редукционистские, доказывающие, что одна теория может выполнить всю объяснительную работу другой; 3) объяснительные, утверждающие, что объяснения в терминах индивидов играют фундаментальную роль; 4) механизмные, считающие, что индивидуальные процессы, лежащие в основе социальных феноменов, являются центральными; 5) эвристические, согласно которым поиск индивидуалистических теорий является наилучшим путем прогресса социальной науки [Kincaid, 2004. P. 299–300].

делает затруднительным продолжать говорить об индивидуализме и холизме как о противостоящих доктринах» [Udehn, 2002. P. 500].

Здесь необходимо сделать одно замечание, очень важное для правильного понимания моего дальнейшего хода рассуждений. Варианты МИ, которые Уден называет *сильными*, в части своей соединяют *верное* онтологическое положение об уникальности индивидов как целеформирующих деятелей с *неверным* положением о том, что они действуют в пустом пространстве, лишенном групп и институтов. Так, он считает «оригинальным» МИ концепцию естественного состояния (state of nature) Т. Гоббса, в которой люди не руководствовались никакими правилами и вели непрерывную «войну всех против всех». Это предположение полностью не соответствует действительности, прежде всего – результатам исследований этологов, эмпирически открывших существование устойчивых правил не только у приматов, но и у животных, еще более далеких от людей (см., например, [Bekoff, 1972]). Далее, к сильным сторонам МИ он относит теорию общего равновесия, имеющую *модельный* характер. В этой модели нет индивидов как таковых, есть формальное описание рынков, – локусов массовых обменов, – характер и параметры которых определяются ценами предметов обмена и оценками их полезности. В этой модели вопрос о факторах, влияющих на полезность, выведен за пределы модели, поэтому однозначно сказать, учитывают ли «индивиды» в этой модели наличие институтов, культуры и различных социальных групп, достаточно затруднительно. Только представители австрийской школы явно говорили об индивиде *à la* Робинзон Крузо, однако каталлактика неоавстрийцев немыслима без взаимодействия индивидов, остающихся при этом единственными целеформирующими деятелями.

Поэтому переход от вариантов МИ (1–3) к вариантам (4–5) был вполне научно (а не философски) обоснованным отказом от неверного онтологического положения. Поэтому с заключительным выводом Удена согласиться никак нельзя. При таком подходе можно с тем же успехом заявить, что эмпирическое доказательство возможности трансформации одних химических элементов в другие «делает затруднительным продолжать говорить об» алхимии и химии «как о противостоящих доктринах».

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- 1) *базовые* МХ и МИ противостоят друг другу как утверждение и его отрицание, т.е. логически несовместимы;
- 2) во вторичных, *объяснительных* вариантах МИ сохранил свой базовый вариант, в то время как МХ фактически от него отказался;
- 3) начальные *объяснительные* варианты МИ в экономической теории содержали *нереалистическую предпосылку* независимости решений и действий индивидов от внешней среды (других людей, групп и социальных институтов), в то время как последующие *объяснительные* версии МИ от этой предпосылки отказались, публично отражая принятие очевидного факта зависимости действий индивидов от внешней среды (в том числе, социальной);
- 4) *объяснительные* варианты МХ изначально принимали факт зависимости индивидов от внешней социальной среды, однако считали, что эмерджентные свойства социальных целостностей невозможно объяснить действиями индивидов.

1.3. Характер «противостояния» МХ и МИ

Прежде всего замечу, что исходные (базовые, онтологические) варианты МХ и МИ уже давно не являются объектами для критики, по крайней мере, научной. Причина этого понятна: исследователей, которые считали бы, что группы действуют автономно, независимо от входящих в них людей, или просто нет (уже? пока?), или они не готовы высказывать свои взгляды публично, перенеся внимание к проблеме существования и объяснения эмерджентных свойств социальных систем. Дискуссия фактически касается вторичных,

объяснительных вариантов, причем направлена преимущественно от последователей МХ к последователям МИ.

В этой связи отмечу, что прямой и очевидной связи между следованием либо МИ, либо МХ, с одной стороны, и объяснением социальных феноменов через действия индивидов либо действие институтов⁷ – с другой, вообще говоря нет: ведь выражение типа «действие института А обуславливает поведение (явление, процесс, взаимодействие и т.п.) В», может выступать, как отмечено выше, *редакционным сокращением* более точного (но и более громоздкого) выражения типа «поведение (явление, процесс, взаимодействие и т.п.) В является следствием действия индивидов, исполняющих правила, составляющие часть института А». Если автор утверждения первого типа не фиксирует где-то в тексте свое следование МИ, то подобное объяснение вполне (хотя и ошибочно) может быть принято за проявление следования МХ.

Что же представляется не просто достойным, но *требующим* критики в объяснениях социальных и экономических феноменов в рамках МИ? Обратимся к статье С.Г. Кирдиной [Кирдина, 2013], которая, судя по названию, непосредственно посвящена анализу процессов «преодоления ограничений методологического индивидуализма». Эти ограничения представлены в явном виде только техническим вопросом агрегирования индивидуальных экономических параметров, таких как предпочтения, доходы, производственные функции и т.п. (с. 101), при этом автор не упоминает те подходы к агрегированию, которые используются внутри агент-ориентированного моделирования. Понятно, что агрегировать можно по-разному, и притом разные индивидуальные характеристики, причем базового принципа МИ эти методы никак не затрагивают. Даже если принять фантастическую гипотезу о том, что, например, объем производства «экономики как единого целого» не равен сумме производств фирм и домашних хозяйств, вопрос о том, как измерить этот «целостный продукт», все равно останется, и его решение еще более проблематично, чем решение задачи агрегации. То же будет верно и по отношению к фантастической гипотезе о существовании «общественных предпочтений, не равных сумме индивидуальных»: как их измерить (оценить), не затрагивая информацию о предпочтениях индивидов, т.е. не сводя к ним? Если эти предпочтения не входят в общественные, то что в них входит? Такого рода вопросы в статье также не затрагиваются, делается лишь общий вывод: «в описанных попытках перехода на макроуровень анализа не удастся отказаться от принципа методологического индивидуализма» (с. 101). Так, может быть, неудачи обусловлены ложной постановкой задачи – стремлением отказаться от этого принципа? Этот вопрос в данной статье не ставится.

Как показывает (разумеется, неполный) анализ, общее место в обсуждении этого принципа его противниками, прежде всего социологами, а также сторонниками исходного институционализма, – это *приписывание* МИ черт, *которых у него нет*. Вот вполне типичный пример: «Человеческие существа – это онтологические сущности, но это не значит, как считают методологические индивидуалисты, что научное объяснение социального феномена должно даваться исключительно в терминах ментальных состояний. Социальные целые тоже являются онтологическими сущностями» [Gordon, 2003. P. 655]. Однако сторонники МИ не считают, что ментальные состояния эндогенны по отношению к индивидам, и никак не отражают окружающие их институты, группы, организации и т.п. Иными словами, МИ явно приписывается то, что из него никак не вытекает и ему не присуще. Другой пример: МИ понимается как «способ решения вопроса об отношении индивидуального и социального. В соответствии с этим принципом, социальные процессы

⁷ В литературе можно найти работы, согласно которым институты думают [Douglas, 1987; Thompson, 2018], учатся [Stein, 1997] и эволюционируют [Lewis, Steinmo, 2012]. Как правило, под институтами понимаются организации или группы индивидов, т.е. они трактуются социологически.

объясняются через индивидуальное поведение, и любое социальное образование (семья, университет, больница, государство) является таким индивидом, или *экономическим агентом*. ... с нашей точки зрения, понятие социального в современной неоклассической экономической теории не раскрывается в полной мере, поскольку игнорируется его специфика в отличие от *индивидуального*» [Рогожникова, 2015. С. 71].

Еще один пример: как полагает Г. Мерамвелиотакис, в МИ «социальная структура не имеет объективного существования независимо от социального сознания и действий индивидов. Индивиды (тела, организмы и ассоциированные с ними когнитивные и поведенческие способности) реальны, в то время как общество, социальные структуры и коллективы нереальны, будучи рассматриваемы как простые коллекции индивидов» [Meramveliotakis, 2018. Р. 55]. Опять-таки, МИ ничего не утверждает об *объективности* существования чего-либо⁸, ведь объективность, например, институтов легко подтверждается тем, что люди, нарушившие то или иное правило, подвергаются санкциям *независимо от их воли и сознания* (в чем, собственно говоря, и состоит смысл объективности).

Наконец, заключительный пример: «...в рамках индивидуалистической методологии не удается преодолеть трудности, связанные с необходимостью интеграции культурных и институциональных аспектов в разные модели и концепции» [Бирюков, 2018. С. 92]. Тем самым, по мнению автора, широко известные работы, посвященные моделированию влияния культуры и институтов на экономический рост [Abrams, Lewis, 1995; Ali, 2003; Tabellini, 2010], выполнены не представителями НИЭТ, являющимися сторонниками МИ⁹.

Поскольку базовый МХ уже практически не фигурирует в актуальной литературе, понятно, что его критика также отсутствует. Что же касается вторичных МХ, как онтологического, так и методологического, поскольку системный подход стал если не повсеместно реализуемым, то хотя бы «идеологически» общепризнанным, равно как и учет социальных факторов на поведение индивидов, их критику (по крайней мере, внутри экономической литературы) также сложно обнаружить. Ведь МХ в плане способов объяснений процессов и явлений зачастую можно отличить от МИ только в *редакционном* аспекте.

Достаточно редкая, но все же встречающаяся грубая ошибка – отождествление МИ и *морального* индивидуализма, т.е. *эгоизма*. Например, в [Кузьминов, Юдкевич, 2002. С. 21] читаем: «В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует огромная литература, неопровержимо доказывающая, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью». Этим авторам вторит Е. О. Стрижак: «Методологический индивидуализм предполагает, что люди преследуют свои собственные цели, им не свойственно думать о других или о благе общества» [Стрижак, 2013. С. 55]¹⁰. И еще одна цитата, дополняющая предыдущую: «Порочность методологического индивидуализма состоит в том, что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая, сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается ее вторая сторона – присущий человеку коллективизм, т.е. *желание и умение жить в социуме*» [Князев, 2019. С. 7]. В свете приведенных выше не ошибочных представлений о МХ и МИ, думаю, как-то комментировать приведенные три цитаты нет

⁸ Заметим, что понятие общества не имеет ясного операционального определения. Обычно под ним понимают совокупность граждан того или иного государства. Однако с тем же успехом можно говорить о существовании в любом государстве нескольких обществ, подобно тому Ч.П. Сноу говорил о существовании в государстве двух культур, – научной и гуманитарной [Snow, 1959].

⁹ Возможно, конечно, что цитируемый автор просто не знаком с этими работами.

¹⁰ Правда, уже в следующем предложении в том же абзаце автор ссылается на совершенно верное противоположное положение А.Н. Нестеренко: «Принцип методологического индивидуализма применим и к эгоистическим поступкам, преследующим цель извлечения личной выгоды, и к высокоморальным альтруистическим действиям» [Нестеренко, 2002. С. 235].

смысла. Отмечу лишь, что такого смешения для методологического и морального коллективизмов обнаружить не удалось.

Свой анализ холистических теорий в социальной науке Д. Филлипс завершил категорическим выводом: «Холизм, если подходить к нему серьезно, – это, в сущности, неработающая доктрина» [Phillips, 1976. P. 123] (цит. по [Гофман, 2005. С. 19]). С этим выводом можно вполне согласиться, но только если понимать МХ в его базовом варианте. В объяснительных же вариантах он фактически *соединился* с объяснительными вариантами МИ, за исключением, конечно, используемой редакционной формы предлагаемых объяснений.

Приведу иллюстративный пример: М. Зубулакис считает, что один из принципов (специально не буду говорить, какой именно) «предполагает, что не только институциональная среда определяет (shapes) индивидуальные планы и действия, но также и индивиды определяют ее свойства. Соответственно, любое социальное объяснение предполагает понимание индивидов внутри их институционального контекста» [Zouboulakis, 2002. P. 29]. Легко видеть, такие предположения вполне могут делать (и делают) как последователи МИ, так и те, кто придерживаются МХ: например, Дж. Ходжсон пишет: «...индивиды не просто (намеренно или ненамеренно) создают институты. Посредством «воссоздаваемой обратной причинности» (“reconstitutive downward causation”) институты влияют на индивидов фундаментальным образом» [Hodgson, 2000. P. 318]. Можно ли из приведенной цитаты сделать вывод о том, придерживается ли ее автор МИ или МХ? Нет, поскольку она верна в рамках обоих принципов, описывая *эмпирически проверяемую реальность* человеческого поведения в социальной среде.

2. Варианты интеграции МХ и МИ

А вы, друзья, как ни садитесь...

И. А. Крылов

Исследователи, разрабатывающие и/или предлагающие те или иные варианты соединения МХ и МИ, указывают обычно в качестве причины поиска интегративных (или альтернативных) методологических принципов отсутствие объяснительного потенциала МИ в ортодоксальной экономической теории и неадекватность ее практических рекомендаций (см., например, [Lange-von Kulesa, 1997. P. 467; Stefanović, Petrovic, 2016. P. 2]). Некоторые при этом говорят также об ограниченности МХ [Vilber, Harrison, 1978. Pp. 83–84; Toboso, 1995. P. 73].

Для выявления вариантов интегративных подходов я воспользовался поиском в Google по запросу “methodological + holism + individualism”, а также ссылками на предшественников и сторонников в тех работах, которые были обнаружены в результате прямого поиска. Все это позволило найти несколько подходов к формированию «синтетических» методологических принципов, которые я рассмотрю далее в (примерно) хронологическом порядке. Подчеркну предварительно тот очевидный, в общем-то, факт, что по обнаруженному *названию* методологической инновации судить о ее содержании нельзя: требуется провести анализ публикаций, что и было мной сделано.

2.1. Институциональный индивидуализм

Дж. Агасси начинает свою статью следующим ясным утверждением: она написана потому, что «индивидуализм не обязан быть психологическим, и защищает институциональный индивидуализм, который я считаю великим (great) вкладом Поппера в философию социальных наук» [Agassi, 1960. P. 244]. В продолжении он анализирует предложенную К. Поппером стратегию социального исследования, которую тот назвал ситуационным ана-

лизом. В следующей статье Агасси развивает высказываемые им положения: «Если в соответствии с психологическим индивидуализмом в качестве релевантных обстоятельств могут быть рассмотрены только материальные условия, то в соответствии с институциональным индивидуализмом существующие институты также могут быть рассмотрены как релевантные обстоятельства» [Agassi, 1975. P. 153].

Таким образом, институциональный индивидуализм (далее – ИИ) фактически конкретизирует МИ в том направлении, что среди факторов, воздействующих на индивидуальные цели и решения, следует учитывать и те требования, которые вытекают из следования институтам, действующим в соответствующих ситуациях. Однако такая возможность – неотъемлемая черта «слабого», по Удену, МИ (хотя в действительности – не «слабого», а отказавшегося от явно ложных онтологических предпосылок «сильного» МИ).

Тот факт, что ИИ К. Поппера, специально проанализированный Дж. Агасси [Agassi, 1960; Agassi, 1975] является не чем иным, как вариантом МИ, был детально продемонстрирован Уденом еще в 2002 г. [Udehn, 2002. Pp. 489–490], поэтому отнесение его к «третьему пути» между МХ и МИ, как это сделано в [Кирдина, 2013; Кирдина, 2014; Фролов, 2016], говорит лишь о незнании этими авторами работ как Поппера и Агасси, так и Удена. Вероятно, прочитав термин, отличный от МИ, они восприняли его как отрицание последнего, не затратив усилий на чтение упоминавшихся работ¹¹.

Ф. Тобосо, разделяя позицию Поппера-Агасси, дает такую трактовку ИИ: (1) только индивиды преследуют цели и реализуют интересы; (2) формальные и неформальные множества институциональных правил, влияющие на взаимодействия между индивидами, должны быть частью объясняющих переменных; (3) маргинальные (по терминологии Д. Норга – инкрементные) институциональные изменения всегда следуют из индивидуальных или коллективных действий некоторых лиц и всегда имеют место внутри более широкой институциональной среды [Toboso, 2001. Pp. 773–774]. Ее первый пункт, как легко видеть, четко подтверждает, что ИИ – это конкретизированная версия МИ, подчеркивающая важность учета влияния институтов на индивидуальные решения и действия. В силу этого ИИ никак не может считаться вариантом интеграции МХ и МИ.

2.2. Методологический релятивизм

Д. Хо, возводя методологический релятивизм (methodological relationalism, далее – МР) к конфуцианской философии, характеризует его следующим образом: «Методологический релятивизм основан на теории поля (field theory). Он осознает укорененность индивида в социальную сеть. Методологическое приложение его состоит в том, что психология социальных действий, даже касающаяся отдельного индивида, должна расширить эту область, чтобы включить: (а) действия индивида как осуществляемые им по собственной инициативе, так и в ответ на действия других; (b) действия других людей, тесно связанных с индивидом; (с) действия, направленные на индивида другими людьми, с которыми он взаимодействует; (d) действия, направленные на индивида людьми, тесно связанными с теми, с кем он взаимодействует; (е) действия, направленные на людей, тесно связанных с индивидом, теми, с кем индивид взаимодействует прямо или косвенно» [Ho, 1998. P. 5]. Приведенное утверждение ясно показывает, что МР никак не затрагивает основ МИ, обращая лишь внимание на то, что именно имеет смысл учитывать при выявлении факторов, влияющих на индивидуальные решения и действия. Для полноты, к выделенным Хо четырем факторам необходимо, очевидно, добавить еще ряд других, таких как совокупность субъективных норм индивида, уровень его самодейственности и т.д., и т.п.

¹¹ Удивляет в этой связи, что строители «третьего пути» не записали в свою артель авторов, использующих такой привлекательный термин, как «холистический индивидуализм» [Pettit, 1993; Epstein, 2009].

Другие работы, в которых использовано понятие МР [Ritzer, Gindoff, 1992; Ho et al., 2001; Kivinen, Piironen, 2006], также свидетельствуют, что МР представляет собой не методологический принцип, однопорядковый с МХ и МИ, а некоторую исследовательскую программу в социальной психологии, ориентированную на специфику скорее коллективистских, чем индивидуалистских культур. Об этом ясно говорит сторонница МР Р. Захарна: «“Релятивизм” введен как аналитическая линза, чтобы обеспечить новый взгляд помимо дихотомии паттернов отношений индивидуализм-коллективизм, исследовать глобальные перспективы и помочь сделать явным последовательный ряд предположений, затрудняющих теоретические предпосылки организационно-общественных отношений (Organization-Public Relationship)» [Zaharna, 2016. P. 190].

2.3. Системизм

М. Бунге характеризует свой подход так: «В социальных науках бросаются в глаза (are salient) три мировоззрения и исследовательских подхода: индивидуализм, холизм и системизм. Индивидуализм фокусируется на устройстве социальных систем, в то время как холизм на их структуре. Ни один из них неадекватен, первый – поскольку все индивиды взаимозависимы, а второй – поскольку нет отношений без соотносящихся. Единственной бесспорной и реальной альтернативой является системизм, в соответствии с которым всё является либо системой, либо частью системы, и любая система имеет особые (эмерджентные) свойства, которых нет у ее компонентов... Разумеется, социальные индивидуалисты, – извините за оксюморон, – не отрицают, что индивидуальные действия ограничены и стимулируются социальным контекстом или ситуацией. Но, конечно, они не анализируют и не могут анализировать последние в индивидуальных терминах: они оставляют их непроанализированными целыми» [Bunge, 2000. P. 148].

Тем самым Бунге утверждает, что исследователи, разделяющие, например, исследовательскую программу НИЭТ, не изучают и не могут изучать институты, которые, как они полагают, и ограничивают индивидуальные действия, и стимулируют их. Комментировать подобные утверждения сложно, поскольку автор, судя по списку публикаций, на которые он ссылался в цитируемой статье, не читал ни одной из работ сторонников НИЭТ. Что же касается замены МИ и МХ принципами системизма, то этот призыв неактуален: оба отвергаемых им принципа, как было отмечено в конце первого раздела статьи, став принципами научного объяснения, уже довольно давно сошлись на том, что изучение институтов без анализа действий людей, равно как анализ индивидуального поведения без учета влияющих на него институтов, непродуктивно.

2.4. Концепция социальных сайтов

Попытка соединить МХ и МИ, причем не только вторичные, но и базовые их варианты, предпринята Т. Шацки. Для этого он вводит понятие *сайта*, которое и предлагает считать единицей нового типа онтологии, отличным как от автономного социального целого, считаемого онтологической единицей в МХ, так и от индивида, принимаемого таковой в МИ. Сайт – это тот контекст, в котором происходит то или иное человеческое сосуществование, и у которого может быть пространственный (географический или абстрактный) или структурный тип. «Поскольку сайт... это вид контекста, то объект изучения – это особый вид контекста, а не целое, не особого типа реальность или абстрактные структуры. Подобно другим подходам к социальному, подходы со стороны сайта (site accounts) берут на себя анализ социальных формаций, таких как правительства и экономики... для чего формируют сайты социальной жизни, специфицируя материал, из которого состоят эти формации» [Schatzki, 2003. P. 178].

Однако такого типа объяснение роли сайтов в исследованиях вызывает очевидные сомнения: того ли типа объектом является сайт, что и индивиды или автономные целые

(группы, государства и т.п.)? Не является ли указание на сайт не методологическим принципом, а методом исследования, применимым в рамках как МХ, так и МИ? Ведь и действия индивидов, и «действия» различных групп происходят в некоторых контекстах, включающих не только разные виды пространств, но и разных индивидов, и несовпадающие группы (не важно – автономные системы или совокупности индивидов). В разных контекстах и индивиды, и надындивидуальные целостности ведут себя по-разному, поэтому понятие сайта (контекста действий) вполне продуктивно как важный элемент анализа, однако претендовать на новую социальную онтологию, интегрирующую МХ и МИ, оно, как мне представляется, вряд ли может. Вместе с тем подход с позиций социальных сайтов нашел достаточно широкое применение в организационном анализе (см., например: [Weller, 2019]), экономической географии [Joronen, Häkli, 2017] и других областях исследований, что ясно говорит о его продуктивности.

2.5. Эволюционный подход

Одна из наиболее серьезных попыток обосновать и предложить «третий путь» в методологии была предпринята Дж. Ходжсоном. Он и ранее подчеркивал, что вовсе не является сторонником МХ (см. его дискуссию с Ю. Ланге-фон Кулессой: [Lange-von Kulessa, 1997; Hodgson, 1999; Lange-von Kulessa, 1999]). Поэтому такой подход представляется вполне естественным.

Ходжсон связывает МИ с объяснением возникновения и функционирования институтов действиями отдельных людей, подчеркивая, что на самом деле любые «попытки начать просто с индивидов должны в действительности исходить из индивидов плюс социальных структур» [Hodgson, 2006. P. 4]. С его точки зрения, это порождает для последователей МИ непреодолимые трудности. Однако, считает он, «схожие проблемы возникают при попытках объяснить все социальные феномены в терминах только структур или институтов. Поскольку мы всегда должны начинать со структур и индивидов, известные версии “методологического коллективизма” и “холизма” должны быть просто отвергнуты. Объяснения целостностей в терминах структур, культур или институтов неадекватны, поскольку они отвергают индивидуальные действия и упускают из вида разнообразие характеристик индивидов внутри популяций» [Ibid.].

Отметив ощущаемую им неудовлетворенность как МИ, так и МХ, Ходжсон формулирует желаемый им подход: «Нам требуется подход, внутри которого мы могли бы объяснить трансформацию как индивидов, так и структур. Такой подход должен включать объяснение возможного причинного взаимодействия и воссоздания как индивидов со структурой, так и структуры с индивидом. Это будет означать объяснение эволюции индивидуальных целей и убеждений, равно как и объяснение эволюции структур» [Hodgson, 2006. P. 8]. Такие возможности предоставляет, как полагает Ходжсон, методология Т. Веблена, в рамках которой «институты действуют только потому, что входящие в них правила укоренены в преобладающих привычках мышления и поведения» [Ibid.].

Детальное обоснование эволюционного подхода, введенного, по мнению Ходжсона, в работах Веблена, дано в его более ранней статье, где он пишет об «осмысленном» (meaningful) определении МИ, которое якобы утверждает, что «социально-экономические феномены должны быть объяснены исключительно в терминах индивидов» [Hodgson, 2003. P. 17]. Однако такое понимание МИ, как было показано выше, далеко от действительной осмысленности: ведь исходный МИ Вебера не предопределяет характер или тип объяснения.

С точки зрения Ходжсона, Веблен хотя и не использует терминов МХ или МИ, но неявно отвергает обе доктрины. В чем же заключалось это отвержение? С точки зрения Веблена, «индивиды не только ограничены и направляемы их привычными отношениями с участниками своей группы, но и эти отношения, имея институциональный характер, меняются с изменением институциональной арены (scene). Нужды и желания, цели и наме-

рения, пути и средства, широта и смещение поведения индивида суть функции институциональной переменной, которая очень сложна и имеет полностью нестабильный характер» [Veblen, 1909. P. 629]. Комментируя эти утверждения, Ходжсон пишет: «...это положение равносильно строгому отстаиванию воспроизводительной (reconstitutive) силы институтов по отношению к индивидам. Институциональные изменения влияют на индивидуальные нужды и желания. Предпочтения эндогенны, а не даны экзогенно» [Hodgson, 2003. P. 18]. Он замечает, однако, что Веблен, как бы предвосхищая любое непонимание его утверждений, сразу же подчеркивает и свое фактическое несогласие с МХ. Действительно, чуть позже Веблен пишет: «Рост и мутации институциональной структуры (fabric) суть конечные результаты поведения индивидуальных членов группы, следовательно, выходят за пределы опыта отдельных индивидов, посредством привычек индивидов, формирующих институты; и это тот же самый опыт, который обеспечивают эти институты, направляя и определяя цели и намерения поведения. Конечно, система институтов задает индивидам общепринятые стандарты, идеалы и каноны поведения, образующие схемы жизни сообщества. Научное исследование в этом поле, тем самым, должно иметь дело с индивидуальным поведением и формулировать свои теоретические результаты в терминах индивидуального поведения» [Veblen, 1909. P. 629].

Ходжсон завершает свой анализ позиции Веблена следующим образом: «В целом, отвергая как индивида, так и общество в качестве окончательных единиц объяснения, Веблен дистанцируется как от методологического индивидуализма, так и от методологического коллективизма. Его решением было принять эволюционный подход к объяснению» [Hodgson, 2003. P. 19].

Но эволюционное объяснение не может не включать (по определению!) три базовых компонента: мутацию, наследование и отбор. Дать эволюционное объяснение чего-либо, – значит выявить, какая мутация произошла, почему она наследовалась, в силу чего был отобран организм, в котором совершилась мутация. Простое объяснение типа «это произошло, поскольку содействовало выживанию вида (или популяции)» является не эволюционным, а *функциональным* объяснением, которое неопределенным целям эволюции не соответствует. Ведь это люди считают, что любому виду биологически свойственно стремление к выживанию, в то время как *вид* вряд ли к чему-то стремится. Поэтому эволюционное объяснение требует обращения к упомянутой эволюционной триаде.

В обществе могут мутировать убеждения (персональные знания, персональная информация) и характер действий индивидов. В биологии мутации имеют случайный характер (если исключить из рассмотрения современное «генетическое проектирование») и происходят на внутриклеточном уровне. Мутации убеждений и действий также могут иметь случайный характер, но в основном они изобретаются и придумываются людьми. Про творческий процесс *можно*, но *вряд ли верно* сказать, что «на каждом шагу этот процесс является целостным органическим комплексом привычек мысли, который определен предыдущими процессами» [Veblen, 1898. P. 392].

Мутации институтов возможны, если мутируют либо убеждения, либо действия, либо они вместе, причем остальные адресаты изменяющегося института либо хотят, либо вынуждены (чтобы избежать санкций со стороны других) изменить убеждения и/или действия. Если произошедшая мутация была принята (одобрена) гарантами, изменение института происходит и через социализацию подрастающего поколения наследуется.

Из приведенной логики эволюционного объяснения функционирования и изменения институтов с очевидностью вытекает, что такое объяснение соответствует МИ. Конечно, мутации, наследование и выбор можно связать не с индивидами, а с надличностными индивидами («общество решило, что...» и т.п.), но в этом случае эволюционное объяснение переходит в рамки базового МХ, где у общества (и других групп людей) есть свои, независимые от людей цели, интересы и действия.

Таким образом, приводимые рассуждения Веблена, которые Ходжсон считает отвержением как МИ, так и МХ, глубоко противоречивы и неполны. Если индивиды действуют под влиянием институтов и привычек, и эти действия изменяют институты, то механизм изменения повисает в воздухе: что же является причиной изменений, с чего бы и как будут меняться институты, ведь все предопределено действующими институтами, включая цели и желания индивидов (в силу чего нет возможности сказать даже о стимулах нарушить правило). Грубо говоря, если *все* водители строго следуют ПДД, то как их опыт может их изменить? Даже если внешний наблюдатель видит, что можно без повышения риска ДТП ехать иначе, водители, согласно детерминации своих желаний институтами, этого просто не видят. В первой из приведенных цитат Веблен говорит о полностью нестабильном характере «институциональной переменной», что можно считать аналогом случайных мутаций, однако механизм остается неясным. Если в биологии мутации идут на биохимическом уровне, то почему случайно меняются институты? Ответ на это вопрос оставляет за пределами рассмотрения и Ходжсон.

Более того, внимательное рассмотрение его подхода показывает, что фактически он сочетает молчаливое принятие МИ (действуют люди, а не институты) со своеобразной трактовкой институтов, что позволяет посредством сложных логических заключений и переходов *на словах* «решить» неразрешимую задачу синтеза базовых МИ и МХ. Ведь МИ – это не только *приписываемый* ему способ объяснения функционирования институтов исключительно дискреционными действиями индивидов, но в первую очередь признание того, что *действуют только люди* – без попыток какой-либо фиксации a priori причин этих действий, поскольку таковые могут быть выяснены только на эмпирической, а не на методологической основе.

Однако включение существующих институтов в состав факторов, учитываемых индивидами при принятии ими решений, не только вполне возможно при следовании МИ, но и реально осуществляется сторонниками последнего. Например, «ранний» Д. Норт¹², характеризуя понятие «эффекта блокировки» институциональных изменений [North, 1990. P. 7], прямо связывает его с тем, что субъекты, получающие достаточные выгоды от действующих институтов, используют долю этих выгод для предотвращения изменений таких институтов, пусть даже они препятствуют развитию экономики и/или общества.

Тем самым подчеркивание эволюционного характера объяснений, на котором настаивал Веблен, отнюдь не уводит его из дихотомии МИ/МХ (понимая, разумеется, последний не в упрощенном, «объяснительном» виде, а в его базовом варианте, допускавшем существование нечеловеческих индивидов; в упрощенном «объяснительном» варианте принципиальных различий между МИ и МХ, как было отмечено, нет, поскольку МИ, не предполагающий учета влияния институциональной среды на действия индивидов, существует только в суждениях критикующих его последователей МХ, но не в умах и практике работы последователей МИ). Таким образом, попытка Ходжсона обнаружить у Веблена «третий путь», отрицающий как МХ, так и МИ, не может быть признана успешной: эволюционное объяснение в экономике не может обойтись без индивидов либо нечеловеческих существ.

2.6. Методологический интеракционизм

Очерчивая содержание данного подхода, Б. Ноутбум привлекает внимание к эмпирически установленному феномену «воплощенного познания» (“embodied cognition”)¹³. Он

¹² Т.е. до обращения самого серьезного внимания на когнитивные факторы институциональных процессов в статье [Denzau, North, 1994].

¹³ Феномен воплощенного познания заключается в том, что на когнитивные процессы влияют не только внешняя среда, но и специфика человеческого тела [Wilson, 2002]. В последнее время универсальность такого влияния стала подвергаться сомнению [Goldinger et al., 2016], особенно в связи с формированием и использованием абстрактных понятий [Dove, 2016].

обеспечивает основу упомянутого подхода, который «выходит за рамки как методологического индивидуализма экономической теории, так и методологического холизма (части) социологии, и совместим со взглядами социальной психологии. Он связан с подходом к обмену Менгера и взглядами Хайека на распределенное знание в австрийской экономической теории. Он обеспечивает основу для новой, унифицированной социальной теории, которая интегрирует элементы экономической теории, социологии, социальной психологии и когнитивной науки... Ключевая идея состоит в том, что люди осуществляют восприятие, интерпретацию, понимание, формирование предпочтений и оценивают ценность на основе ментальных категорий, которые они конструируют во взаимодействии с другими. Поскольку они конструируют такие категории и делают это в течение всей жизни, они развивают и формируют свою индивидуальность, так что их знания разнообразны, распределены (Хайек) и «разные люди думают разные вещи»...» [Nooteboom, 2007. P. 137–138].

Не буду повторять аргументы, приведенные выше, сформулирую лишь общий вывод: детализация механизмов, посредством которых индивиды формируют информационную основу последующих действий, никак не сказывается на применимости ни базового МИ, ни его объяснительных вариантов. Не влияет специфика этих механизмов также и на объяснительные версии МХ. Поэтому методологический интеракционизм представляет собой не методологический принцип того же типа, что МХ и МИ, а прием детального эмпирического анализа различных поведенческих конструкторов (например, доверия, что и было проделано Ноутбутом в цитированной статье).

2.7. Методологический институционализм

С.Г. Кирдина (Кирдина-Чэндлер) описывает содержание предлагаемого ею подхода следующим образом: «Под методологическим институционализмом понимается подход к исследованию любой социальной системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и объяснение общественных явлений в терминах институциональной структуры. Почему мы полагаем, что методологический институционализм задает новое видение в экономической теории...? Потому что он обращает внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения – институты» [Кирдина, 2013. С. 39]. Нельзя не заметить, что работа с ненаблюдаемыми конструкторами – явление, широко распространенное в экономической теории, от экономической ценности (стоимости) до валового внутреннего продукта: и то и другое «увидеть» совсем не просто. Поэтому установление связи между подобными конструкторами и «методологическим институционализмом» не может не вызвать недоумения.

Конкретизируя смысл введенного понятия, Кирдина далее уточняет специфику его применения: «Принцип методологического институционализма означает приоритетное рассмотрение целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе (или индивидов) новых качеств или целостных свойств (в данном случае институтов), которые отсутствуют у составляющих систему индивидов» [Там же. С. 41].

Чем такой подход отличается от МХ, понимание которого дано автором на с. 35 указанной работы, в ней не рассматривается, а приводимые примеры ясно показывают, что различий между ним и социологическим анализом (в его холистическом варианте, восходящем к Э. Дюркгейму) нет. При этом Кирдина не утверждает, что упоминаемые ею «целые» имеют собственные цели и интересы, что свидетельствует также о сходстве ее подхода с МИ, который, как я не раз отмечал, отнюдь не отрицает феномен эмерджентных свойств у социально-экономических систем.

Поэтому подход, называемый ею «методологическим институционализмом», лежит совсем в иной плоскости, чем МХ и МИ: это не методологический принцип исследования широкого круга социальных наук, а, скорее, обозначение некоторого исследовательского

направления, нацеленного на выявление того, какие институты поддерживают «целостность и развитие» той или иной социальной (или социально-экономической) системы. Иначе говоря, «методологический институционализм» – это не то, что «задает новое видение в экономической теории», а частный случай такого достаточно давно реализуемого в ней (и других социальных науках) направления как институциональный анализ. Например, уже достаточно давно проанализированы институты, обеспечивающие целостность и функционирование такой социально-экономической системы, как наука [Merton, 1973; Елисеев, Макарова, Тамбовцев, 1997], есть попытки реализовать указанный анализ на уровне организаций (см., например [Моргунова, Носков, 2012]).

* * *

Итак, мы видим, что все попытки найти «третий путь» в сфере методологии социальных наук, включая экономическую теорию, приводят к тому или иному принятию МИ. В этом, как легко видеть, нет ничего удивительного, поскольку авторы синтетических версий понимают МХ как тот или иной «объяснительный» вариант МИ. Соответственно, синтетическая версия формируется как отрицание *выдуманного* варианта МИ и замена его авторским, совпадающим с некоторой формулировкой одного из объяснительных вариантов МИ.

3. Не спор, а достижение понимания

Что же из этого следует? Следует жить...
Ю. Левитанский

Как показывает проведенное сопоставление, попытки «преодолеть» МИ со стороны представителей оригинальной институциональной экономической теории (ОИЭТ) основываются чаще всего на его неадекватной трактовке, замене его реального содержания и смысла *представлениями* о нем, которые *изобретаются*, а не *открываются* путем анализа первоисточников и последующей литературы. С моей точки зрения, такое положение дел на сегодня имеет чисто институциональные истоки. Моя гипотеза заключается в том, что правило, сложившееся в сообществе исследователей, относящих себя к ОИЭТ, таково, что отсутствие в их работах неременной критики НИЭТ будет негативно воспринято внутри сообщества, что снизит статус исследователя. Вполне возможно, что такое правило в действительности является лишь субъективной нормой, а не «настоящим» правилом, однако ожидаемые издержки от его нарушения представляются столь значительными, что все члены сообщества в большей или меньшей мере ему следуют¹⁴. В сообществе последователей НИЭТ сложилось иное правило, согласно которому ссылки на ОИЭТ не имеют ценности вследствие чисто описательного характера работ и отсутствия в них строгого анализа и эмпирически обоснованных выводов. В результате сторонники как ОИЭТ, так и НИЭТ не сотрудничают и не контактируют друг с другом только потому, что этому препятствуют внутренние правила каждого из сообществ. «Старые» институционалисты считают своим долгом обязательно где-то в текстах упомянуть о неспособности «новых» институционалистов решить ту или иную (на самом деле давно решенную) проблему, а «новые», в свою очередь, считают своим долгом не замечать, что делают и пишут «старые». В результате значительные усилия «старых» институционалистов расходуются не на производство новых знаний, а на малосодержательную критику, в то время как «новые» вынуждены самостоятельно делать то, что уже сделано «старыми».

¹⁴ Существует ли такое правило или это субъективная норма – тема специального исследования, выходящая за рамки данной статьи.

Непродуктивность попыток соединить несоединимое в методологии институционального анализа экономики ясно говорит о том, что развитие этой области экономической науки требует иных подходов, не связанных с формированием методологического единства. В чем могут они заключаться и каковы возможные пути движения в этом направлении?

С моей точки зрения, один из возможных путей может заключаться в переходе от односторонних упреков и взаимного непонимания к *взаимному обсуждению* результатов и процессов *эмпирических исследований*, выполненных в рамках того или иного из альтернативных подходов. Важно подчеркнуть, что речь идет именно и только об *эмпирических исследованиях*. Попытки сообща обсудить теоретические, а тем более методологические вопросы в лучшем случае завершатся ничем («противники» просто не явятся на обсуждение), а в худшем – закончатся личными оскорблениями (типа высказываний: «Учитывая интеллектуальную неоднородность аудитории...»).

Другими словами, только полученные эмпирические результаты дают возможность исследователям, имеющим альтернативные взгляды, уйти от абстрактного сопоставления методологий *в языке философов науки* к конкретному изучению и оценке выявленных фактов и закономерностей, способов их обоснования и т.п. *в языке экономистов*. Кстати, выявление различных трактовок одних и тех же терминов даст основания для сопоставления и, возможно, сближения в их понимании. Кроме того, обсуждение получаемых эмпирических результатов даст возможность оценивать их *практическую значимость*, в том числе и *осуществимость* формулируемых *рекомендаций*. Именно такой объект анализа позволит выявить сильные и слабые стороны использованных исследовательских методов и привести участников обсуждения к выводам, которые они смогут реализовать в своей исследовательской работе.

В ходе таких обсуждений их участники смогут гораздо яснее понять, каковы мотивы использования тех или иных методов эмпирического анализа, потенциал и ограничения этих методов, т.е. понять причины выбора метода, что очень важно для корректировки используемой методологии. Ведь если примененная совокупность методов приводит к результатам, неудовлетворительность которых ясна (показана и обоснована), нельзя не задуматься: а тот ли метод анализа выбран?

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков В. (2018). Культурологическая парадигма видения экономической деятельности // Общество и экономика. № 9. С. 91–101.
- Бьюкенен Дж. (1997). Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурис Альфа.
- Гофман А.Б. (2005). Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. № 1. С. 18–25.
- Елисеев А.Н., Макарова Н.Н., Тамбовцев В.Л. (1997). Институциональный анализ науки. М.: ТЕИС.
- Канарис Г.Ю. (2015). Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Философия и современность. №2. С. 50–60.
- Кирдина С.Г. (2013). К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина С.Г. (2014). Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // Общественные науки и современность. №5. С. 60–75.
- Кирдина С.Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. №10. С. 66–89.
- Кирдина С.Г. (2013). Преодолевая ограничения методологического индивидуализма // Журнал экономической теории. № 4. С. 100–110.
- Князев Ю.К. (2019). Индивидуализм и коллективизм в современной экономике. М.: Институт экономики РАН.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2002). Институциональная экономика: Курс лекций. М.: МФТИ. window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf (дата обращения 11.06.2020).
- Лихтер П.Л. (2017). Холизм Древней Греции и редукционизм современного мира: правовые аспекты // Философия права. № 3. (82). С. 158–165.

- Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Моргунова А.Г., Носков Э.Г. (2012). Университет: опыт институционального анализа // Основы экономики, управления и права. № 5. С. 13–15.
- Нестеренко А.Н. (2002). Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС.
- Рогожникова В.Н. (2015). Экономический человек в XXI веке // Проблемы современной экономики. № 4 (56). С. 70–74.
- Стрижак Е.О. (2013). Онтологические и методологические основы направлений институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies №5. С. 48–63.
- Фролов Д.П. (2016). Методологический институционализм 2.0: от институтов – к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. № 7. С.147–160.
- Abrams B.A., Lewis K.A. (1995). Cultural and institutional determinants of economic growth: a cross-section analysis // Public Choice/ Vol. 83. No. 3–4. Pp. 273–289.
- Agassi J. (1975). Institutional individualism // British Journal of Sociology. Vol. 26. No. 2. Pp. 144–155.
- Agassi J. (1960). Methodological Individualism // British Journal of Sociology. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
- Ali A.M. (2003). Institutional differences as sources of growth differences // Atlantic Economic Journal. Vol. 3. No. 4. Pp. 348–362.
- Bekoff M. (1972). The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: An Ethological Perspective // Quarterly Review of Biology. Vol. 47. No. 4. Pp. 412–434.
- Braybrooke D. (1987). Philosophy of Social Science. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Bubandt N., Otto T. (2010). Anthropology and the Predicaments of Holism / T. Otto and N. Bubandt (Eds.) // Experiments in Holism: Theory and Practice in Contemporary Anthropology. Chichester: Wiley-Blackwell. Pp. 1–15.
- Bulle N. (2019). Methodological individualism as anti-reductionism // Journal of Classical Sociology. Vol. 19. No. 2. Pp. 161–184.
- Bunge M. (2000). Systemism: the alternative to individualism and holism // Journal of Socio-Economics. Vol. 29. No. 2. Pp. 147–157.
- Coker F. W. (1910). Organismic Theories of the State: Nineteenth Century Interpretations of the State as Organism or as Person. New York: Columbia University; Longmans; Green & Co. archive.org/stream/organismictheori00cokeuoft/organismictheori00cokeuoft_djvu.txt.
- Colin J.-P., Losch B. (1994). “But Where on Earth Has Mamadou Hidden His Production Function?” French Africanist Rural Economics and Institutionalism / J.M. Acheson (Ed.) // Anthropology and institutional economics. Lanham: University Press of America. Pp. 332–363.
- Denzau A.T., North D. (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // Kyklos. Vol. 47. No. 1. Pp. 3–31.
- Douglas M. (1987). How Institutions Think. London: Routledge and Kegan Paul.
- Dove G. (2016). Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition // Psychonomic Bulletin & Review Vol. 23. No. 4. Pp. 1109–1121.
- Durkheim E. (1938). The Rules of Sociological Method (8th ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Elster J. (2003 [1982]). Marxism, functionalism, and game theory: The case for methodological individualism / D. Matravers and J. Pike (Eds.) // Debates in Contemporary Political Philosophy: An Antology. New York: Routledge – Open University. Pp. 22–40.
- Epstein B. (2009). Ontological Individualism Reconsidered // Synthese. Vol. 166. No. 1. Pp. 187–213.
- Flew A. (1985). Thinking about Social Thinking: The Philosophy of the Social Sciences. New York: Basil Blackwell.
- Goldinger S.D., Papesh M.H., Barnhart A.S., Hansen W.A., Hout M.C. (2016). The poverty of embodied cognition // Psychonomic Bulletin & Review. Vol. 23. No. 4. Pp. 959–978.
- Goldstein L.J. (1956). The inadequacy of the principle of methodological individualism // Journal of Philosophy. Vol. 53. No. 25. Pp. 801–813.
- Gordon S. (2003). The History and Philosophy of Social Science. London and New York: Routledge.
- Granovetter M. (2007). Introduction for the French Reader // Sociologica. No. 2. Pp. 1–9.
- Groenewegen J. (2002). Toward a Teaching of Pluralistic Economics in the Netherland: Some experience from the Erasmus University Rotterdam. Colloque “Enseigner l'économie”, les 3 et 4 avril. Clermont-Ferrand.
- Hamilton W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // American Economic Review. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Ho D.Y.F. (1998). Interpersonal relationships and relationship dominance: An analysis based on methodological relationalism // Asian Journal of Social Psychology. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–16.
- Ho D.Y.F., Peng S., Cheng Lai A., Chan S.F. (2001). Indigenization and beyond: Methodological relationalism in the study of personality across cultural traditions // Journal of Personality. Vol. 69. No. 6. Pp. 925–953.
- Hodgson G.M. (1999). A brief response to Jürgen Lange-von Kulesa // Journal of Economic Methodology. Vol. 6. No. 3. Pp. 439–441.
- Hodgson G.M. (2003). How Veblenian Evolutionary Thinking Transcends Methodological Individualism and Methodological Collectivism // Economie et Institutions. No. 3. Pp. 5–28.

- Hodgson G.M.* (2006). Institutional Economics, the Individual Actor and Institutional Change. For the Alexander von Humboldt Lecture at the University of Nijmegen, December the 5th.
- Hodgson G. M.* (2000). What is the Essence of Institutionalism? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329.
- Jackson W.A.* (2002). Functional explanation in economics: a qualified defence // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 2. Pp. 169–189.
- Joronen M., Häkli J.* (2017). Politicizing ontology // *Progress in Human Geography*. Vol. 41. No. 5. Pp. 561–579.
- Kincaid H.* (2004). Methodological individualism and economics. / J.B. Davis, A. Marciano and J. Runde (Eds) // *Elgar Companion to Economics and Philosophy*. Aldershot: Elgar. Pp. 299–314.
- Kivinen O., Piironen T.* (2006). Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. No. 3. Pp. 303–329.
- Lange-von Kulesa J.* (1999). A brief reaction to a brief response // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 443–444.
- Lange-von Kulesa J.* (1997). Searching for a methodological synthesis – Hayek’s individualism in the light of recent holistic criticism // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 4. No. 2. Pp. 267–287.
- Lemke J., Kroencke J.* (2020). Methodological confusions and the science wars in economics // *Review of Austrian Economics*. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 87–106.
- Lewis O.A., Steinmo S.* (2012). How institutions evolve: Evolutionary theory and institutional change // *Polity*. Vol. 44. No. 3. Pp. 314–339.
- Lukes S.* (1968). Methodological individualism reconsidered // *British Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 119–129.
- McCloskey H.J.* (1963). The State as an Organism, as a Person, and as an End in Itself // *Philosophical Review*. Vol. 72. No. 3. Pp. 306–326.
- Meramveliotakis G.* (2018). New Institutional Economics: A Critique of Fundamentals & Broad Strokes Towards an Alternative Theoretical Framework for the Analysis of Institutions // *Asian Journal of Social Science Studies*. Vol. 3. No. 2. Pp. 50–64.
- Merton R.K.* (1973 [1942]). The normative structure of science. / Merton R.K. // *The sociology of science*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–280.
- Nooteboom B.* (2007). Methodological interactionism: Theory and application to the firm and to the building of trust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 137–153.
- North D.C.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oliveira T.D., Suprinyak C.E.* (2018). The nature and significance of Lionel Robbins’ methodological individualism // *Economia*. Vol. 19. Pp. 24–37.
- Olivier de Sardan J.-P.* (2005). *Anthropology and Development: Understanding Contemporary Social Change*. London & New York: Zed Books.
- Pettit P.* (1993). *The Common Mind: An Essay on Psychology, Society, and Politics*. New York: Oxford University Press.
- Phillips D.C.* (1976). *Holistic Thought in Social Science*. Stanford: Stanford University Press.
- Ritzer G., Gindoff P.* (1992). Methodological Relationism: Lessons for and from Social Psychology // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 55. No. 2. Pp. 128–140.
- Sawyer R.K.* (2005). *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. New York: Cambridge University Press.
- Schatzki T.R.* (2003). A New Societist Social Ontology // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 33. No. 2. Pp. 174–202.
- Schumpeter J.* (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 23. No. 2. Pp. 213–232.
- Snow C.P.* (1959). *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. London: Oxford University Press.
- Stefanović Z., Petrović D. P.* (2016). The ‘Institutions-Individual’ Conceptual Nexus as a Basis of Alternative Economic Methodologies // *Economic Themes*. Vol. 54. No. 1. Pp. 1–20.
- Stein J.* (1997). How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 31. No. 3. Pp. 729–740.
- Stogiannos A.* (2019). Fr. Ratzel’s State as a “Social Organism”. / A. Stogiannos // *The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism*. Cham: Springer. Pp. 29–55.
- Tabellini G.* (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 8. No. 4. Pp. 677–716.
- Thompson M.* (2018). How banks and other financial institutions think // *British Actuarial Journal*. Vol. 23. No. 5. Pp. 1–16.
- Toboso F.* (1995). Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: The Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 63–84.
- Toboso F.* (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.
- Tunander O.* (2001). Swedish-German geopolitics for a new century: Rudolf Kjellén’s “The State as a Living Organism” // *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 3. Pp. 451–463.

- Udehn L. (2002). The Changing Face of Methodological Individualism // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. Pp. 479–507.
- Veblen T.B. (1909). The Limitations of Marginal Utility // *Journal of Political Economy*. Vol. 17. No. 9. 620–636.
- Veblen T.B. (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 373–397.
- Vilber C.K., Harrison R.S. (1978). The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Wagner R.E. (2007). Value and exchange: Two windows for economic theorizing // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 97–103.
- Walliser B. (2003). Organizational levels and time scales in economics. / D. Courgeau (Ed.) // *Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences*. Paris: Institut National d'Etudes Démographiques. Pp. 160–176.
- Weber M. (1968 [1921]). *Basic Sociological Terms*. / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press. Pp. 3–62.
- Weller J. (2019). Critical reflection through personal pronoun analysis (critical analysis) to identify and individualise teacher professional development // *Teacher Developments*. Vol. 23. No. 1. Pp. 139–154.
- Williamson O.E. (1975). *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. New York: Free Press.
- Wilson M. (2002). Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. No. 4. Pp. 625–636.
- Young O. R. (1989). *International Cooperation: Building Regimes for Natural Resources and the Environment*. Ithaca: Cornell University Press.
- Zaharna R.S. (2016). Beyond the Individualism–Collectivism Divide to Relationalism: Explicating Cultural Assumptions in the Concept of “Relationships” // *Communication Theory*. Vol. 26. No. 2. Pp. 190–211.
- Zahle J. (2016). Methodological Holism in the Social Sciences. / Edward N. Zalta (Ed.). // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2016 Edition). plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/holism-social.
- Zouboulakis M.S. (2002). John Stuart Mill's institutional individualism // *History of Economic Ideas*. Vol. 10. No. 3. Pp. 29–45.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of sciences (Economics), professor, chief researcher scientist, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University.

tambovtsev@econ.msu.ru

UNPRODUCTIVITY OF THE METHODOLOGICAL FUSION'S ATTEMPTS

Annotation. The paper is devoted to the attempts to find a “third pathway” between methodological holism and methodological individualism. Dynamics of these principles' development has analyzed. It is shown that each of them includes the basic ontological principle, and some amounts of explicative principles, where latter principles are remarkably similar. The analysis of seven attempts to find a “third pathway” is presented, and it is shown that these attempts are based on incorrect methodological individualism understandings. At the end of the paper the possible direction of the initial economic institutionalism and new institutional economics interaction has been suggested that can help to move beyond their confrontation.

Keywords: *methodological holism, methodological individualism, “third pathway”.*

JEL: B15, B25, B52.

REFERENCES

- Abrams B. A., Lewis K.A. (1995). Cultural and institutional determinants of economic growth: a cross-section analysis // *Public Choice*. Vol. 83. No. 3–4. Pp. 273–289.
- Agassi J. (1960). Methodological Individualism // *British Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
- Agassi J. (1975). Institutional individualism // *British Journal of Sociology*. Vol. 26. No. 2. Pp. 144–155.
- Ali A.M. (2003). Institutional differences as sources of growth differences // *Atlantic Economic Journal*. Vol. 3. No. 4. Pp. 348–362.
- Bekoff M. (1972). The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: An Ethological Perspective // *Quarterly Review of Biology*. Vol. 47. No. 4. Pp. 412–434.

- Biryukov V.* (2018). Kul'turologicheskaya paradigm vedeniya ekonomicheskoy deyatelnosti [Cultural paradigm of the perception of economic reality] // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 9. Pp. 91–101.
- Braybrooke D.* (1987). *Philosophy of Social Science*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Bubandt N., Otto T.* (2010). *Anthropology and the Predicaments of Holism*. / T. Otto and N. Bubandt (Eds.) // *Experiments in Holism: Theory and Practice in Contemporary Anthropology*. Chichester: Wiley-Blackwell. Pp. 1–15.
- Buchanan J.* (1997) *Sochineniya. Konstitutsiya ekonomicheskoy politiki, Raschet soglasiya. Granitsy svobody*. [Selected Works: The Constitution of Economic Policy. The Calculus of Consent. The Limits of Liberty.] Moscow: Taurus Alfa.
- Bulle N.* (2019). Methodological individualism as anti-reductionism // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 161–184.
- Bunge M.* (2000). Systemism: the alternative to individualism and holism // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 29. No. 2. Pp. 147–157.
- Coker F.W.* (1910). *Organismic Theories of the State: Nineteenth Century Interpretations of the State as Organism or as Person*. New York: Columbia University; Longmans; Green & Co. archive.org/stream/organismictheori00cokeuoft/organismictheori00cokeuoft_djvu.txt.
- Colin J.-P., Losch B.* (1994). “But Where on Earth Has Mamadou Hidden His Production Function?” *French Africanist Rural Economics and Institutionalism* / J. M. Acheson (Ed.) // *Anthropology and institutional economics*. Lanham: University Press of America. Pp. 332–363.
- Denzau A.T., North D.* (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. Vol. 47. No. 1. Pp. 3–31.
- Douglas M.* (1987). *How Institutions Think*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Dove G.* (2016). Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review* Vol. 23. No. 4. Pp. 1109–1121.
- Durkheim E.* (1938). *The Rules of Sociological Method* (8th ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Eliseev A.N., Makarova N.N., Tambovtsev V.L.* (1997). *Institutsional'nyy analiz nauki* [Institutional analysis of science]. Moscow: TEIS.
- Elster J.* (2003 [1982]). Marxism, functionalism, and game theory: The case for methodological individualism / D. Matravers and J. Pike (Eds.). // *Debates in Contemporary Political Philosophy: An Antology*. New York: Routledge Open University. Pp. 22–40.
- Epstein B.* (2009). Ontological Individualism Reconsidered // *Synthese*. Vol. 166. No. 1. Pp. 187–213.
- Flew A.* (1985). *Thinking about Social Thinking: The Philosophy of the Social Sciences*. New York: Basil Blackwell.
- Frolov D.* (2016). Metodologicheskii institutsionalizm 2.0: ot institutov – k institutsional'nyim konfiguratsiyam [Methodological institutionalism 2.0: From institutions to institutional configurations] // *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 147–160.
- Gofman A.B.* (2005) Sushchestvuet li obshchestvo? Ot psikhologicheskogo reduksionizma k epifenomenalizmu v interpretatsii sotsial'noy real'nosti [Does society exist? From psychological reductionism to epiphenomenalism in interpreting social reality] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 1. Pp. 18–25.
- Goldinger S.D., Papesh M.H., Barnhart A.S., Hansen W.A., Hout M.C.* (2016). The poverty of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 23. No. 4. Pp. 959–978.
- Goldstein L.J.* (1956). The inadequacy of the principle of methodological individualism // *Journal of Philosophy*. Vol. 53 No. 25. Pp. 801–813.
- Gordon S.* (2003). *The History and Philosophy of Social Science*. London and New York: Routledge.
- Granovetter M.* (2007). Introduction for the French Reader // *Sociologica*. No. 2. Pp. 1–9.
- Groenewegen J.* (2002). Toward a Teaching of Pluralistic Economics in the Netherland: Some experience from the Erasmus University Rotterdam. Colloque “Enseigner l'économie”, les 3 et 4 avril. Clermont-Ferrand.
- Hamilton W.H.* (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Ho D.Y.F.* (1998). Interpersonal relationships and relationship dominance: An analysis based on methodological relationalism // *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–16.
- Ho D.Y.F., Peng S., Cheng Lai A., Chan S.F.* (2001). Indigenization and beyond: Methodological relationalism in the study of personality across cultural traditions // *Journal of Personality*. Vol. 69. No. 6. Pp. 925–953.
- Hodgson G.M.* (1999). A brief response to Jürgen Lange-von Kulesa // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 439–441.
- Hodgson G.M.* (2000). What is the Essence of Institutionalism? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34/ No. 2. Pp. 317–329.
- Hodgson G.M.* (2003). How Veblenian Evolutionary Thinking Transcends Methodological Individualism and Methodological Collectivism // *Economie et Institutions*. No. 3. Pp. 5–28.
- Hodgson G.M.* 2006. Institutional Economics, the Individual Actor and Institutional Change. For the Alexander von Humboldt Lecture at the University of Nijmegen, December the 5th.

- Jackson W.A. (2002). Functional explanation in economics: a qualified defence // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 2. Pp. 169–189.
- Joronen M., Häkli J. (2017). Politicizing ontology // *Progress in Human Geography*. Vol. 41. No. 5. Pp. 561–579.
- Kanarsh G.Y. (2015). Ideya organitsizma v sovremennykh issledovaniyakh cheloveka i obshchestva [The idea of organicism in contemporary studies of man and society] // *Filosofiya i sovremennost'*. No. 2. Pp. 50–60.
- Kincaid H. (2004). Methodological individualism and economics. / J.B. Davis, A. Marciano and J. Runde (Eds) // *Elgar Companion to Economics and Philosophy*. Aldershot: Elgar. Pp. 299–314.
- Kirdina S. (2013). Metodologicheskii individualizm i metodologicheskii institutsionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism] // *Voprosy ekonomiki*. No. 10. Pp. 66–89.
- Kirdina S.G. (2013). K pereosmysleniyu printsipa metodologicheskogo individualizma [Rethinking the methodological individualism principle]. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
- Kirdina S.G. (2013). Preodolevaya ogranicheniya metodologicheskogo individualizma [Overcoming the Limitations of Methodological Individualism] // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. No. 4. Pp. 100–111.
- Kirdina S.G. (2014). Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v ekonomike i sotsiologii: problemy metodologii [Interdisciplinary research in economics and sociology: methodology problems] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 60–75.
- Kivinen O., Piironen T. (2006). Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. No. 3. Pp. 303–329.
- Knyazev Y. (2019). Individualizm i kollektivizm v sovremennoy ekonomike [Individualism and collectivism in contemporary economy]. Moscow: IE RAS.
- Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2002). Institutional economics: Lectures Course [Institutsionalnaya ekonomika: kurs lektsiy]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology State University (MIPT). (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>). Accessed 11.06.2020.
- Lange-von Kulesa J. (1997). Searching for a methodological synthesis – Hayek's individualism in the light of recent holistic criticism // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 4. No. 2. Pp. 267–287.
- Lange-von Kulesa J. (1999). A brief reaction to a brief response // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 443–444.
- Lemke J., Kroencke J. (2020). Methodological confusions and the science wars in economics // *Review of Austrian Economics*. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 87–106.
- Lewis O.A., Steinmo S. (2012). How institutions evolve: Evolutionary theory and institutional change // *Polity*. Vol. 44. No. 3. Pp. 314–339.
- Lukes S. (1968). Methodological individualism reconsidered // *British Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 119–129.
- McCloskey H.J. (1963). The State as an Organism, as a Person, and as an End in Itself // *Philosophical Review*. Vol. 72. No. 3. Pp. 306–326.
- Meramveliotakis G. (2018). New Institutional Economics: A Critique of Fundamentals & Broad Strokes Towards an Alternative Theoretical Framework for the Analysis of Institutions // *Asian Journal of Social Science Studies*. Vol. 3. No. 2. Pp. 50–64.
- Merton R.K. (1973 [1942]). The normative structure of science. / Merton R.K. // *The sociology of science*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–280.
- Morgunova A.G., Noskov E.G. (2012). Universitet: opyt institutsional'nogo analiza [University: An experience of institutional analysis] // *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. No. 5. Pp. 13–15.
- Nesterenko A. N. (2002). Ekonomika i institutsional'naya teoriya [Economics and institutional theory]. Moscow: Editorial URSS.
- Nooteboom B. (2007). Methodological interactionism: Theory and application to the firm and to the building of trust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 137–153.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oliveira T.D., Suprinyak C.E. (2018). The nature and significance of Lionel Robbins' methodological individualism // *Economia*. Vol. 19. Pp. 24–37.
- Olivier de Sardan J.-P. (2005). *Anthropology and Development: Understanding Contemporary Social Change*. London & New York: Zed Books.
- Pettit P. (1993). *The Common Mind: An Essay on Psychology, Society, and Politics*. New York: Oxford University Press.
- Phillips D.C. (1976). *Holistic Thought in Social Science*. Stanford: Stanford University Press.
- Ritzer G., Gindoff P. (1992). Methodological Relationism: Lessons for and from Social Psychology // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 55. No. 2. Pp. 128–140.
- Rogozhnikova V.N. (2015). Ekonomicheskii chelovek v XXI veke [Homo Economicus of the XXI century] // *Problemy sovremennoi ekonomiki* No. 4. Pp. 70–74.
- Sawyer R.K. (2005). *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. New York: Cambridge University Press.
- Schatzki T.R. (2003). A New Societist Social Ontology // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 33. No. 2. Pp. 174–202.
- Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 23. No. 2. Pp. 213–232.

- Snow C.P.* (1959). *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. London: Oxford University Press.
- Stefanović Z., Petrović D.P.* (2016). The 'Institutions-Individual' Conceptual Nexus as a Basis of Alternative Economic Methodologies // *Economic Themes*. Vol. 54. No. 1. Pp. 1–20.
- Stein J.* (1997). How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 31. No. 3. Pp. 729–740.
- Stogiannos A.* (2019). Fr. Ratzel's State as a "Social Organism". / A. Stogiannos // *The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism*. – Cham: Springer. Pp. 29–55.
- Stryzhak E.O.* (2013). Ontologicheskiye i metodologicheskiye osnovy napravleniy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii [Ontological and methodological foundations of institutional economic theory's directions] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 5. No. 2. Pp. 48–63.
- Tabellini G.* (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 8. No. 4. Pp. 677–716.
- Thompson M.* (2018). How banks and other financial institutions think // *British Actuarial Journal*/ Vol. 23 . No. 5. Pp. 1–16.
- Toboso F.* (1995). Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: The Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 63–84.
- Toboso F.* (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.
- Tunander O.* (2001). Swedish-German geopolitics for a new century: Rudolf Kjellén's "The State as a Living Organism" // *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 3. Pp. 451–463.
- Udehn L.* (2002). The Changing Face of Methodological Individualism // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. Pp. 479–507.
- Veblen T.B.* (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 373–397.
- Veblen T.B.* (1909). The Limitations of Marginal Utility // *Journal of Political Economy*. Vol. 17. No. 9. 620–636.
- Vilber C.K., Harrison R. S.* (1978). The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Wagner R. E.* (2007). Value and exchange: Two windows for economic theorizing // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 97–103.
- Walliser B.* (2003). Organizational levels and time scales in economics. / D. Courgeau (Ed.). // *Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences*. – Paris: Institut National d'Etudes Démographiques. Pp. 160–176.
- Weber M.* (1968 [1921]). *Basic Sociological Terms*. / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley: University of California Press. Pp. 3–62.
- Weller J.* (2019). Critical reflection through personal pronoun analysis (critical analysis) to identify and individualise teacher professional development // *Teacher Developments*. Vol. 23. No. 1. Pp. 139–154.
- Williamson O.E.* (1975). *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. – New York: Free Press.
- Wilson M.* (2002). Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. No. 4. Pp. 625–636.
- Young O.R.* (1989). *International Cooperation: Building Regimes for Natural Resources and the Environment*. Ithaca: Cornell University Press.
- Zaharna R.S.* (2016). Beyond the Individualism–Collectivism Divide to Relationalism: Explicating Cultural Assumptions in the Concept of "Relationships" // *Communication Theory*. Vol. 26. No. 2. Pp. 190–211.
- Zahle J.* (2016). Methodological Holism in the Social Sciences. / Edward N. Zalta (Ed.). // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2016 Edition). URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/holism-social/>>.
- Zouboulakis M.S.* (2002). John Stuart Mill's institutional individualism // *History of Economic Ideas*. Vol. 10. No. 3. Pp. 29–45.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Д.М. Логинов

*к.э.н., с.н.с., Институт социального анализа и прогнозирования
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва)*

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И ФИНАНСОВЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация. На материалах репрезентативного социологического опроса российской молодежи 18–35 лет, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2019 г., проанализирована распространенность финансовых практик, реализуемых различными группами населения соответствующих возрастов с целью сохранения и повышения достигнутого уровня жизни. Показано, что молодежь массово декларирует установки, связывающие возможности повышения материального статуса с реализацией эффективных индивидуальных стратегий социально-экономического поведения, демонстрируя достаточно высокий уровень социального оптимизма. При этом финансовое поведение относится к важным формам социально-экономической активности, в которые включено значительное число молодых людей. В ходе исследования выявлено, что кредиты имеют 46% представителей молодого поколения, при этом средний и более высокий уровень кредитного обременения характеризует 26% опрошенных. Интегральная оценка кредитно-сберегательного поведения показывает, что группа финансового неблагополучия, состоящая из не сформировавших сбережения и одновременно имеющих непогашенные кредиты, составляет 31% молодежи; сбережения при этом имеют 43% молодых людей, включая 27% неотягощенных невыплаченными кредитами. С повышением возраста уровень социального оптимизма молодых людей снижается, а актуализация рисков финансового поведения растет, что иллюстрирует ограничения реализации эффективных социально-экономических практик и возможностей вертикальной мобильности молодежи в сложившейся институциональной среде.

Ключевые слова: молодежь, социально-экономическое поведение, уровень жизни, финансовые практики, сбережения, кредиты, кредитно-сберегательное поведение.

JEL: J13, I31, O15.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10302

1. Постановка проблемы

Состояние нестабильности, характеризующее экономическую ситуацию в стране в последние годы, актуализирует рассмотрение социально-экономических практик, которые реализует российская молодежь с целью сохранения и повышения достигнутого уровня жизни. В число таких практик входят и финансовые – связанные с активизацией поведения, включающего формирование сбережений, получение кредитов, использование страховых и прочих финансовых инструментов.

Различные аспекты финансового поведения населения традиционно находятся в фокусе исследовательского внимания (см., например: [Козырева, 2012; Ярашева,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-010-01124.

Бурдастова, 2013; Белехова, Россошанский, 2018]). Рассматривается также и специфика финансовых стратегий молодежи. Так, на материалах комплексного количественно-качественного исследования выявлены факторы, ограничивающие возможности использования трудового потенциала, и те современные тенденции на рынке труда, которые позволяют молодежи формировать эффективные финансовые практики [Аликперова, Ярашева, Виноградова, 2019]. В работе, основанной на анализе глубинных интервью, рассмотрена специфика влияния личностных характеристик на финансовое поведение молодых людей [Малкина, Рогачев, 2019]. В фокус внимания авторов межрегионального сравнительного исследования был взят региональный аспект финансовых практик и установок современного студенчества [Дулина, Моисеева, 2018]. Вопросы привлечения заемных средств, в том числе ипотечного кредитования, затрагиваются в работе, посвященной жилищной проблеме молодых людей [Александрова, Борковская, 2019].

Финансовые практики рассматриваются нами как структурный элемент экономического поведения, которое, по классическому определению Л. Роббинса, характеризует человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными возможностями [Роббинс, 1993]. В условиях объективной ограниченности ресурсов и «веера возможностей» молодое поколение россиян реализует жизненные стратегии взаимодействия с различными экономическими и общественными сферами [Фернхем, Хейвен, 2001], в числе которых выступают финансовые институты. Выбор поведенческих стратегий осуществляется на основе рационального выбора [Marriage..., 1974; Berk, 1980; Coleman, 1986; Капелюшников, 2013; Капелюшников, 2013] с учетом объективных ограничений экономической рациональности [Simon, 1959]. Как показывают исследования социально-экономического положения населения [Аврамова, Логинов, 2018], эффективная включенность в систему финансовых взаимодействий расширяет адаптационные возможности различных групп населения и выступает фактором, способствующим вертикальной мобильности. При этом необходимо также учитывать возможные риски финансовых взаимодействий, связанные с чрезмерным кредитным обременением.

Данная статья посвящена анализу финансовых практик российской молодежи, которая формирует направления социально-экономического поведения, ориентированные на достижение и сохранение приемлемого материального статуса и уровня жизни. Эмпирической базой исследования выступают данные социологического опроса, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2019 г. по выборке, репрезентирующей население страны в возрасте 18–35 лет (объем выборочной совокупности составляет 3500 респондентов).

2. Материальное положение молодежи и перспективы позитивной динамики

Начнем с рассмотрения достигнутого уровня материального положения молодых людей по субъективной оценке. Чуть более 60% респондентов оценили свой достаток как средний, и практически равные группы (около 20% в каждой) – как выше и ниже среднего. В этом вопросе прослеживается определенная гендерная асимметрия: мужчины оценивают достигнутый материальный статус несколько выше, и соответствующие различия в наполненности групп позитивной и негативной оценки составляют около 4 процентных пункта (п.п.).

Важно подчеркнуть, что субъективные оценки материального положения различных возрастных когорт заметно различаются. Как показывают данные, приведенные в табл. 1, с переходом в каждую следующую группу характеристики материального достатка снижаются, достигая минимального значения среди самых возрастных из наших респондентов. Объяснением этого может служить совокупность социально-экономических и демогра-

фических факторов. Во-первых, с повышением возраста растет доля молодежи, выделившейся из родительской семьи, а также снижается объем помощи, получаемой от родителей. Во-вторых, расширяется зона социальной ответственности, когда объем располагаемых материальных ресурсов необходимо распределять с учетом возрастающих внутрисемейных обязательств. И наконец, данный факт свидетельствует о том, что по мере вступления во «взрослую жизнь» молодые люди все больше осознают ограничения сложившегося институционального контекста, затрудняющего возможности вхождения в сравнительно обеспеченные группы. При этом доля оценивающих свое материальное положение как «ниже среднего» практически одинакова во всех рассмотренных возрастах.

Таблица 1

Оценка материального положения по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Оценка материального положения		
	выше среднего	среднее	ниже среднего
18–22	25,8	54,3	19,9
23–27	20,4	59,6	20,0
28–31	17,3	62,9	19,8
32–35	15,0	64,9	20,1
В целом	19,1	61,0	19,9

Распределение материальных достижений молодежи по образовательным группам показывает, что для молодых людей «премия за высшее образование» достаточно невысока, поскольку явных преимуществ в оценке материального положения респондентов с высшим образованием не выявлено (табл. 2). Это может свидетельствовать о том, что ликвидность образовательного ресурса, особенно в условиях его массовости, ограничена и проявляется с развитием карьеры по мере накопления других профессиональных и социальных навыков. Кроме того, можно предположить, что наличие высшего образования формирует большую требовательность в отношении уровня дохода, которая проявляется в субъективной оценке материального положения.

Таблица 2

Оценка материального положения по образовательным группам (в % по строке)

Образовательные группы	Оценка материального положения		
	выше среднего	среднее	ниже среднего
Нет профессионального образования	18,8	61,3	19,9
Среднее (начальное) профессиональное образование	18,5	60,2	21,3
Высшее образование	19,8	61,5	18,7
В целом	19,1	61,0	19,9

Распределение по размеру месячного среднедушевого дохода в домохозяйствах российской молодежи представлено в табл. 3. Оно иллюстрирует заметное смещение в сторону минимальных значений доходной шкалы.

Таблица 3
Среднемесячный размер душевого дохода (в %)

Душевой доход	Число респондентов
До 10 тыс. руб.	27,7
Более 10 тыс. – до 20 тыс. руб.	30,2
Более 20 тыс. – до 30 тыс. руб.	15,3
Более 30 тыс. – до 40 тыс. руб.	10,5
Более 40 тыс. – до 70 тыс. руб.	9,5
Более 70 тыс. руб.	6,8

Просматривается очевидная взаимосвязь номинального уровня располагаемых доходов и субъективной оценки материальной обеспеченности (табл. 4). При этом необходимо отметить несколько важных характеристик представленного распределения. Первое – демонстрируемый российской молодежью уровень материальных притязаний, который достаточно невысок, поскольку достаточно массово распространены не только средние, но и высокие субъективные характеристики при низких номинальных уровнях располагаемого дохода. Во-вторых, территориальная и поселенческая неоднородность социально-экономического контекста приводит к тому, что имеются заметные респондентские группы, полярно оценивающие уровни доходов, являющиеся идентичными по номинальной шкале. В-третьих, только начиная с размера душевого дохода, превышающего 70 тыс. руб., качественно меняется распределение оценок по характеристике материального положения: существенно сокращается число средних оценок и повышается распространенность высоких.

Таблица 4
Оценка материального положения по группам душевого дохода (в % по строке)

Душевой доход	Оценка материального положения		
	выше среднего	среднее	ниже среднего
До 10 тыс. руб.	8,7	56,4	34,9
Более 10 тыс. – до 20 тыс. руб.	13,8	65,4	20,8
Более 20 тыс. – до 30 тыс. руб.	19,4	63,9	16,7
Более 30 тыс. – до 40 тыс. руб.	25,8	62,2	12,0
Более 40 тыс. – до 70 тыс. руб.	31,5	61,9	6,6
Более 70 тыс. руб.	43,6	48,7	7,7
В целом	19,1	61,0	19,9

Размер среднедушевого дохода существенно варьируется в зависимости от демографического типа семьи, в которой проживают респонденты (см. табл. 5). Наиболее высокий доходный статус имеют одиноко проживающие молодые люди; затем со значительным отрывом следует вторая по материальной успешности группа – бездетные семейные пары. Самые низкие объективные характеристики материального положения свойственны имеющим малолетних детей.

Таблица 5

Среднемесячный размер душевого дохода по типам структуры домохозяйства (в % по строке)

Тип структуры домохозяйства	Душевой доход, тыс. руб.					
	до 10	10–20	20–30	30–40	40–70	более 70
Живет один	7,8	15,0	20,3	13,4	19,2	24,3
Живет с родителями без партнера и детей	22,3	31,7	17,3	15,0	10,5	3,2
Живет с партнером без родителей и детей	10,7	21,5	21,7	18,7	16,9	10,5
Живет с партнером и родителями без детей	34,5	29,3	13,8	12,1	8,6	1,7
Живет с партнером и детьми без родителей	36,9	36,2	11,8	7,6	5,0	2,5
Живет с партнером, детьми и родителями	55,7	29,8	8,6	3,3	1,3	1,3
Живет с детьми без партнера и без родителей	44,4	37,0	11,1	1,9	3,7	1,9
Живет с детьми и родителями без партнера	30,2	41,1	10,9	6,2	8,5	3,1
В целом	27,7	30,2	15,3	10,5	9,5	6,8

Следующий исследовательский вопрос – рассмотрение перспектив материальной обеспеченности молодежи. Большинство опрошенных (62%) рассчитывают на улучшение материального положения в ближайшие годы, тогда как негативной динамики ожидают лишь около 5% молодых людей. Наиболее оптимистично настроена младшая когорта, а сравнительный пессимизм, напротив, демонстрируют самые старшие из наших респондентов (см. табл. 6). Мнения о возможном ухудшении материального положения в ближайшие несколько лет в каждой из возрастных групп мало распространены, но значительная доля опрошенных (среди представителей старших возрастных когорт превышающая 10%) затруднилась спрогнозировать свой достаток в будущем. Это свидетельствует о том, что с возрастом снижаются свойственные молодым оптимизм и вера в собственные успехи, что накладывает отпечаток на оценку будущих перспектив. Наиболее уверенно смотрят в будущее те, кто уже добились относительно высокого материального успеха, но даже среди наименее обеспеченных уровень оптимизма достаточно высок (см. табл. 7).

Таблица 6

Представления о перспективной динамике материального положения по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Представления о перспективной динамике материального положения			
	улучшится	не изменится	ухудшится	затруднились ответить
18–22	75,7	19,0	2,3	3,0
23–27	70,7	20,8	3,3	5,2
28–31	55,9	29,2	4,8	10,1
32–35	50,7	30,9	6,7	11,7
В целом	62,1	25,6	4,4	7,9

Таблица 7

Представления о перспективной динамике материального положения по группам материальной обеспеченности (в % по строке)

Уровень материальной обеспеченности	Перспективная динамика материального положения			
	улучшится	не изменится	ухудшится	затруднились ответить
Выше среднего	78,6	15,9	1,3	4,2
Средний	60,7	28,0	3,5	7,8
Ниже среднего	51,0	27,6	10,3	11,1
В целом	62,1	25,6	4,4	7,9

Важно было понять, что в представлении респондентов обуславливает повышение материального статуса. Большинство опрошенных связывают будущие успехи с ростом квалификации и профессионализма (36%) и (в несколько меньшей степени) с нахождением более высокооплачиваемой работы и приработков (31%). В то же время заметно более узкие по численности группы увязывают рост доходов с внешними по отношению к себе факторами: общим улучшением экономической ситуации в стране, а также с ростом доходов партнера или супруга (по 14% в каждом случае).

Выделение основного фактора роста благосостояния существенно зависит от текущего уровня материальной обеспеченности. Для тех, кто оценивает свой уровень жизни как средний или выше среднего, ключевым выступает рост квалификации и профессионализма; для респондентов с низким уровнем материальной обеспеченности таким фактором становится активная позиция на рынке труда (табл. 8).

Таблица 8

Представления об основном ресурсе повышения материального положения по группам материальной обеспеченности (в % по строке от предполагающих позитивную динамику материальной обеспеченности)

Уровень материальной обеспеченности	Основной ресурс повышения материального положения				
	нахождение работы, приработков	рост квалификации	рост доходов супруга	общее улучшение ситуации	затруднились ответить
Выше среднего	20,2	47,5	14,2	13,4	4,7
Средний	31,9	34,2	14,7	15,0	4,2
Ниже среднего	43,5	28,0	10,6	13,4	4,5
В целом	30,9	36,4	13,8	14,4	4,5

3. Уровень финансовой активности молодежи

Финансовое поведение относится к важным элементам экономической активности человека, в том числе и молодого. При этом основной формой финансовой активности молодых людей является обращение к кредитам. Оно характерно почти для половины опрошенных (рис. 1). Другие формы финансовой активности менее распространены. Однако каждый пятый респондент делал сбережения в виде банковских вкладов, примерно такая же доля опрошенных получала налоговые вычеты. О приобретении полиса добровольного страхования говорил примерно каждый десятый респондент, а интерес к приобретению ценных бумаг у молодежи минимален.

Рис. 1. Формы финансового поведения (в %)

Агрегировав формы финансового поведения молодых людей, можно рассчитать интегральный показатель финансовой активности. Полученные результаты предполагают следующее разделение опрошенных молодых людей:

- низкий уровень активности, не предполагающий включенности в какие-либо формы финансового поведения, присущ 31,3%;
- активность среднего уровня, которой соответствует обращение к одной или двум формам финансового поведения, характерен для 55,8%;
- высокий уровень активности молодежи, при котором используется более двух форм финансового поведения, демонстрируют 12,9%.

В табл. 9 приведено распределение типов финансовой активности по возрасту. Здесь видно, что уже в младшей возрастной когорте, многие представители которой только получают профессиональное образование, присутствуют определенные виды финансового поведения. Даже здесь почти половина 18–22-летних демонстрируют уровень, отличающийся от низкого. Затем, с взрослением, финансовое поведение молодых людей становится все более активным.

Таблица 9

Уровень финансовой активности по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Уровень финансовой активности		
	низкий	средний	высокий
18–22	51,1	43,6	5,3
23–27	30,3	58,1	11,6
28–31	26,0	58,9	15,1
32–35	23,1	59,6	17,3
В целом	31,3	55,8	12,9

Уровень образования выступает фактором, в сильной степени определяющим финансовую активность (табл. 10). Так, среди респондентов, получивших высшее образование, существенно реже наблюдается пассивное финансовое поведение и, в то же время, в разы больше тех, кто характеризуется высоким уровнем его активности.

Таблица 10

Уровень финансовой активности по образовательным группам (в % по строке)

Образовательные группы	Уровень финансовой активности		
	низкий	средний	высокий
Нет профессионального образования	46,7	47,5	5,8
Среднее (начальное) профессиональное образование	32,5	58,2	9,3
Высшее образование	23,5	57,5	19,0
В целом	31,3	55,8	12,9

Нужно также обратить внимание на то, что уровень материальной обеспеченности не оказывает принципиального влияния на выход из «нулевой фазы» финансовой активности (см. табл. 11). Данную ситуацию можно объяснить тем, что наиболее распространенная форма финансовых практик – кредитование, которое часто характерно для менее обеспеченных групп населения. Вместе с тем именно среди сравнительно высокой доходной группы присутствует наибольшая доля тех, кто максимизируют свою финансовую активность.

Таблица 11

Уровень финансовой активности по группам материальной обеспеченности (в % по строке)

Уровень материальной обеспеченности	Уровень финансовой активности		
	низкий	средний	высокий
Выше среднего	28,1	51,4	20,5
Средний	31,0	56,7	12,3
Ниже среднего	34,9	57,8	7,3
В целом	31,3	55,8	12,9

4. Сберегательные возможности и кредитное обременение

Представляется важным более подробное рассмотрение тех видов финансового поведения, которые характеризуют запас прочности, формирующийся уже у молодого поколения. Он находит отражение в реализуемых стратегиях формирования сбережений, а также в уровне кредитного обременения домохозяйств соответствующей возрастной когорты.

О наличии сбережений в ходе нашего обследования сообщили 43,5% респондентов. Поскольку сбережения во многих случаях оказываются результатом не индивидуальных, а семейных стратегий, интересно, как держатели сбережений распределяются по демографическим типам домохозяйств (см. табл. 12). Как видно из представленных данных, наибольшие доли имеющих сбережения сосредоточены либо в группе одиноко живущих молодых людей, либо у тех, кто живет совместно с родителями, не имея собственной семьи. Появление партнера лишь слегка уменьшает возможность делать сбережения. В то же время, наличие детей становится фактором, резко ограничивающим возможности формирования «подушки безопасности».

Таблица 12

Наличие сбережений по типам по типам структуры домохозяйства (в % по строке)

Тип структуры домохозяйства	Сбережения	
	отсутствие	наличие
Живет один	45,3	54,7
Живет с родителями без партнера и детей	48,3	51,7
Живет с партнером без родителей и детей	51,9	48,1
Живет с партнером и родителями без детей	56,8	43,2
Живет с партнером и детьми без родителей	64,5	35,5
Живет с партнером, детьми и родителями	64,7	35,3
Живет с детьми без партнера и без родителей	67,8	32,2
Живет с детьми и родителями без партнера	57,6	42,4
В целом	56,5	43,5

Из табл. 13 следует, что хотя материальное благосостояние выступает важным фактором сберегательной активности, этот фактор не является определяющим для всех представителей российской молодежи. Так, более чем у трети респондентов, относящихся к группе с доходами выше среднего, запас прочности отсутствует, видимо, потому, что эти группы переносят баланс в сторону потребительской, а не сберегательной активности. В то же время сбережения имеются у 27% опрошенных, представляющих группу с доходами ниже среднего. При этом нужно обратить внимание и на то, что три четверти молодежи с низкими доходами не имеют никаких финансовых резервов. Это показывает уязвимость наименее обеспеченных групп перед рисками экономической нестабильности, которые актуализированы в настоящее время.

Таблица 13

Наличие сбережений по группам материальной обеспеченности (в % по строке)

Уровень материальной обеспеченности	Сбережения	
	отсутствие	наличие
Выше среднего	36,6	63,4
Средний	57,1	42,9
Ниже среднего	73,1	26,9
В целом	56,5	43,5

Важность для молодых людей потребительских предпочтений, а также значение для них возможности приобретения собственного жилья, естественно подводит к вопросу о роли в их финансовом поведении жизни в кредит. В ипотечное кредитование вовлечено 18% респондентов. При этом доля ипотечных заемщиков никак не зависит от уровня материального положения: актуальные кредиты на приобретение жилья в равных долях имеют те, кто относит себя и к наиболее, и к наименее обеспеченным слоям общества. Думаю, такие данные иллюстрируют ситуацию, при которой приобретение жилья «выравнивает» материальный статус российской молодежи. То есть более обеспеченные группы имеют шансы получения ипотечных кредитов и реализуют имеющиеся возможности, но в то же

время и существенно снижают свои материальные перспективы, будучи вынужденными длительное время выделять значительную часть своего дохода на покрытие кредитных обязательств.

Потребительские кредиты имеют 36,7% респондентов. Распределение по группам материальной обеспеченности показывает, что к таким заемщикам относится несколько меньшая часть респондентов, принадлежащих к доходной группе выше среднего (29%). В группах же со средними и относительно низкими доходами доли кредитных реципиентов практически равны (38 и 40%, соответственно). Обобщенное рассмотрение финансового обременения (один или несколько кредитов любого вида) показывает, что непогашенные кредиты имеются у 46% представителей молодого поколения. Возрастное же распределение свидетельствует об увеличении кредитной нагрузки с повышением возраста (табл. 14).

Таблица 14

Наличие кредитов по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Кредитное обременение	
	отсутствие	наличие
18–22	65,4	34,6
23–27	56,2	43,8
28–31	50,8	49,2
32–35	46,7	53,3
В целом	53,9	46,1

Только самостоятельно проживающие, либо проживающие в родительской семье, имеют сравнительно незначительные кредитные обременения (кредитная нагрузка в этих группах распространена, соответственно, на 28,6% и 36,4%). Примерно половина представителей всех остальных демографических типов являются актуальными кредитополучателями (табл. 15). Влияние уровня благосостояния на кредитное поведение проявляется только в том, что среди имеющих относительно высокие доходы получателей кредитов на 10% меньше, чем в других доходных группах (табл. 16).

Таблица 15

Наличие кредитов по типам структуры домохозяйства (в % по строке)

Тип структуры домохозяйства	Кредитное обременение	
	отсутствие	наличие
Живет один	71,4	28,6
Живет с родителями без партнера и детей	63,6	36,4
Живет с партнером без родителей и детей	52,0	48,0
Живет с партнером и родителями без детей	51,9	48,1
Живет с партнером и детьми без родителей	45,5	54,5
Живет с партнером, детьми и родителями	45,5	54,5
Живет с детьми без партнера и без родителей	52,0	48,0
Живет с детьми и родителями без партнера	47,9	52,1
В целом	53,9	46,1

Таблица 16

Наличие кредитов по группам материальной обеспеченности (в % по строке)

Уровень материальной обеспеченности	Кредитное обременение	
	отсутствие	наличие
Выше среднего	60,7	39,3
Средний	52,6	47,4
Ниже среднего	51,4	48,6
В целом	53,9	46,1

На основании анализа комплекса полученных данных о наличии кредитов и о трудностях с их погашением был выделен интегральный уровень кредитного обременения:

- кредитное обременение отсутствует – 53,9%;
- низкий уровень обременения (наличие кредитной нагрузки, обслуживание которой не вызывает трудностей) – 19,9%;
- средний уровень (обслуживание имеющихся кредитов вызывает некоторые сложности) – 22,4%;
- высокий уровень (кредитная нагрузка чрезмерна, необходимые выплаты вызывают существенные затруднения) – 3,8%.

Низкий уровень кредитных обременений в большей степени характерен для младших возрастных групп. С повышением возраста навес кредитной нагрузки нарастает, становясь максимальным в старшей когорте, где уже более 30% опрошенных говорят о рисках среднего или высокого уровня (см. табл. 17). Можно сказать, что молодежные группы хотя и являются достаточно активными кредитополучателями, но в целом справляются с кредитной нагрузкой.

Таблица 17

Уровень кредитного обременения по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Уровень кредитного обременения			
	отсутствует	низкий	средний	высокий
18–22	65,4	16,7	16,6	1,3
23–27	56,2	18,7	21,4	3,7
28–31	50,8	20,4	24,6	4,2
32–35	46,7	22,9	25,2	5,2
В целом	53,9	19,9	22,4	3,8

5. Интегральная оценка кредитно-сберегательного поведения

На основании комплекса полученных данных построена типология кредитно-сберегательного поведения. Была выделена наиболее благополучная в финансовом отношении группа, представители которой обладают сбережениями и свободны от кредитов, и эта группа составляет немногим более четверти молодых людей (27,3%). Самая неблагополучная группа (представители которой, имея кредитную нагрузку, не сформировали сбережений) является еще более наполненной – 30,7%. Еще одна достаточно многочисленная часть опрошенных (25,8%) не имеет ни сбережений, ни кредитов. А 16,2% актуализируют и сбережения, и кредиты одновременно: они характеризуются наиболее активным финансовым

поведением, балансируя между накопительными и сберегательными практиками. Каков же социально-демографический состав выделенных групп?

Результаты исследования, приведенные в табл. 18, подтверждают негативную динамику материальных возможностей молодых людей с переходом в каждую следующую возрастную группу. Изменения в распространенности модели финансового благополучия («есть сбережения, нет кредитов») и модели финансовых рисков («нет сбережений, есть кредиты») практически зеркальны: в первом случае возрастная динамика характеризуется снижением на 18 п.п., а во втором – ростом на 21 п.п. При этом распространенность наиболее активного финансового поведения, при котором реализуется сочетание сберегательных и кредитных практик, с повышением возраста не растет. Наоборот, такая модель финансового поведения становится менее распространенной в старших когортах, хотя разница крайне невелика и составляет около 2 п.п.

Таблица 18

Кредитно-сберегательное поведение по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Кредитно-сберегательное поведение			
	нет сбережений, нет кредитов	есть сбережения, нет кредитов	нет сбережений, есть кредиты	есть сбережения, есть кредиты
18 – 22	25,2	39,4	18,0	17,4
23 – 27	25,8	29,7	27,3	17,2
28 – 31	27,0	23,2	34,3	15,5
32 – 35	24,8	21,0	38,9	15,3
В целом	25,8	27,3	30,7	16,2

При рассмотрении поселенческой дифференциации явно выделяются сельские жители, среди которых отмечена минимальная распространенность формы финансового поведения, предполагающая формирование сбережений при отсутствии кредитной нагрузки, а также и наиболее активной модели, когда кредиты и сбережения сочетаются. При этом в финансовых практиках молодежи, проживающей в сельских поселениях максимальна доля тех, кто не имеет сбережений при наличии кредитов, а также тех, кто вовсе не пользуется рассматриваемыми финансовыми инструментами. В мегаполисах финансовое поведение наиболее активно: там доля молодежи, которая смогла сформировать «подушку финансовой безопасности», будучи не отягощенной кредитными обязательствами, максимальна (см. табл. 19).

Таблица 19

Кредитно-сберегательное поведение по поселенческим группам (в % по строке)

Поселенческие группы	Кредитно-сберегательное поведение			
	нет сбережений, нет кредитов	есть сбережения, нет кредитов	нет сбережений, есть кредиты	есть сбережения, есть кредиты
Города с более 1 млн жителей	23,3	34,0	25,1	17,6
Города с более 250 тыс. жителей	23,8	26,9	30,3	19,0
Города, имеющие до 250 тыс. жителей	26,2	25,1	32,5	16,2
Сельские поселения	30,5	23,2	34,8	11,5
В целом	25,8	27,3	30,7	16,2

Наиболее благополучную в смысле финансовых тактик группу («есть сбережения, нет кредитов») в большей степени составляют самостоятельно проживающие молодые люди, либо те, кто проживают совместно с родителями (см. табл. 20).

Таблица 20

Кредитно-сберегательное поведение по типам структуры домохозяйства (в % по строке)

Тип структуры домохозяйства	Кредитно-сберегательное поведение			
	нет сбережений, нет кредитов	есть сбережения, нет кредитов	нет сбережений, есть кредиты	есть сбережения, есть кредиты
Живет один	30,3	40,5	14,9	14,3
Живет с родителями без партнера и детей	24,7	38,6	23,7	13,0
Живет с партнером без родителей и детей	23,9	27,6	27,9	20,6
Живет с партнером и родителями без детей	28,3	23,0	28,4	20,3
Живет с партнером и детьми без родителей	24,8	20,3	39,7	15,2
Живет с партнером, детьми и родителями	29,9	14,7	34,7	20,7
Живет с детьми без партнера и без родителей	27,7	21,0	40,4	10,9
Живет с детьми и родителями без партнера	20,9	26,0	37,3	15,8
В целом	25,8	27,3	30,7	16,2

Показатели кредитно-сберегательного поведения кардинально отличаются в зависимости от уровня материальной обеспеченности молодых людей (табл. 21).

Таблица 21

Кредитно-сберегательное поведение по группам материальной обеспеченности (в % по строке)

Уровень материальной обеспеченности	Кредитно-сберегательное поведение			
	нет сбережений, нет кредитов	есть сбережения, нет кредитов	нет сбережений, есть кредиты	есть сбережения, есть кредиты
Выше среднего	20,3	40,4	16,3	23,0
Средний	25,4	26,0	31,7	16,9
Ниже среднего	32,1	18,6	41,1	8,2
В целом	25,8	27,3	30,7	16,2

Как видно из представленных данных, в зоне повышенного финансового риска находятся преимущественно те, кто уже имеют ограниченные материальные возможности. С повышением материального статуса растет распространенность перспективных финансовых практик, достигая максимальных значений среди сравнительно высокообеспеченных представителей молодежи.

6. Основные выводы

Результаты проведенного исследования показывают, что уровень материального статуса российской молодежи находится в обратной зависимости от возраста: с переходом к каждой следующей когорте оценки ее материального положения существенно снижаются. Большинство опрошенных рассчитывают на улучшение материальной ситуации в будущем. Наиболее оптимистично настроена самая молодая возрастная когорта, а наиболее пессимистично – самая старшая. Увереннее других смотрят в будущее те, кому уже удалось относительно высокого уровня материального положения.

Наибольшая группа молодых людей связывает материальные успехи с реализацией личных усилий, в частности, с повышением квалификации и нахождением высокооплачиваемой работы или приработков. Такое распределение ответов заметно отличает молодежь от более старших поколений, где большинство скорее склонно надеяться не на собственные усилия, а на позитивную макроэкономическую конъюнктуру либо на социальную политику государства, которые прямо или косвенно способны обеспечить более высокий уровень жизни.

Финансовое поведение относится к важным формам экономической активности, в его различные формы включено значительное число молодых людей, а самой массовой практикой выступает обращение к кредитным ресурсам. Другие формы активности менее распространены среди молодежи, однако более чем каждый пятый делает сбережения в виде банковских вкладов, примерно такая же доля получает налоговые вычеты, а приобретение полиса добровольного страхования характеризует финансовое поведение более чем каждого десятого.

О наличии сбережений сообщили более 40% респондентов. Материальное благосостояние является важным фактором сберегательной активности, однако этот фактор воздействует нелинейно. Так, более чем у трети респондентов, относящихся к группе с доходами выше среднего, сбережения отсутствуют, видимо, потому, что баланс здесь переносится в сторону потребительского, а не накопительного поведения. В то же время сбережения имеются более чем у четверти респондентов, представляющих группу с доходами ниже среднего. Нужно при этом обратить внимание на тот факт, что три четверти респондентов с низкими доходами не имеют никаких финансовых резервов.

Типология кредитно-сберегательного поведения демонстрирует, что самая благополучная в финансовом отношении группа, представители которой обладают сбережениями, но не имеют кредитов, составляет чуть больше четверти респондентов. Около 31% характеризуются наличием кредитов и отсутствием сбережений. Можно сказать, что молодежные группы достаточно активно включены в финансовые практики и в целом справляются с кредитной нагрузкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е.М., Логинов Д.М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // ЭКО. №6. С. 86–102.
- Александрова О.А., Борковская Е.И. (2019). «Купить нельзя арендовать»: куда поставит запятую столичная молодежь? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 9. № 5 (41). С. 97–105.
- Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В. (2019). Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 1. С. 226–240.
- Белехова Г.В., Россошанский А.И. (2018). Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 198–213.

- Дулина Н.В., Моисеева Д.В. (2018). Региональные различия в финансовых практиках и установках современного российского студенчества (по материалам прикладного социологического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 44. С. 155–168.
- Капелюшников Р.И. (2013). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. №9. С. 66–90.
- Капелюшников Р.И. (2013). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // Вопросы экономики. №10. С. 1–19.
- Козырева П.М. (2012). Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. № 7 (339). С. 54–66.
- Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю. (2019). Влияние личностных характеристик на финансовое поведение молодежи // Journal of Institutional Studies. № 11(3). С. 135–152.
- Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки // THESIS. Вып. 1. С. 10–23.
- Фернхем А., Хейвен П. (2001). Личность и социальное поведение. СПб.: Питер.
- Ярашева А.В., Бурдастова Ю.В. (2013) Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств // Народонаселение. № 2 (60). С. 94–102.
- Berk R.A. (1980). The New Home Economics: An agenda for sociological research. In Women and Household Labor. London: Beverly Hills, CA; Sage.
- Coleman J.S (1986). Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. No. 91 Pp. 1309–1335.
- Marriage, Family Human Capital, and Fertility (1974). Chicago: Univ. Chicago Press.
- Simon H. (1959) Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science // The American Economics Review. Vol. 49. No. 3. Pp 253–283.

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow

loginov-dm@ranepa.ru

THE LEVEL OF LIFE AND FINANCIAL PRACTICES OF THE RUSSIAN YOUTH

Abstract. Basing on the materials of the representative sociological survey held by the Institute of the social analysis and forecasting of RANEPА in 2019 among Russian young people in the age of 18–35, the spread of financial practices implemented by various population groups of appropriate age aimed at maintenance and enhancement of the achieved level of life has been analyzed. It has been shown that the youth is intensively showing the attitudes that tie together the opportunities of financial status increase with implementation of effective individual strategies of socio-economic behavior demonstrating quite high level of social optimism; meanwhile financial behavior is the important form of socio-economic activity which the significant part of young people are involved in. The study has revealed that 46% of the young generation have loans, while 26% of respondents have the average and higher level of loan burden. The integral assessment of loan and saving behavior shows that the group of financial distress, consisting of those who have not formed savings and have unpaid loans, is 31% of young people; meanwhile 43% of young people have savings, including those 27% who have not burden of unpaid loans. The older young men are, the lower is getting the level of social optimism, and the actuality of financial behavior risks is increasing, which is shown by limits of effective socio-economic practices implementation and opportunities of young people's vertical mobility in the existing institutional environment.

Keywords: *the youth, socio-economic behavior, the level of life, financial practices, savings, loans, loan and saving behavior.*

JEL: J13, I31, O15.

REFERENCES

- Avraamova E.M., Loginov D.M.* (2018). Adaptaciya naseleniya k «novoj ekonomicheskoj real'nosti» [Adaptation of the population to the "new economic reality"] // EKO. No. 6. Pp. 86–102.
- Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I.* (2019). «Kupit' nel'zya arendovat'»: Kuda postavit zapyatuyu stolichnaya molodezh'? ["You can't buy or rent»: Where will the capital's youth put the comma?"] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Vol. 9. No. 5 (41). Pp. 97–105.
- Alikperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V.* (2019). Motivaciya trudovogo povedeniya molodyozhi kak vozmozhnosti dlya realizacii finansovyh strategij [Motivation of youth labor behavior as an opportunity to implement financial strategies]. // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Vol. 12. No. 1. Pp. 226–240.
- Belekhova G.V., Rossoshanskij A.I.* (2018). Ocenka faktorov finansovogo povedeniya naseleniya: opyt primeneniya regressionnogo analiza po panel'nym dannym [Assessment of factors of financial behavior of the population: experience in using regression analysis based on panel data] // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Vol. 11. No. 5. Pp. 198–213.
- Berk R.A.* (1980). *The New Home Economics: An agenda for sociological research.* In *Women and Household Labor.* London: Beverly Hills, CA; Sage.
- Coleman J.S.* (1986). Social theory, social research, and a theory of action // *American Journal of Sociology.* No. 91. Pp. 1309–1335.
- Dulina N.V., Moiseeva D.V.* (2018). Regional'nye razlichiya v finansovyh praktikah i ustanovkah sovremennogo rossijskogo studenchestva (po materialam prikladnogo sociologicheskogo issledovaniya) [Regional differences in financial practices and attitudes of modern Russian students (based on applied sociological research)]. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. No. 44. Pp. 155–168.
- Fernhem A., Hejven P.* (2001). *Lichnost' i social'noe povedenie* [Personality and social behavior]. SPb.: Piter.
- Kapelyushnikov R.I.* (2013). Povedencheskaya ekonomika i «novyj» paternalizm. CHast' I [Behavioral Economics and the «new» paternalism. Part I] // *Voprosy ekonomiki.* No. 9. Pp. 66–90.
- Kapelyushnikov R.I.* (2013). Povedencheskaya ekonomika i «novyj» paternalizm. CHast' II [Behavioral Economics and the «new» paternalism. Part II] // *Voprosy ekonomiki.* No. 10. Pp. 1–19.
- Kozyreva P.M.* (2012). Finansovoe povedenie v kontekste social'no-ekonomicheskoj adaptacii naseleniya (sociologicheskij analiz) [Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (sociological analysis)] // *Sociologicheskie issledovaniya.* No. 7 (339). Pp. 54–66.
- Malkina M.Yu., Rogachev D.Yu.* (2019). Vliyanie lichnostnyh harakteristik na finansovoe povedenie molodyozhi [Influence of personal characteristics on financial behavior of youth]. *Journal of Institutional Studies.* No. 11(3). Pp. 135–152.
- Marriage, Family Human Capital, and Fertility* (1974). Chicago: Univ. Chicago Press.
- Robbins L.* (1993). Predmet ekonomicheskoj nauki [Subject of economic science] // *THESIS.* Is. 1. Pp. 10–23.
- Simon H.* (1959). *Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science.* // *The American Economics Review.* Vol. 49. No. 3. Pp. 253–283.
- Yarasheva A.V., Burdastova Yu.V.* (2013). Sberegatel'nye i kreditnye strategii domochozyajstv [Household savings and credit strategies] // *Narodonaselenie.* No. 2 (60). Pp. 94–102.

Г.Г. Водолазов

д.филос.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений, вице-президент Академии политической науки

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ (ЧАСТЬ II. «МЕРТВАЯ ВОДА» ЭПОХИ НЭПА)

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновленного социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию (об этом – в первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала), что отброшено («мертвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия.

Ключевые слова: Октябрьская революция, военный коммунизм, нэп, социализм, плюрализм.

JEL: B14, B24.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10303

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, писали мы в первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала, начинается с утверждения: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 376; (6 января 1923 г., статья «О кооперации»)]. Именно здесь, в этом тезисе, был главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму. Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной пересмотр» всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи, подчеркивали мы, должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

В чем же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание?

В первой части нашей статьи шла речь о животворных идеях («живой воде») ленинского наследия, во многом связанных с его теорией новой экономической политики.

Разработанная Лениным концепция нэпа была, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Нэп, действительно, оживил ее. Но в нэповской «реке»

текла не только «живая», но и «мертвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой». Об этой «мертвой воде» ленинских идей эпохи нэпа и пойдет, главным образом, разговор в этой, второй части, нашей статье.

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «мертвой воды». О чем идет речь?

Дело в том, что нэп был плюралистической экономической демократией (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская демократия все время натывалась на недемократические политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времен военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жесткий централизм. Экономическая демократия не могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической диктатуры.

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна переделка нашего аппарата» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 376]. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами» [Ленин, 1967–1975. Т. 54. С. 180]. В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, – писал Маркс, – есть тайна, таинство... соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым, корпоративным характером» [Маркс, 1955, Т. 1. С. 272]. Бюрократу абсолютно безразлично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница господ, если смотреть на нее сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «Авторитет есть... принцип ее (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей» [Маркс, 1955. Т. 1. С. 243]. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет все сотворить...она возводит волю в cause prima(в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности» [Маркс, 1955. Т. 1. С. 243]. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это» [Ленин, 1967–1975. Т. 54. С. 180], потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «от этого врага мы должны очиститься» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 15].

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, – в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали – непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих ее людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических особенностей и интеллектуального склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душащую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от нее эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять ...ряд перемен в нашем политическом строе, – взволнованно писал он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 343].

К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это – против бюрократизации госаппарата.

Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединенный с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.

Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.

Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Насколько эффективными оказались эти предложения? Что показала практика?

О реорганизации Рабкрин (РКИ). Разговор об этом начинается пафосно: «Вот о каких высоких задачах мечтаю я...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 406]. Редко, очень редко окрашивает Ленин свои мысли в такие эмоционально насыщенные тона. Видимо, побуждают к этому и «высота» задач, и опасность ситуации: нужно приложить все силы, чтобы спасти страну от бюрократического спрута, удушающего общество, спасти как можно скорее, иначе – гибель.

О каких же «высоких задачах» мечтает Владимир Ильич?

«Я планирую, – пишет он, – ...слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом» [Ленин. Т. 45: 406]. «Авторитетнейшая партийная верхушка» – это ЦКК (Центральная контрольная комиссия партии). «Рядовой» наркомат – это Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция).

В чем смысл такого «слияния» и что ждет от него Ленин?

Ленин видит в этом слиянии важный инструмент дебюрократизации, демократизации государственной и партийной системы. Ведь, бюрократизм, как мы уже писали, это – власть, неподконтрольная народу. Значит, если желать преодолеть бюрократизм, надо поставить власть (и в государстве, и в партии) *под контроль* – такова основная ленинская идея. Что нужно для этого сделать?

Во-первых, объединить («слить») два контрольных органа: партийный (ЦКК) и государственный (Рабкрин). Рабкрин, контролируя работу госаппарата, будет иметь возможность опереться на авторитет и полномочия высшего партийного органа – ЦКК, а ЦКК обретет дополнительную силу, опираясь на стоящие за Рабкрином массы рабочих и крестьян.

И, во-вторых, организационно, кадрово укрепить обе контрольные структуры: увеличить число членов ЦКК¹, а разбухший аппарат Рабкрин свести до 300–400 служащих.

¹ «Я предлагаю съезду выбрать 75–100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 384].

В эту новую структуру должны войти «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезной поставленной цели» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 391–392].

Вот так. Собрать несколько сотен таких замечательных людей и наделить их высокими контрольными функциями! И будут они контролировать и ЦК партии, и Политбюро: будут «присутствовать на Политбюро и проверять все документы, ...практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая нижними местными и т.д.» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 386]. В результате в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 387].

Члены этой новой организации «должны составить сплоченную группу, которая, «невзирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (вот и Сталина возьмут под контроль! – Г.В.), ни кого-либо из других членов ЦК (наркома Троцкого, руководителя питерских коммунистов Зиновьева и московских – Каменева! – Г.В.) не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [Ленин, т. 45. С. 387]. Увы, красивая утопия в стиле Фурье!

Кто будет подбирать несколько сотен этих прекрасных контролеров высшей власти? «Служащих Рабкрин мы (кто это «мы»? – по-видимому руководители партии. – Г.В.) должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания (кто их будет «испытывать»? – ну, конечно, высшее партийное руководство, кто же еще! – Г.В.)... Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты (кто это будет определять? – по-видимому, высшие партийные инстанции, которые потом и будут контролироваться подобранными ими людьми. – Г.В.)» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 393].

Ну, и что показала практика? Ну, подобрали высшие партийные руководители (во главе с генсеком Сталиным) несколько сотен людей для новой организации (положив им, по совету Ленина, высокие оклады – в целях их «независимости»), поставили во главе верного сталинского оруженосца – Куйбышева (того самого, кто высказал предложение напечатать статью Ленина в одном экземпляре «Правды» – пытался самого Ленина цензуре подвергнуть!). И начала эта новая организация «контролировать». Кого? Сталина (тщательно подбиравшего ее членов)? Предохранила она Политбюро от раскола? Да нет, катастрофически этот раскол ускорила, став дубинкой в руках формировавшего ее Сталина. С ее помощью товарищ Сталин хорошо «проконтролировал» своих соперников из Политбюро – Троцкого (исключил из партии и вышвырнул из страны), Зиновьева и Каменева (исключил из партии, арестовал, а после нашел предлог, чтобы расстрелять)... А XII съезд, к которому с такой надеждой обращался Ленин, вопрос о Рабкрине даже не внес в повестку дня и никаких намеченных Лениным полномочий ЦКК не предоставил (и не стал ЦКК органом, равноправным ЦК). Вот и вся история с реорганизацией Рабкрин и ЦКК. Не об этом «мечтал» Владимир Ильич!

Хотя нельзя тут не обратить внимание на любопытную особенность ленинских мыслей относительно реорганизации Рабкрин-ЦКК: в них туманно, едва-едва, но просвечивает идея создания как бы второго центра власти, ограничивающего всевластие и всемогущество первого центра (ЦК, Политбюро) и получающего право контроля над ним (некий намек на двухпартийность). Так, может, и стоило получше, поосновательнее прописать эту идею и довести ее до логического конца в теории и до реализации ее на практике?

И, может, потянула бы эта идея за собой другие, еще более радикальные?

И, может, пришел бы тогда Владимир Ильич к констатации того, что вообще «диктатура пролетариата» (которой, хотя и менее уверенно, но все же держался он до последних дней) не может быть политической системой нового, основанного на нэпе, социалистического общества. Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы согласования интересов этих различных социальных слоев, групп, классов. А это возможно только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придется, как следует, продумать и механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» – всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на «*диктатуру пролетариата*», на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)! А не просто «ряд изменений» в политическом строе. «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить ее в жизнь. И все же следовало бы, наверное, поискать приемлемые демократические формы, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Почему бы, в рамках Новой политической политики, не дать, например, возможность вернуться из эмиграции и появиться на политической арене страны конкурирующим с большевиками другим социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам? Боялись, что их деятельность, их критика большевистской стратегии поколеблет советскую власть? Но, ведь, не побоялись же дать простор (пусть с определенными ограничениями) капитализму (оппоненту для большевиков более опасному, чем оппозиционные социалистические партии). А чего же так бояться социалистов других направлений? Ну, ограничились бы их возможности, как смогли ограничить капитализм. Ввели бы какие-то «правила игры». Исключили бы из этого возможного союза те фракции этих партий, которые стояли на почве *вооруженной борьбы* с Советской властью. Нелогично: не бояться капитализма и бояться социалистических партий, выступающих за мирную, демократическую конкуренцию и принимающих идеи нэпа.

Да, и знаменитый «философский пароход», в условиях Новой политической политики, можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны несколько сотен талантливых, всемирно известных представителей русской интеллигенции? Многие из них были критически настроены к советской власти и большевикам? А капиталисты, которых допустили к сотрудничеству в условиях нэпа – они, что, были менее критичны? Но ведь допустили же. И устами большевистского вождя провозгласили: учиться у них хозяйствованию. А у той, отправленной за рубеж, интеллигенции нечему было поучиться? Провозгласили необходимость «культурной революции» – и цвет русской культуры выбросили за рубеж...

Может быть, стоило прислушаться к советам Розы Люксембург: «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, – создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию» [Люксембург, 1991. С. 331];

«Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс» [Люксембург, 1991. С. 326–327];

«Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией» [Люксембург, 1991. С. 331].

Еще раз: экономическая демократия нэпа нуждалась в помощи политической демократии. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении ее фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, не решал.

Мы уже писали о провале идеи реорганизации Рабкрин и ЦКК как средства борьбы с бюрократической системой. Также не привело к ожидаемому результату и другое ленинское предложение – об увеличении числа членов ЦК, как средства ограничения всевластия партийной верхушки, избежания раскола и условия «обучения цекистской работе» более широкого круга партийцев².

Ну, выполнили завет Владимира Ильича. Увеличили количество членов ЦК. И что с «расколом»? Да, этим только ужесточили и ускорили его. Подбирал-то новых членов Центрального Комитета секретариат ЦК. А генеральным секретарем был товарищ Сталин. Всем были обязаны ему новые члены ЦК. И этот, расширенный состав ЦК вместо того чтобы, по-ленински, обеспечивать коллективность руководства и предотвращать раскол, быстро и жестко, по-сталински, разобрался с соперниками Иосифа Виссарионовича. И с успехом прошел у Сталина курс «обучения цекистской работе»: научился оратор с места, затыкая рот неугодным Сталину ораторам (в том числе вдове Ленина, Надежде Константиновне Крупской, посмевавшей робко перечить новому вождю).

Ну, и, наконец, – о предложении сместить с поста генсека Иосифа Сталина – человека, который «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и который, по мнению Ленина, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться этой властью» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Снова Ленин загодя чувствует возможную опасность для общества, исходящую от этого человека. Но давайте поосновательнее вчитаемся в его «Письмо к съезду» и последим за аргументацией Ленина, касающейся необходимости отстранения Сталина от высокого поста, – насколько она убедительна.

Ленин делает акцент на грубости Сталина: «Сталин слишком груб... Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью, но с точки зрения предохранения от раскола... это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346]. Замечания эти, конечно, важны. Но здесь все же нет главного: не показано, в какие чудовищные последствия может вылиться это соединение «необъятной власти» и то, что Ленин деликатно назвал «грубостью». Здесь нет ясно и четко выраженного предостережения партии и народу по поводу этого политика.

Более того, Ленин называет Сталина (наряду с Троцким) «выдающимся вождем современного ЦК» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346]. Но «выдающийся вождь» – «груб», поэтому сместите его с поста генсека. На чашах весов – две характеристики, данных Лениным Сталину: на одной – «выдающийся вождь», на другой – «грубость». Ну, разве какая-то там

² «Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшать наш аппарат, который из рук вон плох» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346–347].

«грубость» может перевесить чашу с «выдающимся вождем»? И кто, скажите, не бывал «груб» в то сложное и «грубое» время? Да и сам Владимир Ильич пишет, «грубость» – это «недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346].

Дальше – больше. Ленин предлагает на место генсека назначить другого человека, который отличался бы «от тов. Сталина только одним (! – Г.В.) перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346].

Начинаем искать такого человека среди руководителей партии. Зиновьев и Каменев? Но в том же письме Ленин счел нужным напомнить, что «не является случайностью» «октябрьский эпизод» этих двух вождей (когда они выступили против восстания, сообщили об этом в открытой печати, выдав секретное решение ЦК). Струсили. Предали. Все же помнят, что сам Ленин назвал их штрейкбрехерами, которых больше «товарищами» не считает, и потребовал исключения их из партии. А Сталин-то, хоть и был не слишком замечен в Октябрьские дни, но все же не струсил, не предал. Куда же Зиновьеву с Каменевым соперничать со Сталиным?

Бухарин? Да, по ленинской характеристике, «самый выдающийся» «из молодых», «ценнейший и крупнейший теоретик», «любимец всей партии». И тут же: «но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Ну, и куда же ему, «не вполне марксисту», человеку, не вполне понимавшему диалектику, соревноваться с генсеком (который всего лишь «груб»)?

Наконец, Лев Давидович Троцкий. Может он? Да, «выдающихся способностей» человек и «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Но тут же, как бы между прочим, Ленин напоминает о прошлом «небольшевизме» Троцкого (что, впрочем, смягчает он свою констатацию, не надо ставить ему «в вину лично»). Ну, хорошо, в вину ставить не будем. Но все же зачем-то упомянул Ленин это обстоятельство. А Сталин был большевиком всегда, неколебимым и твердым. Нет, и Троцкий, стало быть, ему не соперник.

В общем, как это ни больно признавать (ибо, конечно, Ленин и Сталин – антиподы и в политическом, и человеческом плане), но, объективно, своим «Письмом к съезду» Владимир Ильич не только не дезавуировал Сталина, но, скорее, поднял его над всеми другими вождями (субъективно, думаю, этого не желая). И вот то, что Ленин слишком поздно разглядел громадную опасность для народа и дела социализма, исходящую от Сталина, то, что он не нашел весомых, убедительных аргументов в пользу его смещения с одного из самых высоких постов в партии – за это Владимир Ильич несет серьезную историческую ответственность.

Тем более случались поводы, когда обладающий непререкаемым авторитетом Ленин мог в одночасье сместить Сталина. Ну, хотя бы за его позицию в вопросах так называемой «автономизации», за поддержку поведения Орджоникидзе в так называемом «грузинском инциденте». «Если дело дошло до того, – писал Ленин, – что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия (к полемизировавшим с ним грузинским коммунистом – Г.В.)..., то можно представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 356], «я думаю, тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [Ленин. Т. 45. С. 357]. И далее, особенно остро и резко – с прозрачными намеками на Сталина и Орджоникидзе: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется

обвинением в национал-социализме (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым русским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 360]. Ну, и почему же такого «грузина» терпеть на высоком руководящем посту?

Или другой эпизод, о котором рассказано в записках Марии Ильиничны Ульяновой: «...узнав о болезни Мартова, В.И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», – сказал ему Ст(алин). В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст(алина)». «Расстроен», «рассержен»? А почему бы не выполнить хамское и наглое предложение товарища Сталина – взять, да и поискать вместо него другого секретаря? Если бы можно было хоть немного, но переиграть историю...

В общем предложенные Лениным «перемены в нашем политическом строе» результата не дали. Строй не изменили, не предотвратили нашу страну от вползания в тоталитарную сталинскую казарму.

Еще раз: нужен был не просто «ряд изменений» в политическом строе. Нужна была, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП), Новая Политическая Политика (НПП), которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. И снова – Роза Люксембург: «Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, *неограниченная широчайшая демократия* (курсив мой. – Г.В.)» [Люксембург, 1991. С. 330];

Сопутствовавшая демократическому нэпу авторитарная политическая система и была той «мертвой водой», от которой нужно уберечь программу и стратегию современного социализма.

* * *

Эта, усваивавшая уроки прошлого стратегия (для России), по-видимому, должна сегодня выглядеть так:

Общественная собственность + частная
 Социализм + капитализм (исключая олигархат)
 План + рынок
 Национальная экономика + зарубежные Концессии
 + Кооперация
 + Широкая политическая Демократия
То есть: НЭП + НПП

И несколько важных добавлений к этому. Современная социально-преобразовательная стратегия невозможна без решения вопроса о роли нравственности в революционном (или шире – в политическом) процессе. Ленинские установки на сей счет были подчас весьма неудачны, или, скажем мягче, весьма неосторожны. Они как раз из разряда той «мертвой воды», от которой мы хотели бы уберечь теорию современного социализма. Критический анализ этих установок тем более необходим, что именно их (предельно, впрочем, огрубляя и доводя до абсурда) брала на вооружение сталинская команда.

Приступая к критическому анализу этих ленинских установок, я хотел бы сказать несколько слов о своеобразии этой критики.

Сейчас развелось много мудрецов, которые, надев домашний халат и комнатные тапочки, удобно устроившись у мягко светящей настольной лампы, начинают «вершить историю», повелевая давно ушедшими в небытие классами и политическими партиями, просвещая политических лидеров далекого прошлого, вынося им оценки за поведение, а то и привлекая чуть ли не к юридическому суду. И кажутся они себе в эти моменты значительными политическими персонами, чуть ли не всемирно-исторического масштаба, запросто

встающими «на равных», в один ряд, с Марксом, Энгельсом, Лениным, Чернышевским. Да даже не «на равных», а выше, значительно выше их, вечно «ошибавшихся», вечно говоривших и делавших что-то «не то».

Я хотел бы избежать такой интонации. Я бы хотел не поучать великих деятелей прошлого, а учиться у них, учиться на их достижениях и ошибках (выявляемых ходом истории). Я хотел бы относиться к «ошибкам» Владимира Ильича примерно так, как он сам относился, например, к «ошибкам» бесконечно ценимой им Розы Люксембург. «Мы, – писал он в своих знаменитых «Заметках публициста», – ответим на это (на попытки некоторых политиков скомпрометировать Розу отдельными ее ошибками – Г.В.) двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург... несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [Ленин, 1967–1975. Т. 44. С. 421–422].

Жалки современные «куры», кудахтающие о «фундаментальных провалах» ленинской стратегии, не способные подняться до орлиного полета ленинской мысли. Я же всего лишь констатирую, что, в силу разных причин, «орлиный полет» Владимира Ильича иногда вдруг снижался и давал сбой. Вот об этих «иногда», о некоторых неудачных, неосторожных (способных обернуться большой бедой) его формулировках я и хочу сказать здесь несколько слов.

Итак, какие же «неудачные» формулировки Ленина имею я в виду?

Первая: в «марксизме... нет ни грана этики» [Ленин, 1967–1975. Т. 1. С. 440–441]. Вообще-то это сказал Зомбарт. Но Ленин принял и решительно поддержал этот тезис. Сталинцам очень нравилась такая освященная Лениным установка. Никаких этически сдерживающих политическое действие факторов не существует, во имя намеченных целей «все позволено» – так они трактовали ленинскую мысль, так они вершили свои дела на практике. Это было, конечно, страшное упрощение, огрубление ленинской мысли, доведение ее до абсолютного макиавеллизма. У Ленина она имеет другой подтекст, а именно: *только* нравственная проповедь не способна поколебать (а тем более устранить) буржуазный, антинародный режим. Нужна организованная *политическая* борьба угнетенных и эксплуатируемых классов – в ней главный залог успеха. Но сформулирована эта, в принципе верная, мысль очень неудачно, что и облегчало сталинцам трактовать ее в макиавеллистском смысле, приспособлявая ее к своему диктаторскому, тоталитарному режиму.

В таких принципиальных, важных формулировках не должно быть никаких двусмысленностей, должна быть совершенно исключена возможность их интерпретации в макиавеллистско-сталинском духе. Должно быть ясно подчеркнуто, что марксизм – есть учение не за границами этики, а, напротив, – сама Этика, что марксизм, в сути своей, учение этическое, нравственное. Именно на это указывает сформулированная Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» главная цель социалистического общества: всестороннее и универсальное развитие «прекрасной индивидуальности», «свободное развитие каждого есть условие развития всех». Об этом – Маркс в Манифесте первого Интернационала: «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». [Маркс, 1960. Т. 16. С. 11]. Наконец, совершенно недвусмысленное определение Марксом сути своего учения: «Реальный гуманизм!» [Маркс, 1955. Т. 2. С. 7, 139, 146].

И другой ленинский тезис: «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество» [Ленин, 1967–1975. Т. 41. С. 311]. Или, как обычно, в краткой

форме излагают суть этой ленинской мысли: «Нравственно все то, что служит созиданию «нового общества» (коммунизму, социализму...)).»

Заметим, во-первых, что здесь Ленин признает-таки существование нравственности в марксизме (вот вам и «ни грамма этики!»). И при этом совершенно справедливо указывает, что нравственность эта должна быть связана с созиданием «нового» (социалистического) общества. Но вот характер этой связи формулируется Лениным неудачно («неосторожно») – что позволяет интерпретировать его в макиавеллистско-сталинистском духе: «Все, что приближает нас к желанной цели (коммунизму, социализму, как мы их понимаем) – все допустимо, все позволено, все нравственно (цель оправдывает любые средства!)».

Надо бы поменять местами части этой формулы. И тогда она примет такой вид: «Все, что нравственно, – служит будущему «совершенному», «новому» строю («коммунизму», «социализму»). То есть не приближением к «совершенному» строю (на разные лады понимаемому) оценивать нравственность действий, а нравственностью оценивать – к «совершенному» ли строю движемся или в какую-то другую сторону. Еще раз: «Все, что нравственно, то служит «социализму» (понимаемому как демократическое и гуманное «новое общество»). Не нравственность подчинять социализму, а социализм - нравственности!»

«Неудачность», «неосторожность» формулировок я также связываю с тем, что в них политиком не всегда учитывается уровень политической (да и общей) культуры людей, к которым он обращается с тем или иным лозунгом. Опасно в неразвитое политическое сознание вносить идеи и лозунги, которые это сознание не способно адекватно интерпретировать, которые допускают возможность их превратного толкования. К сожалению, таковы ленинские формулировки, касающиеся соотношения марксизма и демократии, политики и морали, нравственности и социализма.

К такого рода неудачным формулировкам я бы отнес и ленинское определение новой революционной государственности («диктатуры пролетариата»): «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [Ленин, 1967–1975. Т. 37. С. 245], исходящая в своей деятельности из «революционной целесообразности». Такое определение в сознании угнетенных (и в силу этого радикально, революционно настроенных, но политически «темных») людей, которых было немало в народных низах, однозначно будет истолковано, как оправдание полного и абсолютного произвола: если «никаких законов» нет, значит «все позволено» и можно делать все, что будет нами сочтено «революционной целесообразностью».

Тут – с учетом неразвитого сознания значительной части революционной массы – нужна другая формулировка содержания и задач «новой государственности». Да, новая государственность не может опираться на прежние законы. Она, действительно, не связана никакими законами ... *прежней* государственности. Но у нее должны быть свои, новые, законы, в рамках которых она и будет действовать. Да, поскольку новая государственность пробивает себе дорогу с помощью революционного насилия, то она не может не применять насильственные методы («непосредственное насилие!»). Но у этого насилия тоже должны быть свои нормы, принципы, пределы, ограничения – дабы оно не превратилось в абсолютный произвол. И эти принципы, нормы, пределы, ограничения должна установить новая, революционная государственность. Да, эти принципы будут ставить во главу угла «революционную целесообразность». Но содержание этой «целесообразности» тоже должно определяться не произвольными решениями того или другого политика (которые могут быть эмоциональными, субъективными, наносящими вред революционным преобразованиям), а тщательно продуманными, взвешенными, демократически обсужденными решениями институтов этой самой «новой государственности». И, следовательно, нужно искать формулировки и лозунги, которые отражали бы всю *сложность* задач, стоящих перед революционным народом. Иначе добрые намерения обернутся Большой Бедой.

Итожим: ленинские определения соотношения нравственности и революции, политики и морали, содержания «новой государственности» следует отнести к тому, что мы назвали «мертвой водой», и потому они не могут и не должны входить в состав современных социально-преобразовательных теорий.

И еще одна струя «мертвой воды» в большевизме: обожествление партии и ее решений. Вы только посмотрите, что говорят и пишут виднейшие соратники Ленина, которых Владимир Ильич прочил в «наследники». Это же невозможно читать!

Лев Давидович Троцкий (в мае 1924 г., на XIII съезде партии): «Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала» [XIII съезд, 1963. С. 158]. Вот так готовился править Лев Давидович. Товарищ Сталин подписался бы тут под каждым словом!

Николай Иванович Бухарин («ценнейший и крупнейший, теоретик партии», по известной характеристике Ленина): «Дискуссия недопустима потому, что она расшатывает самую основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и ее господствующее положение в стране, что она льет воду на мельницу групп и группировочек, жаждущих политической демократии» [Геллер, Некрич, 1995. С. 217]. (О, какое страшное преступление – «жажда демократии»!). Джугашвили, готовя впоследствии кровавую расправу над Бухариным, хорошо воспользовался этими сентенциями «крупнейшего теоретика».

Лев Борисович Каменев (дублируя Троцкого): «Целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, вопреки ей» [Геллер, Некрич, 1995 С. 202].

И соглашаясь с ними, практик, «выдающийся менеджер» Сталин ставил борьбу с инакомыслящими «группировочками» внутри партии на почву практической политики, переходя от слов к делу: «Да, мы их арестовываем и будем арестовывать... Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа «рабочей правды»? Кому не известно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны Зиновьева, Троцкого и Каменева?» [Геллер, Некрич, 1995. С. 203]. Известно, конечно, известно, очень хорошо известно!

Вставить бы товарищу Сталину в компанию этой троицы еще Алексея Ивановича Рыкова с его самодовольно-победительной репликой по адресу инакомыслящих в заключительной речи на XV съезде партии: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить» [Геллер, Некрич, 1995. С. 202]. Какая изящная ирония! И, конечно, под «бурные аплодисменты». Бедный, несчастный, недалекovidный, через десяток с небольшим лет расстрелянный за инакомыслие Алексей Иванович!..

Справедливости ради следует сказать, что скоро, очень скоро эти товарищи (за исключением, разумеется, Сталина) поняли всю чудовищность этих своих высказываний и начали борьбу за демократическую атмосферу в партии, но поняли слишком поздно, когда исправить уже было ничего нельзя.

Ну, это все же только «соратники» Ленина. У самого Владимира Ильича таких крайних высказываний не найдете. Но все же где-то близко к этому позиция, занятая им на X съезде по вопросу о «Единстве партии».

«О единстве партии» – так называлась резолюция X съезда, активно защищавшаяся Лениным. В чем тут проблема?

Да, партия большевиков после Октябрьской революции была доминирующей политической структурой в России. Она завоевала право определять пути развития страны. Это бесспорный факт. Но как эффективно определять эти пути развития? Послеоктябрьская

ситуация 20-х годов – трудная и сложная. Сам Ленин пишет о том, что многие старые теоретические концепции не работают и что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». А что же именно нужно «переменить» и как «переменить»? Как определить в новых условиях перспективу развития? Тут, естественно, необходима напряженная работа всех теоретических сил. В ходе этой работы, в ходе поиска эффективных решений неизбежно появление разных предложений, разных концепций. Неизбежны и дискуссии вокруг этих предложений и концепций. А как же иначе?

И вот именно в этот период, в этой ситуации «поиска» X съезд принимает решение «О единстве партии». Речь там идет о запрете фракций, ибо фракции подрывают-де единство и сплоченность партии. На самом же деле это решение подрывало жизнеспособность партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цеховского, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения.

Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чем это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»?

Реально это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает ее партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций»), то идеи приходящей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей, того (как «фракционера») вышибают из партии.

Нелепейшая ситуация! А что если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке стратегии нэпа: мы наделали массу серьезных *ошибок*. И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал все, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение.

Вот так, еще до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю ее политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера – рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!).

Справедливости ради следует заметить, что решение X съезда о «Единстве» содержало некоторые оговорки и дополнения: возможность в непосредственном преддверии съездов проводить в узком партийном кругу нечто вроде «обсуждений» и «дискуссий», издавая некие дискуссионные листки. Да, и лидерство Ленина существенно отличалось от будущего сталинского культа. Ленин в большинстве случаев стремился и умел действовать убеждением, а не репрессиями. Он, критикуя ошибочные, по его мнению, позиции товарищей, постоянно подчеркивал значимость и заслуги критикуемых. Это была *товарищеская критика*.

Так, на XI съезде РКП(б) Ленин в «Заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б)» в пух и прах раскритиковал позиции Ларина, Осинского и Преображенского. И тут же, сразу после разносной критики, замечает о Ларине: «В его преданности и знании дела и тени нет ни у кого сомнения»; «он человек очень способный и обладает большой

фантазией»; «эта способность чрезвычайно ценна» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 125]. Об Осинском: «У Осинского сильная его сторона – с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется. Надо сделать так, чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана... Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными». [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 123]. О Преображенском: «Он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 121].

При Сталине – другой подход. Иное мнение? Нарушаешь «единство»? – Исключение из политбюро, из ЦК, из партии, далее (нередко) – тюрьма, лагерь – расстрел.

В общем, резолюция X съезда производит тяжелое впечатление. И все же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии*.

Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

Резолюция X съезда «О единстве партии» была той «мертвой водой», от которой современная социально-преобразовательная теория должна решительно оградить себя. Подобные резолюции не могут иметь место в программатике современного демократического социализма. Ни под каким видом!

И, в заключение, – дополнение, диктуемое спецификой современного социального развития мира и России (как его составной части).

В чем суть этой «специфики», внесения каких дополнений в современную социально-преобразовательную теорию она требует?

Сегодня, в XXI в., человечество вступает в принципиально Новую Социальную Реальность. Оно – у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым. Это переход: от истории **локального** развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках **глобализации**; от ситуации миро-человеческого **бессмертия** к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало **смертным** (т.е. способным уничтожить самое себя); от «**узко-социального**» мышления к «**ноосферному**»; от **антагонизма** либеральной и социалистической идеологий к их сближению и **конвергенции**; от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса «**очеловечивания**» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») **каждым** индивидом всего богатства человеческой сущности. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно придти Новое Мировоззрение, основной императив которого мы сформулировали бы так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания» – мировоззрение, отвечающее на вызовы социальной реальности XXI в. и провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание», должно быть по праву названо **Новым Гуманизмом** или **Неогуманизмом**.

«Бессмертный» ранее Человек мог, не терзаясь особенно сомнениями, произносить: «революции – праздник угнетенных», «насилие – повивальная бабка истории», «пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической революцией». Нынешний,

«смертный», Человек остережется, без ограничительных добавлений, бросать подобные лозунги, ибо «революционный праздник» может обернуться общечеловеческим пепелищем, а от иных «революций» могут «содрогнуться» не только «господствующие классы», но все человечество. «Революции» как процесс коренных социальных преобразований не уйдут в прошлое, но формы и характер их должны будут обрести более гуманные, более мирные формы.

И классовые интересы сохранятся, но борьба за их реализацию будет совмещаться с задачей учета общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей, подчинена им.

И «национальные интересы» стран и народов не исчезают, но они должны быть соподчинены с глобальными, общечеловеческими интересами.

И прежние идеологии (в первую очередь наиболее значимые среди них – социализм и либерализм), не отбрасываются, не перечеркиваются, поскольку в них сохраняется некое живое содержание, целый ряд интенций, сыгравших серьезную позитивную роль в истории человечества и способных еще сыграть в будущем. Но они должны быть существенно преобразованы с учетом вызовов современного глобального развития и в преобразованном виде включены в корпус идей Новой Идеологии – идеологии Неогуманизма, этой мировоззренческой парадигмы XXI в.

А ее идеологический, социально-политический эквивалент, сочетающий демократически-социалистические ценности и императивы гуманизма может быть назван (употребим знаменитую формулу Маркса) **Реальным Гуманизмом**.

Итоговая формула современной социально-преобразовательной теории, **Реального Гуманизма**, стало быть, будет выглядеть так:

Общественная собственность + частная

Социализм + капитализм (исключая олигархат)

План + рынок

Национальная экономика + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ Широкая политическая Демократия

(НЭП + НПП)

+ Сопряжение политики и морали

+ Принципы неогуманизма (с приоритетом глобальных, общечеловеческих интересов).

«Реальный гуманизм» – это и есть современный социализм, устремленный в Будущее!

* * *

А закончить этот сложный разговор о ленинском наследии я хотел бы цитатой из блистательной «Рукописи о русской революции» Розы Люксембург. В ней автор выступает с откровенной, острой (а порой просто резкой) критикой недемократических аспектов стратегии возглавляемых Лениным большевиков. Но вот финал: «Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях... Большевики показали, что они могут сделать все, что может сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей... Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного... В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел

вперед мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: “Я отважился!” Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит “большевизму» [Люксембург, 1991. С. 332–333].

Подписываюсь под каждым словом! С одним добавлением: «большевизму», освобожденному от «мертвой воды» и дополненному идеями, отражающими современную реальность. И тогда традиционный «большевизм» превратится в теорию современного демократического социализма. Или шире – в современную социально-преобразовательную теорию, которая может быть названа теорией «Реального гуманизма».

ЛИТЕРАТУРА

- Буртин Ю. (1999). Другой социализм // Альманах «Красные холмы». М. С. 411–511.
- Геллер М., Некрич А. (1995). Утопия у власти. М.: Изд-во МИК.
- Десятый съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- XIII съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1967–1975). О продовольственном налоге / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат. С. 205–245.
- Ленин В.И. (1967–1975). К четырехлетней годовщине Октябрьской революции / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 144–152.
- Ленин В.И. (1967–1975). Новая экономическая политика и задачи политпросветов/ В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Ленин В.И. (1967–1975). Доклад о новой экономической политике / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 193–213.
- Ленин В.И. (1967–1975). XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 69–116.
- Ленин В.И. (1967–1975). XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 117–130.
- Ленин В.И. (1967–1975). Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 300–309.
- Ленин В.И. (1967–1975). О кооперации// В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377.
- Ленин В.И. (1967–1975) Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 54. М.: Политиздат.
- Люксембург Р. (1991). Рукопись о русской революции / Р. Люксембург // О социализме и русской революции. М.: Политиздат. С. 306–332.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1960) Сочинения, 2-е изд. Т. 16. М.: Политиздат.

Водолазов Григорий Григорьевич

gvodolazov@yandex.ru

Georgiy Vodolazov

doctor habilitatus in philosophy, professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University of the Foreign relations ministry of Russian Federation), Moscow.

gvodolazov@yandex.ru

**LENIN'S HERITAGE: WATER LIVING AND DEAD
(PART II. «DEAD WATER» OF THE NEP ERA)**

Abstract. Summing up the lessons of the October Revolution and the first years of the post-October development, Lenin stated: "We have to admit a fundamental change in our whole point of view on socialism." This way the question was raised about the need to create a theory of renewed socialism that meets the conditions of the 20th century. The theory that would solve the problem: how, leading society out of the deadlocks of capitalism, does not plunge it into other dead ends - the dead ends of an authoritarian-bureaucratic system. In this context the article analyses the contribution made by Lenin to the theory of renewed socialism (about it - in the first part of the article that was published in the previous issue of the journal)/ The following question is posed: what of Lenin's legacy can be included in modern socialist theory, what is discarded and how can it be supplemented, based on the realities of the 21st century (about it - in the second part of the article published in this issue of the journal).

Keywords: *The October Revolution, military communism, NEP, socialism, pluralism.*

JEL Classification: B14, B24.

REFERENCES

- Burtin Ju.* (1999). Drugoi sozializm [A different socialism]. Almanah "Krasnii holmi". M.
- Desjatii sjesd RKP (b)* (1963). Stenograficheskiy otchet [Verbatim record]. M.: Politisdat.
- Geller M., Nekrich A.* (1995). Utopija u vlasti [Utopia in power]. M.: Isd-vo MIK.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. T. 54. M.: Politisdat.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Doklad o novoi ekonomicheskoi politike [Report on the new economic policy] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. Politisdat. Pp. 193–213.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Novaja ekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov [The New economic policy and the tasks of political education workers] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 155–175.
- Lenin V.I.* (1967–1975). K chetirehletnei godovtchine Oktjabskoi revolucii [To the four-year anniversary of the October revolution] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 144–152.
- Lenin V.I.* (1967–1975). O kooperacii [On cooperation] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.
- Lenin V.I.* (1967–1975). O prodovolstvennom naloge [On the food tax]. / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 43. M.: Politisdat. Pp. 205–245.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Rech na plenum Moskovskogo Soveta 20 nojabrja 1922 g. [Speech at the Plenum of the Moscow Council on November 20, 1922] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 300–309.
- Lenin V.I.* (1967–1975). XI sjesd RKP (b). Politicheskii otchet CK RKP (b) [Political report of the Central Committee of the RCP] // V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 69–116.
- Lenin V.I.* (1967–1975). XI sjesd RKP (b). Sakluchitelnoe slovo [Final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b)] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 117–130.
- Luxemburg R.* (1991). Rukopis o russkoi revoluzii [The manuscript of the Russian revolution] / R. Luxemburg // O sozialisme i russkoi revoluzii. M.: Politisdat. Pp. 306–332.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 1. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 16. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 2. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 4. M.: Politisdat.
- XIII sjesd RKP (1963). Stenograficheskiy otchet [Verbatim record]. M.: Politisdat.

Г.Д. Гловели

д.э.н., Институт экономики РАН (Москва)

ЛЕНИНИЗМ, «ТЕРМИНЫ ТОВ. А. БОГДАНОВА» И ФИЛОСОФ ИЛЬЕНКОВ КАК АПОЛОГЕТ СТАЛИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ «РАЗРУШЕНИЯ РАВНОВЕСИЯ» (ЧАСТЬ II. Начало – в ВТЭ 2–2020)¹

Аннотация. Вторая часть статьи прослеживает формирование системно-структурного подхода в русском «неортодоксальном» марксизме («структурализме»), связанном с всеобщей организационной наукой (тектологией) А.А. Богданова и экономическими работами В.А. Базарова. Раскрыты также элементы структуралистской методологии в работах видных русских немарксистских экономистов 1920-х гг. – Н.П. Огановского, Н.Д. Кондратьева, С.А. Первушина, способствовавших появлению категории «структурные сдвиги». Показано, что репрессии против экономистов-структуралистов были связаны с их попытками обоснования возможно более плавных структурных сдвигов в экономике СССР, тогда как возобладавшее «телеологическое» директивное планирование осуществляло структурные сдвиги посредством резкой ломки пропорций народного хозяйства и неэквивалентного обмена. Идеологическим прикрытием волюнтаристского планирования стала погромная критика «теории равновесия», в которой активно участвовал журнал «Под знаменем марксизма», руководимый адептами догматического «воинствующего материализма». Раскрыты многочисленные подлоги в «критике теории равновесия» и в изложении взглядов Э. Маха и А.А. Богданова философом Э.В. Ильенковым, его историко-экономическая некомпетентность.

Ключевые слова: структурализм, тектология – всеобщая организационная наука А. Богданова, позитивизм, статика и динамика, структурные сдвиги, НЭП, дебаты об индустриализации, первая пятилетка, воинствующий материализм, экономика «разрушения равновесия», ильенковицина.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10304

От марксизма к «структурализму»

Говорят, что истина лежит между двумя противоположными мнениями.

Неверно! Между ними лежит проблема.

И.-В. Гёте

Лукаво-покладистый Луначарский, некогда противопоставлявший философию А. Богданова «уклону с высот марксизма в низменность плеханизма», так резюмировал жизненную трагедию своего друга. Еще в молодых годах, восприняв марксизм как «научное откровение», продолжавшее и превосходившее научные революции Коперника и Дарвина, Богданов поставил перед собой задачу «распространить марксистское мирозерцание» на

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

все области науки. Он вложил «гигантское усилие конструктивной мысли», вдохновленное «непобедимой любовью к максимально стройным схемам и способностью находить и утверждать их»; но не добился «не только всеобщего, но и сколько-нибудь широкого признания» [Луначарский, 1928. С. 3].

«Ленинский нарком» умолчал об отсечении «богдановщины» от советского марксистского официоза, окончательно произошедшем в 1923 г., после ареста Богданова ГПУ. Это был итог лавины травли, инспирированной Лениным, спрямлявшим историю своей партии², которая после «военно-коммунистического» перерождения, отмеченного в 1917 г. Богдановым, теперь окончательно стала на путь «аппаратного» перерождения [Биггарт, 1993. С. 146–148]. Примечательно, что в том же 1923 г. начинается история «западного марксизма», противопоставившего себя «восточному» советскому «марксизму-ленинизму». В течение XX в. «западный марксизм», или неомарксизм, расходился по двум главным направлениям: «диалектическому» и «структуралистскому» («сциентистскому») [Дмитриев, Гловели, 2013]. Но для обоих было характерно незнание «неортодоксального» направления в русском марксизме, воплощенного прежде всего в трудах Богданова, особенно в трех томах «Тектологии (всеобщей организационной науки)».

1-й том вышел в год окончательного разрыва ленинской «Правды» с Богдановым и выхода в антибогдановском «Просвещении» хрестоматийной ленинской статьи «Три источника и три составные части марксизма» (1913). 2-й том – между двумя революциями 1917 г. Переработанные тома вместе с третьим – в 1922 г., в начале НЭПа, когда обескураживающие итоги кровопролития, голода и разрухи «военного коммунизма» вынудили Ленина пересмотреть догму о том, что «раз остается обмен, о социализме смешно и говорить» [Ленин, 1967–1975. Т. 17. С. 127]. Пересмотреть на практике удержания власти, но не в теории, где Ленин призвал лишь к «систематическому материалистическому изучению диалектики Гегеля» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 30] и предсмертной статьей «О значении воинствующего материализма» санкционировал борьбу с «кошмаром философского идеализма» [Деборин, 1922. С. 12], которую ГПУ облегчило высылкой строптивой профессуры на «философских пароходах», а ревнители «плехановской ортодоксии», получившие в распоряжение новый журнал «Под знаменем марксизма», повели прежде всего против «махиста» Богданова.

Травля шла под мемом «диалектика или тектология», хотя в 3-м томе «Тектологии» Богданов, по-прежнему уверенный – «чего не сделаю я, то сделают другие» – изложил начала «организационной диалектики» [Богданов, 2019. С. 287, 544–567]. Но прежде всего три тома «Тектологии» содержали *общую теорию структурной устойчивости и динамики форм, структурного прогресса и регресса*. Таким образом, последующее расхождение в западном неомарксизме воспроизвело расхождение в русском марксизме начала XX в.: «ортодоксальный» гегельянский плехано-ленинизированный «диамат» – «сциентистский» структуралистский марксизм Богданова.

В последнем прижизненном докладе и в последней доработке тектологии Богданов так определил свой отправной пункт: «...у Маркса господствует в политической экономии совершенно определенная структурная точка зрения» [Богданов, 1927. С. 285]; структурные отношения «могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин; и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим... Отношения количественные я рассматриваю как особый тип структурных» [Богданов, 2019. С. 613].

² Ленин стал утверждать, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [Ленин, 1967–1975. Т. 41. С. 6]. Между тем в 1909 г. он писал иное: «Большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года» [Ленин, 1967–1975. Т. 19. С. 364]. Т.е. – на III съезде РСДРП, организованном Богдановым, привлечшим, вопреки бойкоту меньшевиков, на съезд партийцев из российской глубинки [Луначарский, 1968. С. 35].

Злобные «ортодоксы», заиклинные на французском материализме XVIII в., полукантовской «вещи в себе» и гегелевской диалектике, не пожелали оставаться «добрыми марксистами» наряду с Богдановым (как предлагал тот). Агрессивный мем «воинствующий материализм» появился как заглавие («Materialismus militant») плехановских фельетонных выходов, а мем «ортодоксальный марксизм» нес отпечаток баталлий с журнальным народничеством и европейским (Бернштейн и пр.), а затем русским ревизионизмом. Но «критические марксисты», бывшие союзники первых русских социал-демократов против народничества, и русские бернштейнианцы-«экономисты» о своем ревизионизме и повороте «от марксизма к идеализму» заявляли открыто и громогласно [Прокопович, 1901; Булгаков, 1903]. Богданов никогда не признавал себя ни ревизионистом, ни идеалистом, но был объявлен таковым Плехановым и его клеветами.

Очевидцам [Иков, 1995. С. 100; Лепешинский, 1928. С. 11] была ясна узкопартийная подоплека этих тенденциозных обвинений – «подмога» Богданова почти изолированному меньшевиками Ленину. Хотя жесткой установки последнего на внесение интеллигенцией «извне» научного социализма в рабочее движение Богданов не разделял [Богданов, 1910. С. 193], он считал уставный «централизм» Ленина более подходящим для партийной работы именно в России (а не в эмиграции). Но, в противоположность Ленину, чье разочарование в авторитарном и неискреннем Плеханове-политике [Ленин, 1967–1975. Т. 4. С. 337] не умалило почтения к Плеханову – философу с ореолом «первоучителя» русского марксизма, для Богданова Плеханова-авторитета не существовало. Хотя известная книга Плеханова («Бельтова») «К вопросу о значении монистического взгляда на историю» (1895) и оказала влияние на формирование убеждений молодого автора «Краткого курса экономической науки».

Но эти убеждения, во-первых, шли от тяги к историзму, проявившейся еще в гимназических записках о значении изобретений и научных открытий для человечества [Соболев, 2002. С. 72]. Во-вторых, они не имели присущей «плехановской ортодоксии» и ленинизму односторонней полемическо-публицистической заточки для партийной борьбы. Начиная с первых шагов как организатора и идеолога-просветителя, несмотря на классовый подход, для Богданова полемика всегда оставалась на втором плане³, и в ней он не проявил ни напора, ни желчности, ни находчивости. Из-за чего, «будучи прав по существу... проигрывал турниры» [Иков, 1995. С. 102].

«Широкие запросы наших рабочих» не только касательно уяснения их социально-экономического положения и интересов, но и в «смысле общего мировоззрения» [Богданов, 1989а. С. 361] соответствовали «страсти к монизму» молодого ученого, расширению «монизма» от историко-экономического до «всенаучного» [Гловели, 2003]. И направляли действительно гигантское усилие конструктивной (а не полемической!) мысли к «целостной, всеобъемлющей, связанной философской и историко-социологической интерпретации так наз. революционного, научного социализма», которая выделяла Богданова среди не только российских, но и всех европейских социал-демократов⁴ [Иков, 1995. С. 102].

«Тезисы о Фейербахе» и концепции трудовой стоимости и товарного фетишизма в «Капитале» Маркса – отправные пункты для этой интерпретации. Но в ней не нашлось привычного места «основному вопросу философии»⁵. Поскольку распространяя «исто-

³ Характерно в этом отношении, что памфлет «Вера и наука. Ответ на книгу Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм» был не самостоятельной книгой, а приложением к трактату Богданова «Падение великого фетишизма».

⁴ «Когда соприкасаешься с застывшими представлениями догмы – здесь в Германии, где философское мышление сейчас абсолютно отсутствует... отдаешь себе отчет, что благодаря Вам мы, русские марксисты, в области философии сделали шаг дальше, ушли вперед», - писала, прочтя книгу «Наука об общественном сознании», в начале 1914 г. Богданову из Берлина А. Коллонтай (архив автора).

⁵ За что Богданову, кстати, изрядно попеняли не только материалисты-«ортодоксы», но и пресловутые «философы серебряного века» [Бердяев, 1902. С. 840].

рический монизм» на разные науки, Богданов нашел в материале этих наук – от сравнительной филологии и религиоведения до физики – указания на историческую относительность самих категорий «духа» и «материи» и их противопоставления. И согласился со знаменитым языковедом и мифологом Максом Мюллером⁶, что «основной вопрос философии – вопрос о происхождении понятий» [Мюллер, 1891. С. 364].

А истоки антитезы «духа» и «материи» Богданов обнаружил в историческом отделе *умственного и руководящего труда от физического и исполнительского* [Богданов, 1906. С. 139–142]. А затем пришел к выводу, что с эпохальными открытиями в естествознании материализм не только должен неизбежно менять форму, как подчеркивал Энгельс при публикации Марксовых «Тезисов о Фейербахе». Но может и вовсе сойти с повестки дня при разработке нового «реалистического мировоззрения» – последовательной эволюционной трудовой теории общества.

К «историческому монизму» Богданов шел от русского «материализма естествоиспытателей» (Чернышевский, Писарев, Тимирязев, Сеченов, Бабухин, Столетов) [Богданов, 1923. С. 259]. Для этой философии материя представляла собой «окончательное решение вопроса о сущности вещей и абсолютное понятие, которое само по себе не подлжит развитию» [Богданов, 1923. С. 255], и была тождественна устойчивому веществу, состоящему из мельчайших неразрушимых частиц-атомов. Но оба понятия, вынесенные в заглавие знаменитой книги Л. Бюхнера «Сила и материя», были к началу XX в. подвергнуты критике как «метафизические пережитки» крупнейшими естествоиспытателями – Гельмгольцем, Кирхгофом, Оствальдом, Махом [Лункевич, 1960. С. 424; Богданов, 2019. С. 595]. «Научно-техническая революция» (определение Богданова) опровергла «неделимость» и непроницаемость атомов, обнаружив внутри них «невозможно быстрый поток движений» [Богданов, 1923. С. 306]. Категория пространства как пустого вместилища частиц материи попала под историко-научную критику «абсолютных понятий» классической механики физиком-позитивистом Э. Махом; химик В. Оствальд предложил отказаться от понятия материи в новой «энергетической» натурфилософии.

Сам Богданов, интегрируя в «исторический монизм» вслед за «естествознанием мысли» М. Мюллера и «лингвистической археологией» Л. Нуаре и Л. Гейгера уже не материализм, но *позитивизм* естествоиспытателей, от понятия «материи» отнюдь не отказывался. Однако философский материализм, отождествлявший материю с неопределяемым первоначалом всего сущего, счел преходящим. А выпячивание «плекхановской ортодоксией» категории «вещи в себе» – напраслиной, противоречащей не только духу, но и *букве* социально-исторической теории Маркса как «философии активности» [Богданов, 1923. С. 259–260]. Богданов свое несогласие с диалектической азбукой марксовой политэкономии и социологии выражал открыто и был возмущен «беспримерным фактом» фальсификации Плехановым перевода второго из «Тезисов о Фейербахе», чтобы согласовать полукантовское отстаивание «вещи в себе» с буквой Маркса [Богданов, 1910. С. 210–211].

Ленина плехановская фальсификация не смутила. Как не смутило несоответствие его собственного определения философии марксизма как «вылитой из одного куска стали» и «законченного» материализма [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 346; Т. 23. С. 44] с вышеупомянутым (и акцентированным Богдановым) выводом Энгельса об изменении материализма с каждым эпохальным открытием в естественноисторической области [Энгельс, 1961а. С. 286]. Наоборот, «кризис» физики начала XX в. Ленин объяснил «родами» диалектического материализма [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 346].

⁶ Оригинальное английское заглавие книги Мюллера («The Science of Thought») можно перевести и как «Естествознание мысли».

Возмутило же Ленина нежелание Богданова держаться «диалектического материализма»⁷ и дополнение «исторического материализма» биологической и энергетической терминологией [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 5–6, 347]. Все это, в худших традициях плехановской «абсолютной нетерпимости, неспособности и нежелания вникать в чужие аргументы» [Ленин, 1967–1975, Т. 4. С. 337], Ленин обозвал «махизмом», «реакционной философией» на потребу буржуазных профессоров – «ученых приказчиков теологов» [Ленин, 1967–1975, Т. 18. С. 364].

Здесь у нас нет возможности останавливаться на разборе тенденциозности ленинских оценок Геккеля (вот уж кто был «буржуазным авторитетом»!) и Маха, на отличиях философии Маха от эмпириомонизма Богданова и философии Богданова от позиций других русских «махистов». Отметим лишь следующее.

Нельзя согласиться с тем, что Ленин *не* виноват в том, что политический взгляд на философию, который он так ярко выразил в своей книге, стал господствующим в философии советского периода, сделался чуть ли не естественным [Никифоров, 2010. С. 83]. Даже если оправдать ругань и тенденциозность накалом партийной полемики. Но та полемика 1909–1910 гг. была *обоюдосторонней*. Роковую роль сыграло переиздание 1920 г., не предполагавшее уже никакой критики и полемики, а только грубое навязывание властно-вождистским ресурсом «необходимых указаний» через хамскую статью клеветы Кривобокова (Невского) «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С.12]. И вся ленинско-зиновьевская кампания против Пролеткульта была издевкой над выводом Богданова в ответе Гастеву: «идея пролетарской культуры не исключает ни критики, ни полемики, но и их она делает формой товарищеского сотрудничества» [Богданов, 1919. С. 52].

Известный психолог и педагог П. Блонский в основательном обзоре «Современная философия» называл Маха «центром современной научной философии» [Блонский, 1918. С. 68], а книги Ленина даже не упоминал – ни в главе «Позитивизм Маха», ни в главе (!) «Диалектический материализм». Но в 1921 г. ставший советским служащим Блонский в статье «Марксизм, как метод решения педагогических проблем» ни с того, ни с сего бросил камень в «махистские «философии» техники Энгельмейера и Богданова» [Блонский, 1961, С. 306]. Пример не самый одиозный, но показательный. Концепция «эврилогии» выдающегося инженера-философа П.К. Энгельмейера [Энгельмейер, 2010. С. 8–9], развивавшая учение Маха об эвристических конструкциях в научном творчестве [Богданов, 1923. С. 193], была в советское время предана полному забвению. А тектологию Богданова стали упоминать исключительно в негативном контексте.

«Законченный диалектический» материализм Ленин, как известно, резюмировал сентенцией «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана нам в ощущениях» [Ленин, 1967–1975, т. 18. С. 130], при этом не допуская постановки вопроса об уточненном обозначении этой реальности и обвиняя «физических идеалистов» в «отбрасывании объективной реальности вне сознания». [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 272–273]. Хотя гораздо ранее вполне материалистическое естествознание в лице Г. Гельмгольца отождествило формы движения материи с формами энергии [Лункевич, 1960. С. 424]).

Не поняв конвенционализма А. Пуанкаре, Ленин обрушился на слова Богданова «объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» с разгневанным комментарием: «...неверно! он существует *независимо* от всех» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 104]. Но «независимо от всех» не существуют ни небесные

⁷ В комплиментарной рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова Ленин ставил в первоочередную заслугу автору, что тот «последовательно держится исторического материализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 4. С. 35]. Но Богданов не собирався держаться догмы, что «исторический материализм» – распространение Марксом и Энгельсом «диалектического материализма» на познание человеческого общества [Ленин, 1967–1975. Т. 23. С. 44].

созвездия, ни земные меридианы и параллели, ни часовые пояса, ни химические элементы с их номерами, подгруппами, валентностями, ни таксоны живых существ и пр. – все они были установлены человеческим «социально согласованным опытом», как говорил Богданов.

Поэтому, вовсе не отрицая «борьбы реальных сил» вне сознания [Богданов, 1923. С. 241] и различия физических *типов материи* [Богданов, 1990. С. 107], Богданов отказался от отождествления философской категории «объективной реальности» с «материей» или «силой».

Причем, в противоположность Оствальду и Маху, Богданов ни разу не усомнился в атомарном строении материи. Более того, Богданов первым в России и уж, конечно, в марксизме ясно понял грандиозные перспективы и «общеземлянские» опасности *внутри-атомной энергии* в поле труда «раздробленного человечества» [Богданов, 1918. С. 7–8]. Этот пример свидетельствует не только о богдановской прозорливости на грани гениальности, но и о том, что для него действительно не существовало авторитетов.

Иное дело – «ортодоксальный марксизм», от имени которого Плеханов фальсифицировал «Тезисы о Фейербахе» и уверял, что диалектикой Гегеля указан «именно тот путь, следуя которому наука нашего времени, – например (! – Г. Гл.), естествознание, – сделала самые блестящие свои теоретические приобретения» [Плеханов, 1956. С. 381]. Обратной стороной этого желания всегда быть в согласии со своим авторитетом стала непримиримость ко всем тем, кого затруднительно к этому авторитету «примерить». Богданов, критикуя философский материализм и диалектику, вовсе не отрицал громадного исторического значения Гольбаха и Гегеля [Богданов, 1923. С. 259]. (Хотя, например, почитаемый Богдановым «олимпиец» Гете, «реалист до мозга костей»⁸, отзывался пренебрежительно о «серой, мертвой, безвкусной» философии барона Гольбаха [Лункевич, 1960. С. 364]). Ленин, голословно обвинивший Богданова в подмене «социалистических авторитетов авторитетами буржуазными», не навечно, но почти на век закрыл (для марксистской мысли!) возможность взвешенной оценки маховского (и не только маховского) позитивизма.

Но, хотя для посмертной судьбы Богданова жупел «махиста» оказался поистине зловещим, прижизненное «закрытие» Богданова как партийного философа отчасти поспособствовало его теоретическому прорыву в общенаучном системном подходе. М. Горький вспоминал, что на назойливое требование Ленина объяснить «в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм – революционнее марксизма», Богданов пробовал растолковать, но говорил «неясно и многословно» [Горький, 1952. С. 21]. Сосредоточение на научной деятельности добавило концептуальной ясности, позволило не прибегать к «подстановке», зато раскрыть значение такой фундаментальной характеристики объективной реальности, как *структурность*.

Категории структурной устойчивости в ее отношениях со средой; *структурных изменений*, на известном уровне внутренних и внешних противоречий, переходящих в системные кризисы, были увязаны Богдановым со всеми основными организационными категориями: закона наименьших; подвижного равновесия; системной дифференциации и интеграции; организационной пластичности; прогрессивного – положительного и отрицательного – подбора (отбора); эрессии и депрессии. Были обоснованы классификация структур на «слитные» и «четочные» и «общее решение вопроса о том, какая структура благоприятнее для сохранения и развития комплексов»: *слитная – под отрицательным подбором; четочная – под положительным* [Богданов, 2019. С. 266]. При положительном подборе параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей комплекса идет *уменьшение* этой устойчивости, а при отрицательном – с возрастанием их однородно-

⁸ «Борьба за реалистическое мировоззрение» – дал Богданов-редактор подзаголовок составленной погибшим революционером В. Лихтенштадтом книге, во весь рост рисующей «фигуру Гете, как великого натуралиста и передового мыслителя» [Богданов, 1990. С. 452].

сти – ее *увеличение*. В первом случае имеющиеся структурные противоречия сохраняются и к ним присоединяются еще новые, со вступлением новых элементов; во втором случае идущее разрушение отрывает от комплекса прежде всего *наименее* прочно связанные с ним элементы, разрывает наиболее противоречивые связи. Это справедливо по отношению ко всякому комплексу в среде и с определенно изменчивыми, и с неопределенно изменчивыми воздействиями [Богданов, 2019. С. 232–234].

Положительный подбор увеличивает количественную устойчивость форм, накапливая в них активности; при этом он повышает сложность и неоднородность их строения, а тем самым понижает их структурную устойчивость. Отрицательный подбор уменьшает количественную устойчивость, последовательно отнимая активности, упрощает строение, изменяя его в сторону однородности и в результате увеличивает структурную устойчивость. Обе характеристики действительны в тех пределах, пока сохраняется основное строение системы, но накопление противоречий системного расхождения сверх меры вызывает кризисы, влекущие либо структурное преобразование, либо распад системы [Богданов, 2019. С. 200, 227, 236 и др.].

Особыми и исключительно важными случаями системной дифференциации, свойственными в разной мере всем ступеням организации, являются *эгрессия* («выхождение» из ряда, центропериферическая структура) и *дегрессия* («схождение вниз») – расхождение на группировку «организационно низших», рутинных, но прочных комплексов и группировку «организационно высших», пластичных, более гибких, но менее прочных комплексов. Подвижность элементов допускает и относительно легкое разрушение связей между ними, увеличивая «нежность» и уязвимость организации. Поэтому дегрессия «есть организационная форма огромного положительного значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды» [Богданов, 2019. С. 411].

«Великий предшественник организационной науки, Карл Маркс» ([Богданов, 2019. С. 166]) не ставил перед собой задачи формулировки всеобщих организационных понятий, которые «относятся ко всякому явлению, но касаются только одной определенной его стороны, а отнюдь не исчерпывают его» [Богданов, 2019. С. 286–287]. Такие понятия – универсальные категории *организационной динамики* [Богданов, 2019. С. 543] – обосновал Богданов, что делает его основоположником марксистского и российского структурализма. Или, если избегать поспешного уподобления тому, что позднее появилось на Западе, и, напротив, акцентировать то, что ранее существовало в России («реалистическое мировоззрение»), – структуреализма.

Категории структурной устойчивости, структурных изменений и кризисов, подвижного (динамического) равновесия, цепной связи, «закона минимума» не только разрабатывались А.А. Богдановым в рамках универсальной «методологии миропонимания», но и использовались им в политэкономии и теории научной организации труда. Опираясь на эти категории в своих работах по теории «структурных схем хозяйственных процессов», долговременного экономического роста и методологии планирования В.А. Базаров, определивший свой исходный пункт так: «единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют *тождественные* организационные связи, где материально различные процессы *формально* одинаковы, обладают одной и той же *структурой*» [Базаров, 2014. Т. 2. С. 91]. Перед теорией экономической динамики Богданов ставил выявления задачи реальных связей производства и потребления, *изменений в структуре производительных сил общества и структурных сдвигов в конечном потреблении* товаров и услуг, которые внешне и поверхностно отражаются на рынке в форме ценовых сдвигов ([Базаров, 2014. Т. 1. С. 478; Т. 2. С. 25].

С других сторон к категориям динамического равновесия и структурных сдвигов пришли – в контексте экономических проблем статики и динамики – виднейшие немарксистские экономисты СССР 1920-х гг.

Прогресс, экономическое равновесие и структурные сдвиги

Под динамическим равновесием понимается сохранение соответствия между частями системы, все размеры которой одновременно меняются, например, пропорциональность в развитии органов растущего организма или пропорциональность в развитии отраслей растущего народного хозяйства.

В. Базаров

Отражая процессы становления индустриального общества и дисциплинарной структуры теоретического знания, общественная мысль XIX в. прошла сложный путь в интерпретации таких категорий, как статика, динамика и эволюция. Классическая «английская» (и французская) *буржуазная политэкономия*, выступая как доктрина промышленного роста на основе принципа свободной конкуренции, обосновывала устранение «искусственных» ограничений этой конкуренции, и к середине века отождествилась в общественном сознании с принципом *laissez faire*, трактуемым как часть «естественного порядка» неизменного материального мира. Теория ценности (стоимости) классической школы трактовала экономические явления как процессы, подверженные лишь количественным изменениям и возмущениям, с возвратом к «нормальному состоянию» равновесия спроса и предложения.

Классическая политэкономия рассматривала человеческое благополучие как производную от промышленной деятельности, развивающейся спонтанно для удовлетворения личных материальных интересов частных собственников. Явное несоответствие этого учения «язве пролетариата» и пауперизму в передовых индустриальных странах Европы породило протест со стороны французского (и английского) *утопического социализма*, который не только искал на бумаге и в коммунистических экспериментах альтернативу «экономическому строю цивилизации», но и вносил *стадиальный историзм* в понимание форм производства и обмена⁹.

В контексте противостояния «экономистов» и «социалистов» возникла *социология*. Ее основатель О. Конт предназначал новой науке завершающее место в линейном ряду областей позитивного (положительного) знания, выяснение связи между социальным *порядком* и социальным *прогрессом* и миссию выработки *позитивной политики* для реформирования общества ученой «социократией» на основе *консенсуса*.

Выходец из парижской Политехнической школы Конт перенес в социологию из механической картины мира различие *статики* и *динамики*, взаимозависимость которых в обществе является особым случаем принципа постоянной связи движения и равновесия Д'Аламбера [Барт, 1902. С. 32]. Конт был также одно время учеником великого утописта К.А. Сен-Симона (ученика Д'Аламбера), которого покинул со скандалом, «прихватив» идею «трех стадий» умственного прогресса человечества – религиозно-авторитарной, спекулятивно-метафизической и научно-позитивной, но отринув профетическую оболочку учения Сен-Симона об индустриализме. Однако позднее сам Конт пришел к похожей проповеди, и его итоговый труд «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» едва не дискредитировал народившуюся *философию позитивизма*, отождествляемую с обобщениями выводов, к которым приходят естественные науки.

⁹ Ш. Фурье выделял 3 стадии «раздробленного» производства (патриархат, варварство и цивилизацию) и 3 стадии будущего «социетарного» производства («гарантизм», «социантизм» и «гармонизм»), а Р. Оуэн – 3 стадии товарного обмена: бартерную, денежную и по «трудовым квитанциям».

Вследствие нападок Конта на социалистов и на классическую философию, отождествленную со спекулятивной метафизикой, к «дрянному позитивизму» [Маркс, 1963. С. 197] отрицательно отнеслись Маркс и Энгельс, убежденные в неоспоримости приемов мышления, данных гегелевской диалектикой в ее радикальном и материалистическом истолковании. В ключевых идеях Конта они находили лишь заимствования у Сен-Симона [Энгельс, 1966. С. 327], отношение к которому с годами стало у Маркса восторженным [Маркс, 1962. С. 155]. Энгельс, в стремлении уяснить «диалектику природы» на основе новых «великих открытий» в физике и биологии – закона сохранения энергии, учения о строении живой клетки и дарвиновского эволюционизма – подчеркнул значение попыток энциклопедически резюмировать достижения естествознания «двумя гениальными мыслителями» – Сен-Симоном и Гегелем [Энгельс, 1961а. С. 512, 564–565].

Термин «социология» основоположники марксизма не приняли, хотя с позитивистской социологией материалистическое понимание истории сближали взгляд на общественный процесс как на «естественно-исторический», враждебность «метафизике», перенесение в политэкономии категории «формация» из первой эволюционной науки – геологии. Возникновение дарвинизма и эволюционного подхода в антропологии и этнографии и одновременно новые достижения точных наук, установившие механическое единство неорганического мира поспособствовали широкому распространению позитивистской философии и социологии – без отождествления с «контизмом» [Оршанский, 1893. С. 114]. А исторический («экономический») материализм стали определять как особую социологическую школу не только буржуазные профессора вроде М. Ковалевского и П. Барта, но и мыслители, считавшие плодотворным соединением марксистского монизма с *новым* позитивизмом, выводящим «научную философию» уже из достижений естествознания не начала или середины XIX в., а кануна и начала XX в. [Филиппов, 1897; Богданов, 1906. С. 38].

«Закона трех стадий» было явно недостаточно для выяснения связи между «социальным порядком» (статикой) и «социальным прогрессом» (динамикой) [Барт, 1902. С. 47]. Автор первого трактата о социальной статике (с подзаголовком «Ключевые условия человеческого счастья») утилитарист Г. Спенсер придавал особое значение психологии и политической экономии, игнорированным контовской линейной классификацией наук, и еще до Дарвина стал развивать идею биологической и социальной эволюции на основе «выживания наиболее приспособленных». В своих «основаниях» биологии, психологии и социологии Спенсер определил три универсальных аспекта эволюции – *дифференциацию, интеграцию и возрастание определенности функций*; он первым стал систематически использовать понятия «структура» и «функция» применительно к общественным процессам. В универсально-эволюционных схемах Спенсера проводилась идея о развитии как определенном направлении структурных и функциональных изменений под воздействием внешней среды, как комбинации большей устойчивости при малой изменчивости одной группы явлений и большей изменчивости, зато малой устойчивости другой группы явлений. В качестве всеобщего принципа динамики Спенсер выдвинул *подвижное равновесие* как переход к новым состояниям при сохранении типа системы с фиксацией приспособительных изменений, определяемой естественным отбором [Оршанский, 1893. С. 139, 142].

Специально же социальную динамику Спенсер отождествил с движением от «бес-связной однородности» индивидов к агрегату их «связной однородности» в отношениях по типу свободной коммерческой сделки [Спенсер, 1877. С. 623–624]. Подчеркивая противоположность своего индивидуализма холизму Конта, Спенсер был доктринером *laissez faire* и противником не только контовской «социократии» и любых форм социализма, но и социальных реформ вообще. Его приравнивание неограниченной конкуренции к естественному отбору в экономике («выживание наиболее приспособленных» фирм и бизнесменов) легко конвертировалось в апологию капитализма крупных корпораций [Galbraith, 1977. Р. 46–48]. Чем и занимался спенсерист и «социал-дарвинист», первый социолог США

У. Самнер, а сам Спенсер стал самым популярным философом в США, снискавшим особое расположение «промышленных королей» Дж.Д. Рокфеллера и Э. Карнеги.

Но позитивистская «динамическая социология» принимала и иные направления. Другой основатель социологии США, Л. Уорд, выступал за «социократию», или «реформистский социал-дарвинизм»: против неограниченного «социального попустительства сильным» и за элементы социального обеспечения и социального планирования [Гейбриел, 1979. С. 24]. Определив социальную динамику как процесс *изменения социальных структур*, Уорд обосновал разграничение экономических процессов на «генетические», вытекающие из рыночной конкуренции (ценообразование и распределение под воздействием спроса и предложения, закон Грэшема, накопление индивидуальных капиталов), и «телические», связанные с коллективно-кооперационными соединениями и «социологическим законодательством» [Гвирицман, 1912. С. 150, 179, 181]. «Коллективный телезис» – это общественно-целесообразное, «планомерное», «совершающееся по косвенному методу» нормирование имеющих место в повседневной жизни самопроизвольных действий индивидов, преследующих свои интересы [Гвирицман, 1912. С. 187].

Параллельно с формированием маржиналистской неоклассики получила распространение категория *экономического (рыночного) равновесия*, отразившая в различных трактовках различия французского и английского позитивизма. Французская традиция точных наук была ориентиром для лозаннской школы Вальраса – Парето (теория общего экономического равновесия), тогда как для Маршалла – биология, а не механика [Маршалл, 1993. С. 210–211]. Трактовка Маршаллом экономического прогресса в целом была экономической интерпретацией трех универсальных аспектов эволюции по Спенсеру – дифференциации, интеграции и возрастания определенности функций. [Гловели, 2017. С. 365]. Однако маршаллианская теория частичного рыночного равновесия, также как ТОЭР Вальраса – Парето, ограничивалась статикой (в лучшем случае – сравнительной статикой) «нормальной» денежной экономики. Шумпетер, претендовавший на создание неоклассической теории экономической динамики, констатировал, что ведущие теоретики маржинализма абстрагировались от феномена эволюции, «многие, среди них Бем-Баверк, вообще не желали слышать о таких понятиях, как статика и динамика» [Schumpeter, 2006. P. 932–933].

Динамические и кризисные явления в мировом хозяйстве неоклассическая статика с ее гладким миром робинзонад, уравнений и графиков «отдала» марксистской политэкономии и представителям социал-реформизма и исторической школы. Именно эти – в современной терминологии «гетеродоксальные» – направления выдвигали на первый план проблемы изучения экономической динамики, включая разработку теории *конъюнктуры* (нем. *Konjunktur* – «сочетание обстоятельств») как формы движения капиталистического хозяйства через подъемы, экспансии и спады.

Инициатор разработки теории конъюнктуры в России М. Туган-Барановский организовал в начале 1910-х гг. на юридическом факультете С.-Петербургского университета экономический семинар, где изучение теории и практики рыночной экономики переплелось с влиянием позитивистской социологии (Уорд, Ковалевский и др.). Спустя десятилетие это сказалось в разработке проблем экономической долгосрочной динамики и «экономической генетики» бывшим участником семинара Туган-Барановского директором Конъюнктурного института Н. Кондратьевым.

Кондратьев рассматривал хозяйственную конъюнктуру как *видовое* понятие по отношению к *родовому* понятию экономической динамики, охватывающему закономерности процесса изменений экономических элементов и их соотношений. Изменения Кондратьев классифицировал, с одной стороны, на количественные и качественные; с другой стороны, на эволюционные (необратимые) и волнообразные (обратимые), определив хозяйственную конъюнктуру как колебательное изменение совокупности экономических элементов, в котором проявляются обратимые волнообразные динамические процессы. [Кондратьев, 1989. С. 48, 58].

При построении своей гипотезы больших циклов конъюнктуры Кондратьев отталкивался от выделенных в теории частичного рыночного равновесия Маршалла краткосрочного, долгосрочного и «векового» периодов. Конкретизируя, Кондратьев отделил от низшего статического уровня равновесия между рыночным спросом и предложением два динамических уровня равновесия между рыночными ценами и ценами производства. На одном происходит нарушение и восстановление экономического равновесия при неизменном запасе основных капитальных благ; на другом, высшем, – на основе обновленного запаса основных капитальных благ. Отклонения от равновесия на динамических уровнях порождают соответственно периодические промышленные кризисы и фазовые повороты долгосрочной конъюнктуры [Кондратьев, 1989. С. 216–217].

Дискуссия по поводу гипотезы Кондратьева содействовала вхождению в обиход экономической науки категории *структурных сдвигов*, как возможного объяснения смены больших циклов конъюнктуры. Появилась трактовка структурных сдвигов как «самого существа» экономической динамики, связанной с вхождением новых элементов в систему и с нарушением (количественным или качественным) старых связей между элементами [Первушин, 1929. С. 127, 129].

С одной стороны, понятие структурных сдвигов вписалось также в разгоряченный контекст дебатов, порожденных *курсом на индустриализацию*, провозглашенным XV съездом ВКП(б). Разумеется, поставленная партией большевиков цель «превращения СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины», предполагала структурные сдвиги, беспрецедентные по историческим меркам. Остро встали вопросы об объективных возможностях таких сдвигов, методах осуществления, сроках, темпах, социальной цене.

С другой стороны, на низшем (по Кондратьеву) уровне рыночного равновесия – между спросом и предложением – в экономике и политике СССР развернулись кризисные процессы, обусловленные «ножницами цен»: занижением властью цен на покупаемое у крестьянства зерно при завышении цен на продукцию городской промышленности ([Кржижановский, 1923]. Концепция «первоначального социалистического накопления» неистового Е. Преображенского, ставшая экономической программой «левой оппозиции» в ЦК ВКП(б) возмущала как главных авторов «генеральной линии партии» Н. Бухарина и Предсовнаркома А. Рыкова, так и экономистов – «спецов», особенно аграрников, обеспокоенных угрозой нового нажима на крестьянство вплоть до «третьей революции», на этот раз против «кулака».

Среди «спецов» – аграрников периода НЭПа, подключившихся к дебатам об индустриализации, надо выделить старого неонародника Н. Огановского, разработавшего концепцию исторического перехода от аграрного к индустриальному обществу в Европе как процесса цепочки диверсифицирующих изменений: в структуре полеводства – отраслевой структуре сельского хозяйства – структуре народного хозяйства в целом с опережающим ростом промышленных отраслей. Изначально относивший себя к *сельскохозяйственной*, а не политической, экономии Огановский подверг критике основные направления западной политэкономии за абсолютизацию их основополагающих принципов: перенаселения и убывающего плодородия (классический либерализм); разделения труда и дифференциации (спенсеризм и неоклассика); преимуществ крупного производства и классовой поляризации (марксизм). Методологическим стержнем аграрно-эволюционной теории Огановского стал многоаспектный критерий равновесия: между количеством населения и количеством жизненных средств, доставляемых сельским хозяйством; между земледелием и животноводством внутри сельского хозяйства; между сельским хозяйством и народным хозяйством в целом. По критической оценке Огановского, западная политэкономия неправомерно экстраполировала опыт европейского XIX в., «залитого яркой краской индустрии» [Огановский, 1911. С. 540].

На протяжении веков, когда индустрия не играла существенной роли в народном хозяйстве, экстенсивная система парового земледелия (феодалное трехполье) обеспе-

чивала только *простое воспроизводство*, неуклонно нарушая равновесие между пахотным земледелием и пастбищным животноводством, поскольку требовалось расширение пашни за счет пастбищных угодий для скота. Революционные сдвиги в структуре посевов (добавление к хлебным злакам кормовых трав и корнеклубнеплодов) привели не только к восстановлению равновесия между интенсифицированным многопольным земледелием и обеспеченным круглогодичной кормовой базой животноводством, но и к *расширенному воспроизводству*, или устойчивому развитию производительных сил, обеспечиваемому взаимным стимулированием многопольного земледелия, интенсивного животноводства и несельскохозяйственных отраслей. Школы политической экономии проглядели эти структурные сдвиги [Гловели, 2018. С.39, 44].

Подобно своему почти ровеснику Богданову, Огановский подчеркнул универсальное значение «закона минимума» [Огановский, 1911. С. 558], указав на «слабое звено», ограничивавшее экономический рост основной части Западной Европы вплоть до XIX в., а России – и с наступлением XX в. – сохранение исчерпавшей себя экстенсивной «несчастной трехполки» [Огановский, 1914. С. 13]. Переход к многополью не осуществился в Российской империи и в наиболее успешную для ее сельского хозяйства «стольпинскую пятилетку» 1909–1913 гг., что делало экономический рост того времени неравновесным и ущербным.

Включившись в дебаты о перспективах экономического роста в СССР, Огановский обосновывал осуществление структурных сдвигов, превращающих страну в индустриально-аграрную таким образом, чтобы целевая установка на индустриализацию учитывала очень большую роль элементов стихийности в «ведомом» крестьянском хозяйстве, и поддерживалось динамическое равновесие между сельским хозяйством и народным хозяйством в целом, подразумевавшее равновесие между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары и равновесие между темпами роста доходности сельского и городского трудящегося населения [Огановский, 1927. С. 23–24].

Энес (народный социалист), член Предпарламента Российской республики Огановский наряду с молодым замминистра земледелия последнего Временного правительства правым эсером Кондратьевым входил в 1917 г. в межпартийную Лигу аграрных реформ. А в 1920-е гг. Огановский с Кондратьевым уже как нэповские беспартийные «спецы», члены коллегии Наркомзема, руководили составлением первого ориентировочного 5-летнего плана-прогноза развития советского сельского хозяйства (на 1923/24–1928 гг.). Кондратьев выдвинулся не только как конъюнктуровед, но и как ведущий теоретик «генетического» планирования-предвидения, базирующегося на прогнозировании пропорций и тенденций, складывающихся в хозяйстве под воздействием рыночной конъюнктуры («генетики» в смысле Уорда); при этом, как и Огановский, он настаивал на том, чтобы равновесные цены обеспечивали крестьянству расширение и укрепление его хозяйства.

Концепция плана-предвидения Кондратьева, отсылавшая к формуле Конта(!) «знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять», отправлялась от разграничения трех типов экономической динамики: 1) событий иррегулярных; 2) событий более или менее регулярно повторяющихся и 3) общей перспективы развития. [Кондратьев, 1989. С. 102, 105–107]. Чтобы управлять перспективой (на индустриализацию), необходимо «выяснение пределов, форм и методов» воздействия на стихийный ход событий первых двух типов и предвидение, опирающееся на знание закономерностей рыночного равновесия. К пределам воздействия относились емкость рынка для промышленных товаров и темпы роста весьма зависящего от стихийности сельского хозяйства, которым должны были быть соразмерны проектируемые капитальные вложения в видах структурных сдвигов в промышленности.

За отсутствие такой соразмерности – отрыв проектируемых темпов промышленного роста и объемов капитального строительства от емкости потребительского рынка и темпов роста сельхозпродукции – Кондратьев и Огановский подвергли критике «телеологическое»

обоснование форсированной индустриализации С. Струмилиным ([Огановский, 1927. С. 36], [Кондратьев, 1989. С. 136–145]). Кондратьев прямо предостерегал о такой практической опасности «пробела во внутреннем согласовании динамики различных отраслей хозяйства», как угроза дефицита сельхозпродуктов для потребления при осуществлении индустриализации [Кондратьев, 1989. С. 169, 155].

Струмилин, называвший себя «планировщиком-коммунистом», отмахнулся от «эпигонов народничества» [Струмилин, 1927]. Но его коллега по Госплану Базаров, который никогда не был народником, тем не менее подчеркивал, что «генетически» выверенный план сельскохозяйственной продукции является «тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 426].

С самого начала своей работы в Госплане Базаров вместе с В. Громаном брал за основу методологии хозяйственного плана принцип «лимитов и цепной связи» – прямое приложение тектологии [Базаров, 2002. С. 32–33] – но с поправкой, что основной предпосылкой успешности советского планирования, диктуемой *внутренней структурой* промышленности, является НЭП, т.е. наличность рынка и связанного с последним *хозрасчета* [Базаров, 2014. Т. 1. С. 312–313, 334]. Однако возрожденный после «военного коммунизма» рынок, с одной стороны, и проведение планового начала, с другой, наталкивались на различные минимумы связанных цепной связью элементов хозяйственного процесса. Таковыми были, например, дефицит потребительских товаров на рынке с неэластичным спросом или недостаток платежеспособности, из-за чего возникала «атмосфера товарного голода или кризиса сбыта» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 304]; недостаток непосредственного учета многих элементов общественной продукции и народного дохода, о которых приходилось судить на основе малоточных и ненадежных показателей; «конечное звено» вольного, т.е. неопределенно изменчивого рыночного спроса в цепной связи перспективных заявок при планировании [Базаров, 2014. Т. 2. С. 21]. К числу важнейших лимитов при планировании социалистической реконструкции Базаров относил недопустимость чрезмерного сжатия потребления широких масс населения (ниже норм капиталистического хозяйства) [Базаров, 2014. Т. 1. С. 429], а также «скоропелое» формальное обобществление и чрезмерное капитальное строительство, деформирующие структуру производительных сил [Базаров, 2014. Т. 2. С. 231].

Поэтому, сходясь с аграрниками – «генетиками» в признании особой значимости емкости сельского и городского потребительского рынка для устойчивости системы подвижного экономического равновесия, Базаров предлагал начинать индустриализацию с отраслей, производящих предметы потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже носит достаточно массовый характер [Базаров, 2014. Т. 2. С. 230]. Ключевыми принципами методологии концепции оптимального планирования Базарова как синтеза «генетики» и «телеологии» стали плавность проектируемых темпов промышленного роста, соразмерность, согласованность элементов «максимально устойчивой системы подвижного равновесия» и рациональная очередность [Базаров, 2014. Т. 1. С. 429; Т. 2. С. 230].

Н. Кондратьев, который даже при НЭПе не особо скрывал своего антимарксизма [Валентинов, 1991. С. 143], так же как и уклонившийся в экономическую географию Огановский, едва ли были знакомы с трудами А. Богданова по организационной науке. Однако нетрудно заметить, что вышеприведенная кондратьевская классификация элементов экономических изменений представляет собой конкретизацию богдановской организационной динамики, а иррегулярные и более-менее регулярные события, значимые для хозяйственной конъюнктуры, – частный случай воздействий среды, определенно изменчивых и неопределенно изменчивых, на всякий комплекс. Базаров же не только знал, но и применял тектологию, хотя ввиду неблагоприятной идеологической конъюнктуры не

упоминал ни о ней, ни о друге. Базаровская «синтезная концепция» планирования была конкретизацией «самых общих рассуждений», с которыми выступил Богданов в докладе «Организационная наука и хозяйственная планомерность» на первой конференции по НОТ. Конференция проходила еще в период «военного коммунизма», за месяц до создания Госплана РСФСР во главе с Г. Кржижановским и за два месяца до декрета о замене продразверстки продналогом, ознаменовавшего переход к НЭП. Но Богданов, предвосхищая задачи планирования при НЭПе, говорил, что «товарообмен может практически облегчить задачу», а в некоторых отраслях придется прибегнуть к арендам и концессиям. Однако главная трудность – связь государственного плана с 20 млн мелких крестьянских хозяйств; урегулировать всю эту массу, очевидно, немыслимо. Но «из нее огосударствленное хозяйство черпает важнейшие жизненные соки – продовольствие, в значительной мере топливо, частью даже рабочую силу; и между тем крестьянское хозяйство также подорвано и тоже нуждается в восстановлении, ему необходимо давать нужные средства, чтобы могла поддерживаться его производительность. В этих пределах его насущные потребности должны быть учтены и включены в систему общего плана; иначе все расчеты могут быть на деле разрушены» [Богданов, 1989. С. 278].

Базаров добавил к абстрактным организационным принципам хозяйственного плана конкретный опыт НЭПа с наличием хозяйственного расчета как «автоматического счетчика», упрощающего задачу контроля и самоконтроля. Однако форсированная индустриализация, проводимая при «телеологическом» директивном планировании, сломала механизмы НЭПа, не считаясь ни со «смычкой» с мелкими крестьянскими хозяйствами, ни с емкостью потребительского рынка, ни с плавностью темпов, ни с соразмерностью отраслей промышленности, ни с «узкими местами».

Планировщики-коммунисты в убеждении, что ведут народное хозяйство «по свободному и широкому руслу к социализму», отвергли теорию «узких мест» и восхваляли навязанное Политбюро ЦК ВКП(б) «величайшее ускорение» с выходом отраслевых показателей темпов роста промышленности на «уровень наметок последнего года плана» [Кактынь, 1929. С. 2].

В первую советскую пятилетку были осуществлены действительно беспрецедентные структурные сдвиги в народном хозяйстве СССР одновременно с обобществлением (сплошной коллективизацией) сельского хозяйства и заменой рыночного равновесия «телеологическим» плановым ценообразованием. В обосновании последнего значительную роль сыграл Струмилин, который, однако, предпочитая «стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», в новом Госплане, руководимом верным сталинцем В. Куйбышевым, был оттеснен на вторые роли. Его же оппоненты – «эпигоны народничества» и «меньшевики» – угодили в тюрьмы и ссылки.

Результатом форсированной индустриализации при «телеологическом» проведении первого пятилетнего плана стали действительно беспрецедентные *структурные сдвиги*, главные из которых застрельщик разгрома «теории равновесия» и направитель «революционного разрушения» равновесия в экономике СССР И. Сталин самодовольно изложил по схеме «у нас не было» – «у нас она есть теперь»: база черной металлургии на Востоке страны; тракторная, автомобильная, станкостроительная, современная химическая, авиационная промышленность. Даже в этом перечислении генсек не обошелся без нарочито грубых искажений, заявив, что в производстве электроэнергии, угля и нефтепродуктов страна ушла «с последнего» (!) места [Сталин, 1951. С. 178–179]. Но главные «теневые» последствия создания новых отраслей промышленности «в таком масштабе и таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии», были скрыты. От «обвала» темпов роста промышленности в последнем году пятилетки и фактического невыполнения и в предыдущие годы заданий не только директивного «оптимального», но и более умеренного (отвергнутого как «правоуклони-

стский») «отправного» варианта до массового голода – ничего из этого официально не обсуждалось.

Сталинские плановики декларировали «быстрый рост потребления масс» [*Как тынь*, 1929. С. 2]. На самом деле вновь, как при «военном коммунизме», «диктатура пролетариата» установила для пролетариата (теперь, правда, быстро растущего в численности) карточную систему. Впервые в истории промышленности страны и уже до самой кончины СССР доля отраслей группы «А», производящих средства производства, превзошла долю потребительских отраслей группы «Б», но этот принципиальный структурный сдвиг был следствием не только *абсолютного роста* тяжелой индустрии, но и *сокращения* производства в легкой и пищевой промышленности. Даже Сталин признал невыполнение первого пятилетнего плана по легкой и пищевой промышленности, но прикрыл это ссылкой на необходимость затрат на перевооружение РККА.

Но он не признал, что «рваные» темпы роста тяжелой промышленности, «подхлестываемой», начиная со 2-го года пятилетки, директивными требованиями добиться к пятому году выплавки 17 млн т чугуна вместо задания 10 млн т по «оптимальному» плану (8 млн т по «отправному»), в итоге лишь несколько превысили 6 млн т [*Хавин*, 1968. С. 77–78]. Что сбылись – в худшем виде – предостережения сторонников «синтезного» и «генетического» планирования о диспропорциях из-за чрезмерного капитального строительства и отрыва темпов роста тяжелой индустрии от остальных отраслей, о дефиците продовольствия вследствие удара по сельскому хозяйству.

Разрушение того «равновесия», которое отстаивали ведущие экономисты 1920-х гг., привело к «телеологическому» формированию системы, оказавшейся способной выиграть величайшую войну в истории и первенство в космонавтике. Но ценой не только сверхнапряжения, но и накопления структурных проблем, породивших избыточные затраты ресурсов, низкие потребительские характеристики продукции отраслей группы Б, сползание от импортозамещения к новой зависимости от импорта оборудования в отраслях группы А. И в итоге потери от структурных и прямых количественных диспропорций привели к краху системы [*Яременко*, 1999. С. 10].

«Под могильной плитой Маркса»: разрушение равновесия, деборинщина и ильенковщина

Деборин – специалист по философии.
Не в том смысле, что он знает философию,
а в том смысле, что он не знает ничего другого.
А. Богданов

А. Богданов в дебатах 1920-х гг. о долгосрочной экономической динамике и перспективном планировании участия не принимал. Но в политэкономических дискуссиях в Комакадемии он дал общую формулировку рыночного равновесия предприятия, ведущего расширенное воспроизводство: предприятие должно получать в виде вознаграждения за свой продукт, кроме $c + v$, еще некоторую величину, которая определяется общим расширением хозяйства [*Богданов*, 1926. С. 214]. Пропорции товарного воспроизводства, регулируемого стихийно действующим рыночным ценообразованием, Богданов рассматривал как особый случай универсального «закона трудовых затрат», которому в «более планомерной форме» отводил роль регулятора сознательно устанавливаемых производственных пропорций в социалистическом будущем.

Категорию «закона пропорциональных трудовых затрат» и трактовку рыночного закона стоимости («закона ценности»), как его частного случая, подхватил Н. Бухарин, ссы-

лавшийся на известное с начала XX в. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 11 июля 1868 г., в котором автор «Капитала» подчеркивал, что закон стоимости как историческая форма «естественной необходимости» лишь «как слепо действующее среднее» прокладывает себе путь в буржуазном обществе, в котором «a priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства». Но сама «необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, – измениться может лишь форма ее проявления» [Маркс, 1964. С.460–461].

Бухарин ссылаясь на «закон трудовых затрат» в своей полемике с «троцкистскими сверхиндустриалистами», предлагавшими не смущаться *диспропорциями* при «первоначальном социалистическом накоплении» и еще более раздвинуть «ножницы цен» в товарообмене между городом и деревней, тем самым разрушая рыночное равновесие. В свою очередь, «синтезная концепция» перспективного планирования Базарова опиралась на «закон пропорциональных трудовых затрат» в контексте системы «подвижного экономического равновесия» между капитальным строительством и емкостью рынка, накоплением и потреблением и т.д.

Однако на «философском фронте» 20-х гг. категория «подвижного равновесия» подвергалась обструкции как часть концептуального аппарата тектологии Богданова, травимого журналом «Под знаменем марксизма», с горькой иронией переименованного Богдановым в «Под могильной плитой Маркса». Редактором журнала был назначен с благословения Ленина и Троцкого А. Деборин, бездарный, но верный ученик Плеханова. В свое время он ответил на критику Богдановым бессодержательности полукантовского определения «материи» как «вещи в себе» заявлением, что требовать от материалиста определения «вещи в себе» все равно, что «требовать от теолога объяснения относительно причины его бога». А теперь возвестил, что «в лице Плеханова русская действительность в целом осознала самое себя» [Деборин, 1922. С. 10]. Сам же Деборин явно метил в философские «вожди» от «плехановской ортодоксии».

Один из старейших советских экономистов Ю. Зубчанинов, учившийся в самом начале 1920-х в МГУ, в своих опубликованных посмертно воспоминаниях отметил, что наряду со старой профессурой и пр. лекции читали видные большевики Бухарин, Луначарский и другие, «еще не привыкшие к своему новому положению вождей», и «отказавшийся от этого положения Богданов» [Зубчанинов, 1995. С. 20]. Последний раз вернуться в партию и в политику бывший «вице-лидер» большевиков отказался на устроенной Бухариным встрече со Сталиным по случаю создания Института переливания крови. Напротив, бывший меньшевик Деборин в 1928 г. был принят в ВКП(б), минуя кандидатский стаж, а уже через год был со скандалом продвинут в академики уже как партийный философ, несмотря на сопротивление академика Вернадского, оценившего деборинский «диалектический материализм» как «пережиток гегельянства», бесперспективный для плодотворных для естествознания «положительных философских построений» [Вернадский, 1988. С. 71, 70]. Такая оценка не удивительна: ведь с самого начала плехановско-деборинский диамат нацеливался не на «положительные философские построения», а на заушательскую критику «нематериалистов» и «недиалектиков», или, как отмечал А. Богданов, сочетание «довольно-таки механично усвоенной политграмоты с общенаучной... опять-таки малограмотностью», заезженных цитат с «самыми безнадежно-схоластическими гегелевскими суждениями» [Богданов, 2019. С. 616]¹⁰.

¹⁰ Образчик деборинского «диалектического материализма» как «всеобщего метода научного познания»: «Внешнее есть проявление внутреннего, внутреннее есть вместе с тем внешнее. Во внутреннем нет ничего, чтобы не проявилось во внешнем, а во внешнем нет ничего, чего бы не было во внутреннем. Внешнее и внутреннее составляют лишь моменты одного и того же; внешнее лишь относительно внешнее, стало быть; одновременно и внутреннее и наоборот» [О разногласиях..., 1930. С. 60].

Падение «правого уклониста» Бухарина дало Деборину и его своре новые козыри. Пока по указанию Сталина НКВД вел «проверочно-мордобойную работу» с экономистами – «спецами», протестовавшими против разрушения равновесия «великим переломом» в хозяйстве СССР, диаматчики с готовностью предложили свои «философские» эскорт-услуги для изобличения «политической экономии вредительства». Тон задал сынок самого Деборина, обрушившийся на «синклит» Базарова, Громана, Кондратьева, Огановского за проведение *принципа равновесия* при построении перспективного народнохозяйственного плана и за то, что приковывая развитие советского хозяйства к действию *закона стоимости*, они «совместными дружными усилиями пытаются увековечить техническую отсталость СССР» [Деборин, 1930. С. 57–58].

«Принцип равновесия» требовал преодоления «ножниц цен» – «диспропорции между трудовой стоимостью основных продуктов земледелия и промышленности» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 304]. Но экономика «разрушения равновесия» ради форсированной индустриализации и посредством сплошной коллективизации, напротив, раздвинула эти «ножницы». Заготовительные цены на зерно и продукцию животноводства, диктуемые государством колхозам, возмещали не более 10-15% затрат на производство основных видов сельскохозяйственной продукции [Малафеев, 1975. С. 75]. Эти искусственно заниженные неравновесные цены позволяли государству создавать огромные накопления, почти целиком переходившие в сферу тяжелой индустрии, которая могла благодаря этому продавать свою продукцию тоже по заниженным отпускным ценам, создавая, таким образом, на нее повышенный спрос [Бокарев, 1994. С. 243]. Такого спроса не возникло бы (как предупреждали экономисты – «генетики») в условиях рыночного равновесия, – оно и было разрушено, чтобы форсировать структурные сдвиги, причем подхлестывание темпов усугубило проблему высокой себестоимости продукции отраслей тяжелой промышленности из-за значительного процента брака, низкой производительности труда, тяжелых неполадок, массовых поломок на многих спешно построенных заводах [Розенфельд, Клименко, 1961. С. 220]. Напротив, розничные цены на промтовары для народного потребления, в которые закладывался налог с оборота, резко увеличились [Малафеев, 1964. С. 153].

Неравновесное ценообразование, попиравшее «закон трудовых затрат», было атрибутом созданного в «пятилетку разрушения равновесия» механизма массивированной перекатки ресурсов из аграрного сектора в индустриальный, а внутри промышленности – из отраслей группы Б в отрасли группы А [Горин, 1990. С. 34, 39–40; Гловели, 2014. С. 535–536]. Занижение заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию было подчинено еще и задачам экспортной реализации зерна для последующего приобретения импортных технологий, которые правительство решило закупить по максимуму в условиях, когда оборудование не находило сбыта на западных рынках ввиду «Великой Депрессии», и цены на него существенно снизились. Но цены на сельхозтовары на западных рынках упали гораздо ниже, и «уникальные возможности» мирового кризиса обернулись для СССР чудовищными издержками [Кагарлицкий, 2004. С. 432].

А советским политэкономам пришлось «начисто отрицать» не только «теорию равновесия», но и закон стоимости [Цаголов, 1983. С. 96]. И вместе с «диаматчиками» громить «вредительскую» философию репрессированных экономистов, которые смели требовать «эквивалентного обмена», «восстановительных цен», «регулятивной идеи равновесия» для производства, распределения и денежного обращения [Вышинский, 1930. С. 149, 147]. На страницах деборинского журнала особо усердствовал некто Вышинский, однофамилец уже назначенного генеральным прокурором РСФСР главного юридического обоснователя массовых репрессий. Писака обнаружил «полный набор тектологической тарабарщины» у Базарова – «организационные связи», «структурные схемы» и т.д. [Вышинский, 1931. С. 135]. Но следом рубанул по самим деборинцам, их «фейербахизму».

Недавно была переиздана книжонка одного из главных диаматчиков-деборинцев; в аннотации об авторе сказано, что он «был настоящим лидером». Судя по хамско-невежественной манере его антибогдановских статей, *настоящим* он был негодяем, хоть и не последним. Последние негодяи «под могильной плитой Маркса» пришли на смену деборинцам. А тех сбросили с лестницы «наглого террористического карьеризма» [Семенов-Тянь-Шанский, 2009. С. 230] после того, как их зарвавшийся «глава школы» намекнул Сталину, что готов сотрудничать с генсеком наподобие Маркса и Энгельса как «теоретик» с «практиком» [Некрич, 1979. С. 18]. Генсек, с дней своего 50-летнего юбилея и партийно-государственного единовластия уже провозглашенный «старыми большевиками» великим «теоретиком марксизма», дал отмашку последним негодьям «философского фронта» развивать «ленинский» (читай: сталинский) этап марксизма и расправиться с диаматчиками-деборинцами за «меньшевистствующий идеализм» – недооценку Ленина-философа и захваливание идеалиста Гегеля и меньшевика Плеханова.

«Могильная плита Маркса» в итоге раздавила «плехановских ортодоксов» – хулителей Богданова; хотя рептильного Деборина не тронули. В плаксивых и лживых воспоминаниях на склоне лет этот диаматчик-орденоносец показал, что многое забыл и ничему не научился, продемонстрировав верность всей фанаберии и двойным стандартам своей «философской школы». Ничтоже сумняшеся называя себя «учителем целого поколения» и жалуясь на свою участь в годы изобличения «деборинщины», он, как ни в чем не бывало, ставил себе в заслугу «ряд статей» своих учеников «против богдановщины». При этом (маразм же) утверждал, что тектология Богданова «пользовалась известным успехом» в «первые два десятилетия века», хотя она появилась лишь в 1913 г. И все это после лицемерных фраз, что «в подлинной науке, не преследующей карьеристских или недобросовестных целей, принято, прежде чем вынести свой приговор – положительный или отрицательный – изложить объективно концепцию критикуемого лица» [Деборин, 2009. С. 118, 123, 144].

Но вынесение деборинщиной «приговоров» новаторским идеям Богданова изначально не предполагало никакого объективного изложения критикуемой концепции. Эти приговоры были столь же заданы, как приговоры на политических процессах с государственным обвинителем А. Вышинским. И не обошлось без «эстафеты» негодяев «под могильной плитой Маркса».

Про самого одиозного из сталинских «философов-марксистов» Митина было известно, что он присвоил себе авторство статьи «Философия» в Большой Советской энциклопедии (том 57 1-го издания, 1936), написанной одним из репрессированных деборинцев [Королев, 1988. С. 6]. Кроме Митина, эту статью подписал еще один негодяй – Щеглов, которому на отзыв была послана рукопись еще одного из репрессированных деборинцев с очередным очернением Богданова. Соплагиатор Митина утилизировал эрзац-продукт деборинщины для книжонки уже только под своей фамилией, дополнив смрад антибогдановских фальсификаций бранью в стилистике речей генпрокурора Вышинского по адресу «эклектика Бухарина». Параллельно писака поместил и специально антибухаринский донос в журнале «Под знаменем марксизма» с инвективами против подмены марксизма «богдановщиной» и уж, конечно, с инсинуациями о «теории равновесия» [Щеглов, 1937. С. 38–40].

Негодяй-плагиатор не сделал такой академической карьеры, как его соплагиатор Митин, однако гнусная ложь из книжонки 1937 г. на десятилетия определила (и, увы, до сих пор во многом определяет) хождение антибогдановских фальсификатов, «кодифицированных» 2-м изданием Большой Советской энциклопедии (Т. 5, 1950) и множеством других энциклопедий и словарей. Ложь касается прежде всего причисления Богданова к «богостроителям» и обвинения его в «пролеткультовском» отрицании *всей* (включая

естествознание!) культуры прошлого¹¹; хотя для 1937 г. (впрочем, и для 1950) особое значение имело обвинение, что Богданов противопоставлял марксистской диалектике как учению о борьбе противоположностей, – «теорию равновесия» и «всеобщую организационную науку» о «гармонии и примирении противоположностей».

Все в том же 1937 г. (журнал «Большевик», № 21) была поспешно опубликована найденная в бумагах умершей младшей сестры Ленина Марии Ульяновой ранняя работа ее брата «По поводу так называемого вопроса о рынках», утаенная Марией [Валентинов, 1991. С. 170] из-за обид на партийные верхи за опалу, которой она подверглась за поддержку Н. Бухарина. Эта работа Ленина по поводу схем расширенного воспроизводства была сырой рукописью с арифметическими расчетами, точность которых (несоблюдаемую [Белых, 2007. С. 19]) также никто не стал проверять, как и в 1929 г. – обоснованность антибогдановских замечаний на полях книги Бухарина «Экономика переходного периода». Но ленинский текст содержал формулировку «закона» об опережающем росте производства средств производства для производства средств производства [Ленин, 1955–1981. С. 100]. Таким образом, опережающий, в нарушение всех экономических равновесий, рост тяжелой промышленности в годы «сталинских пятилеток», получил «освящение» от «вечно живого».

С М. Ульяновой связана еще одна история – сестра Ленина прожила бы на десятилетие меньше, если бы не победившая ее смертельную болезнь одна из первых (и самых успешных) операций по обменному переливанию крови в основанном Богдановым Институте. Этот факт способствовал, однако, не только поддержке последнего начинания Богданова в партийных верхах, но и еще одному домыслу – что, дескать, Институт переливания крови и задуман был для продления жизни «особой породе старых большевиков» (разоблачение блефа – в [Богданов, 2019. С. 655–657]). Истоки домысла – все в том же журнале «Под знаменем марксизма». Сделавший едва ли не главным своим направлением травлю Богданова, *ни разу* не предоставивший тектологу страниц для защиты своих взглядов, орган деборинщины после гибели Богданова поместил некролог, автор которого, высокомерно поучая Богданова за отсутствие политической «гибкости, умения маневрировать», утверждал, что создатель Института переливания крови якобы «как-то независимо от своей воли невольно восхищался тем делом, которое творит и у нас в СССР, и в во всем мире русский большевизм» [Кривцов, 1928. С. 179, 186]. И Институт был «по существу посвящен» продлению жизненных сил «поколения, которое выпестовало и провело три революции» [Кривцов, 1928. С. 186].

Ничего похожего на цитированные измышления в сочинениях и рукописях Богданова нет! Но некролог Богданову – «герою медицины» – в антибогдановском журнале привлек в конце 1970-х внимание еще одного сочинителя – философа Э. Ильенкова, высокомерно заметившего, что автор, против которого направлен памфлет Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», умер-таки, занимаясь «делом, в котором понимал». «Но вот его ученики, принявшие его взгляды за “подлинно научную философию”, обратились к экспериментам отнюдь не медицинским. Это и причуды Пролеткульта в искусстве¹². Это рискованные эксперименты в советской экономике 20-х годов, основанные на

¹¹ А ведь Богданов не только предлагал учиться у классиков, особенно у Гете, и простирали вглубь истории идею *сотрудничества поколений* вплоть до первобытных художников из Альтамыры [Богданов, 1990. С. 424–425, 452], но и начинал свой главный труд словами: «Я старался также отчетливо выяснить, что тектология не есть нечто принципиально новое, не скачок в научном развитии, а необходимый вывод из прошлого, необходимое продолжение того, что делалось и делается людьми в их практике и в теории» [Богданов, 2019. С. 84].

¹² Заметим попутно, что куда как большими, чем у разгромленного Лениным и Зиновьевым и оболганного при Сталине Пролеткульта, оказались «причуды» «ленинского плана монументальной пропаганды» и «борьбы» Крупской и Лилиной (жен Ленина и Зиновьева) с волшебными сказками и приключенческой литературой.

богдановской теории равновесия, ведущей прямое происхождение от Авенариуса и Маха» [Ильенков, 1980. С. 58].

Из многого сказанного в настоящей статье достаточно ясно, что, во-первых, какая-то одна «теория равновесия», на которую бы опирались ведущие экономисты 1920-х гг., существовала только в инсинуациях дебориных и вышинских. А, во-вторых, что как раз сторонники принципа равновесия в его различных смыслах были *противниками* рискованных экспериментов, проведенных над страной вскоре после смерти Богданова. Ильенков же, культ которого в некоторых современных идеологических сегментах начинает смахивать на культ его идола Ленина, в своем последнем сочинении «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» занялся делом, в котором *ничего* не понимал.

Еще студентом экономического факультета МГУ им. Ломоносова, будучи уже знаком со многими книгами Богданова (включая романы) и главными спорами о нем, я был несколько поражен, прочтя брошюру популярного среди политэкономов Ильенкова: как можно было почтенному философу в здравом уме даже за деньги¹³ написать такую ахинею? Несколько позже от известного историка философии А. Володина я узнал о серьезных проблемах Ильенкова со здоровьем и душевным равновесием. Однако и этим не все объясняется.

Причина глубже – в том изрядном осадке «немецкого филистерства», которое у столь почитаемого Ильенковым Гегеля находили Маркс и Энгельс [Энгельс, 1961б. С. 277], и которое почитаемый Богдановым Мах называл «филистерством специальности» [Богданов, 1911. С. 65].

Трагикомично (или фарсотрагично) то, что Ильенков, в полном соответствии с русской поговоркой, высматривая соломинки в чужих глазах, в собственных не видел бревенчатого филистерства. Ведь начинает он с высокомерного замечания, что диалектик Ленин имел полное основание назвать крупного позитивиста физика Маха «мелким и реакционным философом, т.е. лжеспециалистом в той области, которая исследует сознание (психику, мышление, духовную культуру человечества) и законы его возникновения и развития». Ибо Мах не потрудился изучить «ни Спинозы, ни Канта, ни Гегеля, ни Маркса, ни Энгельса». [Ильенков, 1980. С. 44].

Но очевидно не только то, что Ильенков явно не потрудился изучить экономических коллизий 1920-30-х, не читал экономических работ Базарова или Бухарина, а имен Громана, Кондратьева, Огановского, скорее всего, не знал вообще. И как «лжеспециалист в той области», где взялся выносить вердикты, ставил проблему головой вниз и кривообоко.

Но также ставил он проблемы и в «своей» области – истории философии и социализма. Фарисейски повторяя вслед за Лениным и его клеветом Кривобоковым (Невским) «махизм», «реакционная философия», «философия мертвой реакции», чтобы от имени истории (!) вынести «приговор – окончательный» [Ильенков, 1980. С. 57], основанный на опошляющих обобщениях и еще более на подлогах.

Характерно, что в брошюре Ильенкова *почти нет* ссылок на литературу (не считая, конечно, Полного собрания сочинений Ленина). Взгляды одного третьестепенного автора – критика гегельянщины Я. Бермана – Ильенков выдает за «общую позицию всех махистов» [Ильенков, 1980. С. 51], цитируя его больше, чем всех остальных вместе взятых (при этом ссылки можно пересчитать по пальцам), – в точном соответствии с тем, как «разрушители равновесия» в 1930-е изобличали за «регулятивную идею равновесия» всех «кондратьевцев» (!), якобы открыто заявлявших «себя сторонниками богдановской методологии и его теории равновесия» [Вышинский, 1930. С. 146].

¹³ Они могли и не играть первостепенной роли, но стоит напомнить, что печататься тогда в Политиздате с его сотысячными тиражами было не только престижно, но и высокодоходно.

Конечно, Ильенков пренебрегает тем, что у Богданова речь всегда идет о *динамическом* (подвижном) равновесии – понятии, вошедшем в категориальный аппарат всеобщей организационной науки под воздействием не Маха и Авенариуса, а физико-химика Ле-Шателье и биолога Ле-Дантека. Но главные подлоги начинаются при изложении (вернее сказать – *извращении*) романов Богданова, прочитанных Ильенковым как сутубым филистером специальности и явно не в трезвом уме. Видимо, поэтому ему там везде мерещилось «равновесие» – поистине, как страдающим «белой горячкой» мерещатся черти.

«Читатель, – талдычил Ильенков, – уже успел заметить, как часто повторяется в цитируемых отсюда текстах магическое слово равновесие» [Ильенков, 1980. С. 72]. Но это *подлог* – это *сам* Ильенков (не приводя цитат!) на нескольких страницах назойливо повторяет слово «равновесие». Много чаще, чем оно встречается *во всей* утопии «Красная звезда»! Да еще добавляя «полное и абсолютное» – это уже подлог, аналогичный тому, который Деборин-младший делал по отношению к репрессированному Кондратьеву, привирая, что, согласно теории больших циклов конъюнктуры, «капитализм находится в состоянии постоянного и незыблемого гармонического равновесия» [Деборин, 1930. С. 57].

В фабуле «Красной звезды» о «равновесии» упоминается лишь дважды. Один раз, когда герой теряет душевное равновесие из-за переживаний, что не может работать наравне с марсианами, так как не обладает их «культурой внимания», а их товарищескую заботливость воспринимает с болезненным раздражением¹⁴ [Богданов, 1990. С. 171]. А в другой раз – при описании организации производства, когда землянин знакомится с ней, а марсианин дает разъяснения.

«Необходимо, чтобы каждый мог видеть, где рабочей силы не хватает и в какой именно мере. Тогда, при одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, человек выберет то из них, где недостаток сильнее. А об излишке труда знать точные данные достаточно только там, где этот излишек имеется, чтобы каждый работник такой отрасли мог сознательно принять в расчет и степень излишка, и степень своей склонности к перемене занятия.

...Институт подсчетов имеет везде свои агентуры, которые следят за движением продуктов в складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть, и сообщать об этом повсюду. Поток добровольцев тогда восстановит *равновесие*» [Богданов, 1990. С. 141].

Этот эпизод – центральный в изображении Богдановым гипотетической планомерной организации, основанной на коммунистических представлениях о будущем «ассоциированном труде, выполняемом добровольно, с готовностью и воодушевлением» [Маркс, 1960б. С. 9], и сменяющей стихийное, устанавливаемое через закон стоимости равновесие между сферами товарно-капиталистического производства. Для филистера Ильенкова эта картина – «богдановская модель» общества по образцу крупного предприятия, взятого со стороны его трудовой техники [Ильенков, 1980. С. 101], подмена «конкретной реальности марксистского представления о социалистическом будущем махистской фантазией» [Ильенков, 1980. С. 68].

Но вот что писал сам Маркс, и не где-нибудь, а в «Капитале»:

¹⁴ «После обычных 4–6 (по земному счету) часов труда я бывал сильно утомлен, и мне нужен был немедленный отдых, тогда как прочие отправлялись по музеям, библиотекам, лабораториям или на другие фабрики наблюдать производство, а иногда даже там еще работать». Отметим очередную подлог Ильенкова: «Что делают марсиане после работы? Кто их знает...» [Ильенков, 1980. С. 65].

«...буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику» [Маркс, 1960а. С. 369].

Это сказано после вывода, что «различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что... закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени общество в состоянии затратить на производство каждого данного вида товара» [Там же. С. 369].

А в наиболее конкретном марксистском представлении о «непосредственно общественном труде» предполагалось, что таким трудом после обобществления становится с самого начала «труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер». «Общество может просто подсчитать... количества труда, заключающиеся в продуктах [...] – т. е. выражать их... в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является время» [Энгельс, 1961а. С. 321].

Утопия Богданова вовсе не отклонялась от марксистского представления о «союзе свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewusst] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» [Маркс, 1960. С. 88]. Но как «позитивная программа русского позитивизма» [Ильенков, 1980. С. 61] она действительно отклонялась от милитаризованного варианта этих представлений, выраженных в пункте 8 программы «Коммунистического Манифеста» («учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 447]), и воплощенных в «военном коммунизме» Ленина – Троцкого, а позднее – в сталинизированном «социалистическом» способе производства стратегических вооружений.

Упрек же за модель социализма как единого, так сказать, «мегаиндустриального» «предприятия» с безденежными расчетами может быть адресован Богданову лишь вместе со всем марксизмом. Но примечательно, что друг А. Богданова В. Базаров в своих экономических работах 1920-х гг. обосновывал не только интеграцию рынка и хозрасчета в социалистическую планомерность, но и преходящий характер «казарменно-фабричного стиля индустрии» [Базаров, 2014. С. 232].

Примечательно и другое. В своей «синтезной» концепции подвижного равновесия В.А. Базаров, отводя планирующим органам приоритет в инвестиционных решениях [Эрлих, 2010. С. 93], одновременно доказывал, что скороспелое формальное обобществление может надолго сковать рост производительных сил [Базаров, 2014. С. 231]. Сорок лет спустя хулигатель «махизма» и «теории равновесия» Э. Ильенков писал своему другу Ю. Жданову, что не представляет иного противовеса «формально-юридическому обобществлению собственности», кроме «открытого признания товарно-денежных отношений» [Ильенков, 1999. С. 259–260]. Филистеру от диалектического материализма было невдомек, что принципиальное решение озаботившей его экономической проблемы было намечено позитивистом Базаровым без всякой схоластики «частично-всеобщего=абстрактно-всеобщего=мнимо-всеобщего». Но это решение было похоронено тем разрушением равновесия в советской экономике, с которым солидаризовался Ильенков.

«Диалектическая» подложка Ильенкова и «махизм-ленинизм»

Разговор Л<енина> с К<расиным> в Кремле в 1918 г.
К<расин>: «Теперь самое трудное – организовать производство».

Л<енин>: «Что же тут трудного? Поставим коммунистов, заставим инженеров работать на нас».

Из записных книжек А. Богданова¹⁵

Для искажения мысли Богданова филистеру было мало производственной фабулы – грубому искажению подвергся и сюжет. Ильенков небрежно отмахнулся от акцентированной Богдановым холодноватой сдержанности и философичной рассудочности марсиан, обусловленной вдвое большей удаленностью их планеты от Солнца. Между тем разнотемпераментность, как фактор, зависимый от близости к светилу и осложняющий возможный контакт, в ракурсе темы множественности обитаемых миров (и возможного межпланетного *столкновения цивилизаций*) заслуживала вполне серьезного отношения. Но проблема контакта разноуровневых цивилизаций имела и вполне заземленное измерение в век оголтелого империализма и расизма, в котором писал Богданов.

Позднее, в «Тектологии» Богданов заметит, что «гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом. Она означает уничтожение тех своеобразных элементов и условий развития, которые возникают из смешения и из общения разных народностей. Насколько бы ни была культура европейских купцов и солдат абсолютно выше культуры каких-нибудь австралийских аборигенов, первые не могут качественно заменить вторых в тех оригинальных чертах физиологической организации, технических методов, способов мышления, которые сложились на почве иной природы и иной истории» [Богданов, 2019. С. 239].

Эта аргументация не кажется чем-то особенным, тем более для соотечественника Миклухо-Маклая. Но ведь, как указывал Базаров, те же самые люди, что встретили негодуемыми протестами организационный принцип цепной связи, через несколько лет утверждали, что эта «самоочевидная» идея не нуждается для своего обоснования в какой-то особой организационной науке [Базаров, 2002. С. 33]. Сюжет романа Богданова радикально отличается от сюжетов фантастических бестселлеров того времени типа «Войны миров» Уэллса. Но в извращенном прочтении Ильенкова марсиане, рассуждающие по махистской «экономии мышления», убедившись на примере заболевшего русского революционера в «биопсихической несовместимости» с темпераментной до безумия земной расой, решают, «дабы жила и расцвела марсианская – высшая форма социализма, ей в жертву придется принести низшую – земную форму жизни» [Ильенков, 1980. С. 70]. В конце концов марсиане пощадили человечество, и «сотворила это чудо милосердия любовь» – полюбившая земного революционера женщина-врач призывает возлюбить и землю в целом, а сама вместе с выдворенным с Марса русским социал-демократом отправляется на Землю, чтобы принять там личное участие в революции.

«Но позвольте, причем здесь любовь», – ерничал Ильенков и высокомерно разъяснял: «Апелляция к любви и прочим возвышенным и благородным, хотя и недостаточно рациональным эмоциям вообще характерна для позитивизма, то и дело заходящего в тупик в своих рассуждениях» [Ильенков, 1980. С. 71]. Однако начнем с того, что пара «марсианка Нэтти – землянин Лэнни (Леонид)» вовсе не противостоит *всему* безлюбому марсианскому обществу и не сбегает от него. Она остается в этом обществе, решившем «отказаться от

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48.

всякого активного прямого вмешательства в дела Земли» и постепенно работать для сближения двух миров [Богданов, 1990. С. 204].

Любовная сюжетная линия, разумеется, привносит эмоциональный накал в аргументацию о ценности земной культуры. Старшая по возрасту марсианская цивилизация стоит на более высокой ступени развития, но лишена опыта «того множества различных точек зрения и оттенков в понимании вселенной», той «силы героизма и мученичества», которую проявили земляне «среди путаницы и жестокой борьбы различных формаций» [Богданов, 1990. С. 188]. Цитированный выше абзац из «Тектологии» показывает, что подобную аргументацию Богданов привел бы и без всяких «любовей».

Но фальсификатор Ильенков представил сюжет романа Богданова таким образом, будто бывший муж Нэтти математик Стэрни со своим планом «безболезненного» истребления земного человечества является *рупором всего марсианского общества*. На самом деле Стэрни – узкий специалист, выражающий свое *единичное* мнение на съезде межпланетных путешествий, и от его предложений «среди сотен слушателей проносится ропот ужаса» – *перед тем*, как слово берет Нэтти. [Богданов, 1990. С. 182]. А из предшествующего хода романа ясно, что Стэрни, с его слишком «математически деловым тоном» – именно *исключение*: он один среди похожих друг на друга марсиан отталкивает землянина «каким-то странно-холодным, почти зловещим выражением лица». [Богданов, 1990. С. 113]. И его устрашающий план – порождение односторонности *филистера*, не желающего выйти за круг своей специальности.

Благожелательная критика, правда, резонно отмечала, что «невозможно допустить, чтобы такой план вообще мог зародиться в голове ученого в обществе, где каждый готов прийти на помощь товарищу» [Бритиков, 1970. С. 53]. Но вероятно, что зловещие тирады Стэрни были «срывом» утопической наглядности Богданова в *дистопию* – «сокровенным посланием» [Graham, 1984. P. 241] о возможной опасной пертурбации идей, дорогих автору: «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военной, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом» [Богданов, 1990. С. 184].

Второй роман Богданова «Инженер Мэнни», существенно более слабый, чем «Красная звезда», был создан автором в контексте нового витка русских споров об общественной роли интеллигенции. Филистер Ильенков извратил сюжетную линию и этого романа, выдав его за превознесение роли технической интеллигенции в истории, сакрализацию инженеров как «особой касты священнослужителей» [Ильенков, 1980. С. 88].

Богданов действительно внес вклад в русский разброс определений интеллигенции (от «аристократии духа» до «пролетариата мысли и воли», от «пособницы крупного капитала» до «идейно-рабочей силы» и пр.) введением в обиход понятия «техническая интеллигенция» – как в своих экономических учебниках, так и в философских трактатах. Более того, философию эмпириокритицизма и Э. Маха Богданов считал именно идеологией «технической интеллигенции» как особой социальной группы. Но проводил резкий водораздел между идеологией этой группы и идеологией пролетариата: да, рабочему классу близка практически ориентированная научно-познавательная тенденция, вносящая динамизм в технику промышленного производства, но чужда консервативная социальная позиция технической интеллигенции – привилегированного слоя с благополучным положением на службе у капитала и государства и получением своей доли прибавочной стоимости.

Как политэконом и очевидец «научно-технической революции» Богданов считал неизбежным возрастание социально-экономической роли технической интеллигенции; как политик-марксист отреагировал на массовый отход интеллигенции от «народолюбия» и социал-демократии после первой русской революции выводом, что рабочему классу впредь «предстоит всецело самому вести свое дело». Но поскольку пролетарское дело включает не только революционную борьбу, но и «положительно-практическую» сторону

создания нового строя [Богданов, 1918. С. 21], Богданов приходит к своим ключевым программным идеям «всеобщей организационной науки» и «пролетарской культуры».

Как *социальные утопии* эти программы были попыткой ответа на вызовы, сформулированные ранее, на рубеже XIX-XX вв., критиками марксистского социализма, указывавшими на невозможность организации и исполнения самими рабочими крупного высокотехнологичного производства, требующего квалификации в «высших формах» труда. Богданов отринул этот скепсис, полагая, что интегративные тенденции в естествознании в соединении с «историческим монизмом» позволят преодолеть «цеховой характер» науки. Краеугольный камень программы «пролетарской культуры» – отыскание «общих способов исследования, которые давали бы ключ к самым различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими» [Богданов, 1990. С. 102]. Странно, что Богданов не подчеркнул (и, по-видимому, напрасно!) преемственности своего проекта общенаучного инструментария с контурами общества «нового поколения всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства» [Энгельс, 1961а. С. 308]. А другие увидеть эту очевидную преемственность не смогли (не захотели?).

Содержание романа «Инженер Мэнни» резюмировал сам Богданов как «столкновение буржуазной и пролетарской культуры» [Богданов, 1989а. С. 363]. Но это столкновение не на поле брани, а двух логик: главного героя и его внебрачного сына от случайной связи, унаследовавшего от отца инженерный гений, но не гордыню и властность [Богданов, 1990. С. 220].

В кривозеркальном отображении Ильенкова «марсианские суперинженеры поняли... что все так называемые социальные проблемы на самом-то деле в основе своей есть проблемы инженерно-технические. И решать их должны инженеры, представители научно-технической элиты... суперинженеры Мэнни и Нэтти и организовали сначала сознание пролетариата и буржуазии, а затем и соответствующую ему систему хозяйственной, административной и культурной жизни» [Ильенков, 1980. С. 94–95].

Здесь уже остается только развести руками или вспомнить горе-диаматчиков, на хулу которых Богданов саркастически заметил: их самих в «технической интеллигентности» уж точно никто не заподозрит» [Богданов 2019. С. 601].

Для Мэнни, потомка знатного феодального рода, адепта «чистой науки» и индивидуалиста с «честолюбием богов», социальных проблем и тем более организации сознания какого-либо класса не существует в принципе. Его интересует как раз только инженерно-техническая, но зато грандиозная, в планетарном масштабе проблема сооружения каналов. Тех самых, которые (напомним, по гипотезам астрономов богдановских времен) спасли Марс от обезвоживания. Но, по Богданову, это происходило на капиталистическом Марсе; проект обострил классовый конфликт между рабочими союзами и синдикатским капиталом. Мэнни направил прорытие каналов через болотистую местность, зная, что тысячи рабочих умрут там от лихорадки, но зная и о том, что другой вариант возможен только по линии тектонического разлома; тогда в случае землетрясения погибнут миллионы. Однако капиталисты распустили слух с помощью подкупленного заместителя Мэнни, что инженер отказался от другого варианта только из-за своей враждебности рабочим. Шантажируемый предателем, Мэнни убил его и получил длительный срок; работы были прерваны.

Даровитый выходец из рабочей среды Нэтти, изучив геологию и проекты, понял, что Мэнни был подставлен (еще не зная, что это его отец). Когда Нэтти переубеждает рабочих изменить отношение к опальному инженеру, из их среды вырывается вопль: сколько можно только *верить*, а не *знать* и *видеть*! Из-за отсутствия специальных знаний рабочие вынуждены верить сначала Мэнни; потом предателям, говорившим, что Мэнни напрасно послал на болота; теперь Нэтти [Богданов 1990. С. 241]. Нэтти отвечает (прямо выражая мысли автора), что беда из-за того, что специализированная наука оторвалась от жизни и труда и не годится для рабочего класса. И потому, что слишком сложна, и потому, что недостаточна [Богданов, 1990. С. 242].

Мэнни возвращается к руководству работами; Нэтти становится его помощником и узнает, что это его отец. Но их взгляды на роль знания (индивидуалистическая и коллективистская «логики») остаются противоположны; не желая конфликта с сыном, инженер уходит из жизни. Нэтти завершает работы, а затем оставляет инженерство, чтобы организовать культурно-революционную школу ради задачи «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу». Нэтти лишь начал это дело, требовавшее усилий не одного поколения; открыв первые законы организационной науки и застав лишь «первые битвы решающей борьбы» [Богданов, 1990. С. 282–283].

Как бы ни был художественно слаб «Инженер Мэнни», и как бы критически не относиться к мысли Богданова, воплощению которой он посвятил всю оставшуюся жизнь, – создать основы всеобщей организационной науки для социалистического преобразования всего общественного строя, несомненно, что линза «монистической утопии» сфокусировала насущные проблемы «положительно-практического» осуществления социализма. Если уровень производительных сил нового общества должен превзойти капитализм, необходимо развивать технически сложное производство. Управлять таковым невозможно без специальных знаний, которыми обладают только интеллигенты-организаторы. Нереально ожидать, что эти интеллигенты станут разрушать собственную классовую привилегию, просто так соглашаясь за умеренную плату организовать производство для пролетариата [Богданов, 1918а. С. 28].

Поэтому, издавая за свой счет в 1917 г. 2-й том «Тектологии» с характеристикой стремления основной части технической интеллигенции к сохранению привилегированных условий для себя [Богданов, 1990. С. 291], Богданов одновременно в книге «Вопросы социализма» настаивал на том, что использовать для построения социализма современную науку и технику не так-то легко. И указывал на две крайности в мнимом разрешении «более технической, чем экономической», проблемы хозяйственной планомерности: либо ребяческий коммунизм «всем поровну», либо «переход от одного порабощения к другому – из-под ига капиталистов под иго инженеров и ученых» [Богданов, 1990. С. 100, 104].

А причем здесь, вообще говоря, «махизм»? Конечно, он не «революционнее» марксизма, но дополняет марксистское рассмотрение познания как процесса изменения мира социальным субъектом («Тезисы о Фейербахе»). Во-первых, тем, что трактует законы природы как методы ориентировки в потоке опыта, изменяющиеся сообразно с практическими потребностями, которым служит познание. Во-вторых, тем, что признает принципиальное равенство индивидов в познавательной координации («гносеологический демократизм») [Богданов, 1909. С. 46, 74–75]. Таким образом, соединение марксизма с махизмом приводит к пониманию науки как организованного общественно-трудового опыта [Богданов, 1990. С. 361].

Мастер «диалектической» логики Ильенков договорился до того, что вне поля зрения Маха вообще остался «вопрос о науке – что она такое, откуда и зачем она возникает и по каким законам развивается» [Ильенков, 1980. С. 42], а Ленин «ясно увидел», что революционер, принявший «махистскую» логику мышления, «неизбежно превращается из революционера в некое капризное существо, игнорирующее реальные противоречия жизни и пытающееся навязать ей свой произвол» [Ильенков, 1980. С. 55]. Реальный Мах сделал себе имя в науке именно трудами, в которых применил исторический подход к анализу естественнонаучных понятий, и показал, как из самых конкретных ремесленно-промышленных сведений возникали и развивались самые абстрактные выводы математики, механики, термодинамики [Богданов, 1909. С. 75]. А научные законы в понимании Маха (о чем даже Ленин (!) упоминал) суть «ограничения ожидания», придающие определенность человеческой деятельности [Мах, 1909. С. 454] – выводить отсюда «капризность» и «произвол», значит, мягко говоря, перевернуть.

Столь же безапелляционен Ильенков в своем приговоре «махистам» применительно к 1917 г.: «не путайтесь под ногами тех, кто ясно видит суть сложившейся в стране конкретно-

исторической ситуации, а потому и претендует на всю полноту власти» [Ильенков, 1980. С. 99]. Речь, конечно, о Ленине, мастерски владевшем «материалистической диалектикой» революционного мышления, которую с упоением воспроизводит Ильенков: «Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 320; Ильенков, 1980. С. 94–95].

Действительно, сажать от имени пролетариата пришлось много и долго... Ведь сразу выяснилось, что не получится «вооруженным рабочим» самим всего «лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 320], а «специалистов», в руках и головах которых необходимые для решения технических задач знания, привлечь за жалование «не выше заработной платы рабочего» [Ленин, 1967–1975. Т. 33. С. 50]. Понадобилось «выбросить почти весь технический персонал, от мастера до инженера, путем террора и голода переломить его психологию и уже после этой операции вобрать снова» [Преображенский, 2006. С. 362]. Легендарный план ГОЭЛРО предполагалось начинать так: «подготовительные *земляные* работы *тотчас* и разверстать их по уездам» и «мобилизовать *всех* без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2(4?) лекций, обучить *не менее* 10 (50?) человек электричеству. Исполнишь – премия. Не исполнишь – тюрьма» [Ленин, 1967–1975. Т. 52. С. 38].

НЭП был смычкой не только пострадавшей деревни с госпромышленностью через торговлю, но и Советской власти с получавшими уже много больше «хорошего рабочего» специалистами – технической интеллигенцией. Ленин поручил беречь «как зеницу ока каждого спеца», но одновременно «выработать методы ловли спецов и наказания их» [Ленин, 1967–1975. Т. 52. С. 55]. «Карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро за злоупотребления новой экономической политикой» и быть готовыми вернуться к «террору, и в том числе к террору экономическому» [Ленин, 1967–1975. Т. 44. С. 328, 429]. Вообще, если по-ильенковски отождествлять с «махизмом» революционный произвол и властные капризы, не будет преувеличением признать В. Ульянова-Ленина «махистом».

«Спеццы»- экономисты при НЭПе (многие – из числа тех, кто «путался под ногами» в 1917 г.) озадачились поисками достижения разных экономических равновесий. Когда же И. Сталин решил, что пора «нэп отбросить к чорту», карать стали за злоупотребление в расчетах на продолжение новой экономической политики. Сторонников равновесного экономического роста на основе НЭП пересажали. Разгром богдановской «теории равновесия» происходил на фоне «повсеместной травли инженеров, поисков вредителей среди технической интеллигенции» [Перченко, 1991. С. 177].

Такой вот «махизм-ленинизм».

Что касается последней книги Э. Ильенкова, то она – печальный пример не логики, а «подлогики», когда количество вымыслов лжеспециалиста переходит в «качество» апологетики сталинского «разрушения равновесия». Особенно возмутительно читать смакование того, что после книги Ленина «уже никто в рядах большевиков открыто заявлять и защищать свои махистские умонастроения не отваживался. Были, правда, и такие, которые и Маху, и Богданову сочувствовали, но теперь им пришлось делать это молчком» [Ильенков, 1980. С. 58]. Здесь, конечно, и снова перевертывание: при «постыдном невежестве 99% социал-демократов в области философии» [Иков, 1995. С. 100] и умении Ленина лавировать и делать хорошую мину совсем не гносеологические аргументы имели значение для «партстроительства». Но главное – «двойные стандарты» советского философа, которого принято считать жертвой «зажима философской мысли» в СССР, удовлетворение тем, что уже в раннем ленинизме оппозиционные мнения загонялись в «молчок». Стоит ли теперь удивляться тому, что так быстро вошли в альянс «колебаний с генеральной линией» и молодые, и «старые» большевики после смерти Ленина, и так быстро «поиняли» многочисленные «коммунисты» и «марксисты-ленинцы» в перестроечное и постсоветское время?

ЛИТЕРАТУРА

- Базаров В.А. (2002). А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник МИАБ. № 4(12). С. 5–35.
- Базаров В.А. (2014). Избранные произведения. В 2 т. / Науч. ред. А.А. Белых. М.: ИД «Дело»РАНХиГС.
- Барт П. (1902). Философия истории как социология. СПб: С-Петербургская Электротпечатня.
- Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет. 2-е изд., доп. М.: ЛКИ.
- Бердяев Н.А. (1902). Заметка о книге А. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. Кн. 64 (IV). С. 839–853.
- Биггарт Дж. (1993). Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. № 7. С. 139–150.
- Блонский П. П. (1961). Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР.
- Блонский П. П. (1918). Современная философия. М: Русский книжник.
- Богданов А.А. (1989а). Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Советская энциклопедия. С. 361–363.
- Богданов А.А. (1918). Вопросы социализма. М.: Книгоизд-во писателей в Москве.
- Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
- Богданов А.А. (1906). Из психологии общества. СПб: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. № 9/10. С. 46–52.
- Богданов А.А. (1910) Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1927). Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. Вып. 21. С. 244–262; 283–290.
- Богданов А.А. (1909). Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание». С. 35–142.
- Богданов А.А. (1989б). Тектология: Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика.
- Богданов А.А. (2019). Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД.
- Бокарев Ю.П. (1994). Рубль в условиях тотального планирования // Русский рубль. М.: Прогресс – Академия. С. 239–271.
- Бритиков А.Ф. (1970). Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука: Ленинградское отделение.
- Булгаков, С.Н. (1903). От марксизма к идеализму: Сб. ст. (1896–1903) / Сергей Булгаков. СПб.: Скл. изд. т-ва «Общественная польза».
- Валентинов Н. (1991). НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк: Телекс.
- Вернадский В.И. (1988). Записка о выборах члена Академии по отделению философских наук // Коммунист. № 18. С. 67–74.
- Вышинский П. (1930). Философия буржуазных реставраторов (кондратьевщина) // Под знаменем марксизма. № 10–11–12. С. 143–159.
- Вышинский П. (1931). Образчик вредительской философии (Базаровщина) // Под знаменем марксизма. № 1–2. С. 134–156.
- Гвирицман А.М. (1913). Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса. / Предисл. М. Туган-Барановского. СПб.: Тип. С.-Петерб. АО «Слово».
- Гейбриел Р. (1979). Выиграть или потерять мир? // Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. III. Под ред. Р. Спиллера и др. – М.: Прогресс. С. 17–27.
- Гловели Г.Д. (2017). Концепции экономического прогресса: эволюция и упущенные звенья // Предпосылки экономической теории: критический анализ / Под общ. ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева. СПб.: Алетейя. С. 346–437.
- Гловели Г. Д. (2018). Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. № 2. С. 38–52.
- Гловели Г.Д. (2003). Страсть к монизму: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. № 9. С. 110–127.
- Гловели Г.Д. (2014). Экономическая история. М.: Юрайт.
- Горинов М.М. (1990). Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. № 11. С. 31–47.
- Горький М. (1952) Собрание сочинений в 30 тт. Т. 17. М.: Гослитиздат.
- Деборин А. (1922). Вместо статьи // Под знаменем марксизма. № 5–6. С. 10–12.
- Деборин А. (2009). Воспоминания // Вопросы философии. № 2. С. 113–133.
- Деборин Гр. (1930). Политическая экономия вредительства // Под знаменем марксизма. № 9. С. 94–119.
- Дмитриев А.Н, Гловели Г.Д. (2013). Неомарксизм // Большая российская энциклопедия. Т. 22. bigenc.ru/philosophy/text/2260080.
- Зубчанинов Ю.Н. (1995). Увиденное и пережитое, записки советского плановика. М.: ИМЭМО РАН.
- Иков В.К. (1995). Листопад // Вопросы истории. № 8. С. 78–108.
- Ильенков Э.В. (1980). Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат.
- Ильенков Э.В. (1999). Письмо Ю.А. Жданову // Э.В.Ильенков: личность и творчество. М.: Языки русской культуры. С. 258–261.

- Кагарлицкий Б.Ю. (2004). Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультракультура.
- Кактынь А. (1929). К преодолению узких мест! // Правда. № 255 (3 ноября). С. 2.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика.
- Королев С. (1988). Человек на вышке // Советская культура. 17 сент. С. 6.
- Кржижановский Г.М. (1923). О проблеме «ножниц»: Докл. от Госплана. М.: Кремль, изд. ЦИК Союза ССР.
- Кривцов С. (1928). Памяти А.А. Богданова // Под знаменем марксизма. № 4. С. 179–186.
- Ленин В.И. (1967–1975) Полное собрание сочинений. М.: Политиздат.
- Лепешинский П.Н. (1928) На повороте. leninism.ru/memory/4305-na-povorote.html.
- Лункевич В.В. (1960). От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. Т. 2. М.: Учпедгиз.
- Малафеев А.Н. (1964). История ценообразования в СССР. М.: Мысль.
- Малафеев А.Н. (1975). Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме. М.: Политиздат.
- Луначарский А.В. (1968). Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия.
- Маркс К. (1960а). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1962). Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 25, ч. II. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1964). Письмо Л. Кугельману 11 июля 1868 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. М.: Госполитиздат. С. 460–462.
- Маркс К. (1963). Письмо Ф. Энгельсу 7 июля 1866 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. М.: Госполитиздат. С. 195–197.
- Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 1–4.
- Маркс К. (1960б). Учредительный манифест Международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М.: Госполитиздат. С. 3–11.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат. С. 419–459.
- Мах Э. (1909). Познание и заблуждение. М.: Сирмунт.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Т. III. М.: ИГ Прогресс «Универс».
- Мюллер М. (1891). Наука о мысли. СПб.: А.С. Семенов.
- Некрич А. (1979). Отрешись от страха. Воспоминания историка. Overseas Publications Intershance LTD. www.vtoraya-literatura.com/pdf/nekritch_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf.
- Никифоров Л.А. (2010). Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. № 1. С. 77–83. Языки русской культуры. С. 258–261.
- О разногласиях на философском фронте (1930). Заседание президиума Комакадемии // Вестник Коммунистической академии. Вып. 40–41. С. 12–164.
- Огановский Н.П. (1911). Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Саратов: Сотрудничество.
- Огановский Н.П. (1914). Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. М.: Задруга.
- Огановский Н.П. (1927). Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. № 6. С. 21–42.
- Оршанский И. Г. (1893). Позитивизм и контизм. Харьков: Тип. А. Дарре.
- Первушин С.А. (1929). Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза // Плановое хозяйство. № 6. С. 117–144.
- Перченко Ф.Ф. (1991). Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Ист. альманах. Вып. 1. СПб.: Феникс АТНЕНЕУМ. С. 163–235.
- Плеханов Г.В. (1956). Избранные философские произведения. Т. I. М.: Госполитиздат.
- Преображенский Е. А. (2006). Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. Сост. М.М. Горинов. М.: Глав-архив.
- Прокопович С.Н. (1901). К критике Маркса. СПб.: Л.Ф. Пантелеев.
- Розенфельд Я.С., Клименко К.И. (1961). История машиностроения СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. (2009). То, что прошло. Т. 2. М.: Новый хронограф.
- Соболев И.И. (2002). Товарищ // Вестник Международного института А. Богданова. № 4(12). С. 71–76.
- Спенсер Г. (1877). Основания социологии. Ч. 2. СПб.: И.И. Билибин.
- Сталин И. (1951). Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат.
- Струмилин С.Г. (1927) Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М.: Госиздат.
- Филиппов М.М. (1897). Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. № 1. С. 64–80; № 2. С. 40–67; №3. С. 72–100; № 4. С. 16–35.
- Хавин А.Ф. (1968). У руля индустрии. М.: Политиздат.
- Цаголов Н.А. (1983). Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: Изд-во МГУ.
- Щеглов А. (1937). О реакционной буржуазной сущности философских писаний Бухарина // Под знаменем марксизма. № 4–5. С. 31–48.
- Энгельмейер П.К. (2010). Теория творчества / С предисл. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Э. Маха. М.: КД «ЛИБРОКОМ».
- Энгельс Ф. (1961а). Анти-Дюринг. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат.

- Энгельс Ф. (1961б). Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 269–317. М.: Госполитиздат.
- Энгельс Ф. (1966). Письмо Ф. Теннису 24.1.1895 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. М.: Госполитиздат. С. 326–328.
- Эрлих А. (2010). Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Яременко Ю.В. (1999). Избранные произведения. Т. 3. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука.
- Galbraith J.K. (1977). *The Age of Uncertainty*. London: Houghton Mifflin
- Graham L. (1984). *Bogdanov's Inner Message* // *Red Star: The First Bolshevik Utopia*. Bloomington: Indiana UP, Pp. 241–254.
- Schumpeter J.A. (2006). *The History of Economic Analysis*. Taylor & Francis e-Library.

Гловели Георгий Джемалович
ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli
doctor habilitatus in economics, head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ggloveli@hse.ru

LENINISM, “TERMS OF TOV. A. BOGDANOV” AND PHILOSOPHER ILENKOV AS AN APOLOGIST OF THE STALIN’S ECONOMY “DESTRUCTION OF EQUILIBRIUM” (PART II)

Abstract. The second part of the article traces the formation of a system-structural approach in Russian “unorthodox” Marxism (“structurealism”), associated with the general organizational science (tectology) of A.A. Bogdanov and the economic works of V.A. Bazarov. Elements of structuralist methodology in the works of N.P. Oganovsky, N.D. Kondratyev, S.A. Pervushin are also exposed; these prominent Russian non-Marxist economists of the 1920s contributed to the emergence of the category of “structural changes”. It is shown that repressions against structuralist economists were a reaction on their attempts to substantiate more gradual structural changes in the economy of the USSR. While the prevailing “teleological” directive planning carried out structural changes through unequal exchange and a sharp breakdown in the proportions of the national economy. The ideological cover for voluntaristic planning was the pogrom criticism of the “theory of equilibrium”. The magazine “Under the banner of Marxism”, led by adherents of dogmatic “militant materialism”, participated actively in this defeat. Numerous forgeries in the “criticism of the theory of equilibrium” as well the presentation of the views of E. Mach and A. Bogdanov by the philosopher E. Ilyenkov and his historical and economic incompetence are revealed.

Key words: *Structurealism, Bogdanov's tectology as general organizational science, positivism, statics and dynamics, structural changes, NEP, debates on industrialization, the 1st 5-year plan, militant materialism, the economy of “destroying the equilibrium”, Ilyenkovschina*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Bazarov V.A. (2002). A.A. Bogdanov (Malinovsky) as a thinker // *Bulletin of International A. Bogdanov Institute*. No. 4 (12). Pp. 5–35. (in Russian).
- Bazarov V.A. (2014). *Selected works*. In 2 vols. / Ed. by A.A. Belykh A.A. Moscow: Publishing House “Delo” (in Russian).
- Barth P. (1902). *Philosophie der Geschichte als Sociologie*. SPb: St. Petersburg Electroprint (in Russian).
- Belykh A.A. (2007). *History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years*. Ed. 2nd, add. M.: LCI (in Russian).
- Berdyayev N.A. (1902). A note about A. Bogdanov’s book “Knowledge from a historical point of view” // *Problems of Philosophy and Psychology*. Book. 64 (IV). Pp. 839–853 (in Russian).
- Biggart J. (1993). Alexander Bogdanov and the Theory of the «New Class» // *Sociological studies*. No. 7. Pp. 139–150. (in Russian).
- Blonsky P.P. (1961). *Selected pedagogical works* – M.: Publishing house of the APN RSFSR. (in Russian).
- Blonsky P.P. (1918). *Contemporary philosophy*. M: Russian scribe (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1989a). *Autobiography* // *Figures of the USSR and the revolutionary movement in Russia*. M.: Soviet encyclopedia. Pp. 361–363 (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1906). *From the psychology of society*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1919). *On the tendencies of proletarian culture* // *Proletarian culture*. No. 9/10. Pp. 46–52. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1910). *The fall of the great fetishism. Faith and Science*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov (in Russian).

- Bogdanov A.A.* (1927). Limits of scientific reasoning // Bulletin of the Communist Academy. Issue 21. Pp. 244–262, 283–290 (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1909). Philosophy of a modern naturalist // Essays on the philosophy of collectivism. Sat. 1. SPb.: Tov-vo “Znanie”. Pp. 35–142 (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1918). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1989b). Tectology: General Organizational Science. Vol. 1. M.: Economics (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (2019). Tectology: General Organizational Science. 6th ed., Add. M.: LENAND (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bokarev Yu.P.* (1994). Ruble in the context of total planning // Russian ruble. M.: Progress – Academy. Pp. 239–271 (in Russian).
- Britikov A.F.* (1970). Russian Soviet science fiction novel. L.: Science: Leningrad Branch (in Russian).
- Bulgakov S.N.* (1903). From Marxism to Idealism: Sat. Art. (1896–1903). SPb.: Skl. ed. “Obschestvennaya pol’za”, 1903 (in Russian).
- Deborin A.* (1922). Instead of an article // Under the banner of Marxism. No. 5–6. Pp. 10–12 (in Russian).
- Deborin A.* (2009). Memories // Questions of Philosophy. No. 2. Pp. 113–133 (in Russian).
- Deborin Gr.* (1930). The political economy of wrecking // Under the banner of Marxism. No. 9. Pp. 94–119 (in Russian).
- Dmitriev A.N., Gloveli G.D.* (2013). Neo-Marxism // Great Russian Encyclopedia. Vol. 22 (in Russian).
- Engelmeyer P.K.* (2010). Creativity theory. With a preface by D.N. Ovsyaniko-Kulikovskiy, E. Mach. M.: CD “LIBROKOM”.
- Engels F.* (1961a). Anti-Dühring. Dialektik der Natur // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 20. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Engels F.* (1961b). Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 21. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Engels F.* (1966). Letter to F. Tennis 24.1.1895 // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 39. M.: Gospolitizdat. P. 326–328 (in Russian).
- Erllich A.* (2010). Soviet industrialization debates. 1924–1928. M.: Delo (in Russian).
- Filippov M.M.* (1897). Sociological doctrine of Karl Marx // Scientific review. No. 1. P. 64–80; No. 2. P. 40–67; No. 3. P. 72–100; No. 4. Pp. 16–35 (in Russian).
- Gabriel R.* (1979). Win or lose the world? // Literary history of the United States of America. Vol. III. / Ed. R. Spiller et al. M.: Progress. Pp. 17–27 (in Russian).
- Galbraith J.K.* (1977). The Age of Uncertainty. London, Houghton Mifflin.
- Gloveli G.D.* (2017). Concepts of Economic Progress: Evolution and Missing Link. // Preconditions of economic theory: critical analysis / under total. ed. AND I. Rubinstein, R.M. Nureyev. SPb.: Aletheya. Pp. 346–437 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2014). Economic history. M.: Yurayt. (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2018). N.P. Oganovskiy: the pattern of agrarian evolution and gaps in the formational approach // Problems of Political Economy. No. 2. P. 38–52 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2003). Passion for monism: Alexander Bogdanov’s hedonic selection // Problems of Philosophy. No. 9. Pp. 110–127 (in Russian).
- Gorinov M.M.* (1990). Soviet country in the late 20s – early 30s. // Questions of history. No. 11. Pp. 31–47 (in Russian).
- Gorky M.* (1952). Collected works. In 30 volumes. Vol. 17. M.: Goslitizdat (in Russian).
- Graham L.* (1984). Bogdanov’s Inner Message // Red Star: The First Bolshevik Utopia. Bloomington: Indiana UP. Pp. 241–254 (in Russian).
- Gvirtzman A.M.* (1913). Sociology of Ward and its relationship to the sociological constructions of Marx / Preface by M. Tugan-Baranovskiy. St. Petersburg: A type St. Petersburg. AO “Slovo” (in Russian).
- Ikov V.K.* (1995). Leaf fall // Questions of history. No. 8. Pp. 78–108 (in Russian).
- Ilyenkov E.V.* (1980). Lenin’s Dialectics and Metaphysics of Positivism. M.: Politizdat (in Russian).
- Ilyenkov E.V.* (1999). Letter from Yu.A. Zhdanov // E.V. Ilyenkov: personality and creativity. M.: Languages of Russian culture. Pp. 258–261 (in Russian).
- Kagarlitskiy B.Yu.* (2004). Peripheral empire. Russia and the World-System. M.: UltraKultura (in Russian).
- Kaktyn A.* (1929). Overcoming bottlenecks! // Pravda. No. 255 (November 3). P. 2 (in Russian).
- Khavin A.F.* (1968). At the helm of the industry. M.: Politizdat (in Russian).
- Kondratyev N.D.* (1989). Problems of economic dynamics. M.: Economica (in Russian).
- Korolev S.* (1988). A man on a tower // Soviet culture. September 17. P. 6 (in Russian).
- Krzhizhanovskiy G.M.* (1923). On the problem of “scissors”: Report from the State Planning Commission. M.: Kremlin, ed. Central Executive Committee of the USSR (in Russian).
- Krivtsov S.* (1928). In memory of A.A. Bogdanov // Under the banner of Marxism. No. 4. P. 179–186 (in Russian).
- Lenin V.I.* (1967–1975) Complete works. M.: Politizdat (in Russian).
- Lepeshinsky P.N.* (1928) At the turn. leninism.su/memory/4305-na-povorote.html (in Russian).
- Lunacharskiy A.V.* (1928). Alexander Alexandrovich Bogdanov // Pravda. No. 85, April 10th. P. 3 (in Russian).

- Lunacharsky A.V. (1968). *Memories and impressions*. M.: Sov. Russia (in Russian).
- Lunkevich V.V. (1960). *From Heraclitus to Darwin. Essays on the history of biology*. Vol. 2. M.: Uchpedgiz (in Russian).
- Mach E. (1909) *Erkenntnis und Irrtum*. M: Skirmunt (in Russian).
- Malafeev A.N. (1964). *The history of pricing in the USSR*. M.: Mysl' (in Russian).
- Malafeev A.N. (1975). *Past and present of the theory of commodity production under socialism*. M.: Politizdat (in Russian).
- Marx K. (1960a). *Capital*. Vol. 1 // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 23. M.: Politizdat (in Russian).
- Marx K. (1962). *Capital*. Vol. 3 // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 25. Part 2. M.: Politizdat (in Russian)
- Marx K. (1960b). *Founding Manifesto of the International Association of Workers* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 16. M.: Gospolitizdat. Pp. 3–11 (in Russian)
- Marx K. (1963). *Letter to F. Engels on July 7, 1866* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 31. M.: Gospolitizdat. Pp. 195–197 (in Russian).
- Marx K. (1964). *Letter to L. Kugelman on July 11, 1868* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 32. M.: Gospolitizdat. P. 460–462 (in Russian).
- Marx K. (1955). *Thesen über Feuerbach* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 3. M.: Gospolitizdat. P. 1–4 (in Russian).
- Marx K., Engels F. (1955) *Manifest der Kommunistischen Partei* // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 23. M.: Politizdat. Pp. 419–459. (in Russian).
- Marshall A. (1993). *Principles of Economics*. Volume III. M.: EG Progress “Univers” (in Russian).
- Mueller M. (1891). *The science of thought*. SPb: A.S. Semenov (in Russian).
- Nekrich A. (1979). *By renouncing fear. Memories of a historian*. Overseas Publications Intershanche.LTD. www.vtorayaliteratura.com/pdf/nekrich_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf.
- Nikiforov L.A. (2010). *Philosophy of Science: V. I. Lenin and E. Mach* // *Problems of Philosophy*. No. 1. Pp. 77–83 (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1927). *The equilibrium of the agricultural and national economy of the USSR in the aspect of the long-term plan* // *Economic Review*. 1927. No. 6. Pp. 21–42 (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1911). *The patterns of agrarian evolution*. T 2. Saratov: Sotrudnichestvo (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1914). *The patterns of agrarian evolution*. T. 3. M.: Zadruga (in Russian).
- On the disagreements on the philosophical front (1930). *Meeting of the Presidium of the Communist Academy* // *Bulletin of the Communist Academy*. Issue 40–41. Pp. 12–164 (in Russian).
- Perchenok F.F. (1991). *Academy of Sciences at the “great turning point”* // *Links. East. almanac*. Issue 1. SPb.: Phoenix ATHENEUM. P. 163–235 (in Russian).
- Plekhanov G.V. (1956). *Selected philosophical works*. Vol. I. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Pervushin S.A. (1929) *Economic barometers and ways of market forecasting* // *Planning economy*. Number 6. Pp. 117–144 (in Russian).
- Preobrazhensky E.A. (2006). *Archival documents and materials: 1886–1920 / Comp. M. M. Gorinov*. M. : Glavarchiv (in Russian).
- Prokopovich S.N. (1901). *To the criticism of Marx*. SPb.: L.F. Panteleev (in Russian).
- Rosenfeld Y.S., Klimentenko K.I. (1961). *History of mechanical engineering of the USSR*. M: publishing house of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Semenov-Tyan-Shansky V.P. (2009). *What has passed*. Volume 2. M.: New chronograph (in Russian).
- Shcheglov A. (1937). *On the reactionary bourgeois essence of Bukharin’s philosophical writings* // *Under the banner of Marxism*. No. 4–5. Pp. 31–48 (in Russian).
- Schumpeter J.A. (2006). *The History of Economic Analysis*. Taylor & Francis e-Library.
- Sobolev I.I. (2002). *Comrade* // *Bulletin of the A. Bogdanov International Institute*. No. 4 (12). Pp. 71–76 (in Russian).
- Spencer H. (1877). *Principles of Sociology*. Part 2. SPb: I.I. Bilibin (in Russian).
- Stalin I. (1951). *Compositions*. Vol. 13. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Strumilin S.G. (1927). *Industrialization of the USSR and the epigones of populism*. M. : Gosizdat (in Russian).
- Tsagolov N.A. (1983). *Questions of the theory of production relations of socialism*. M.: Publishing house of Moscow State University (in Russian).
- Valentinov N. (1991). *NEP and the crisis of the party*. *Memories*. New York: Telex (in Russian).
- Vernadsky V.I. (1988). *Note on the election of a member of the Academy for the Department of Philosophical Sciences* // *Communist*. No. 18. Pp. 67–74 (in Russian).
- Vyshinsky P. (1930). *Philosophy of bourgeois restorers (Kondratyevshchina)* // *Under the banner of Marxism* № 10–11–12. Pp. 143–159 (in Russian).
- Vyshinsky P. (1931). *An example of wrecking philosophy (Bazarovshchina)* // *Under the banner of Marxism*. No. 1–2. Pp. 134–156 (in Russian).
- Yaremenko Yu.V. (1999). *Selected works*. Vol. 3. *Structural Policy Priorities and Reform Experience*. M.: Science (in Russian).
- Zubchaninov Yu.N. (1995). *Seen and Experienced, Notes of a Soviet Planner*. Moscow: IMEMO RAN (in Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА?¹

Аннотация. В период кризиса пандемии и последовавшей экономической рецессии либеральная идея глобального конституционного порядка и управления оказалась под ударами острой критики с самых разных позиций. Было заявлено, что эта теоретическая конструкция – не более чем формальное отражение прежнего либерального триумфализма и она не имеет ничего общего с текущим международным устройством, основанным на разрушении международного права, растущем экономическом и военном соперничестве, прогрессирующем разделении глобальных регионов, фрагментации международных режимов и превалировании эгоистических мотивов великих держав. Автор данной статьи подвергает все эти аргументы непосредственному анализу, критике и переосмыслению, обсуждая такие темы, как глобальное правовое развитие, конституционное переформатирование международного порядка, регионализм, роль институтов глобального управления в правовом регулировании экономического строя. Демонстрируется, что нестабильный баланс между интеграцией и фрагментацией международной правовой системы в период кризиса может быть использован для продвижения совершенно различных версий глобализации, стимулируя растущее соперничество мировых элит в отношении будущего дизайна глобального управления и демонстрируя важность новой согласованной политики права.

Ключевые слова: *глобальный конституционализм, конституционализация и фрагментация в международных отношениях, транснациональное право, глобальное управление, регионализация, суверенитет, авторитаризм, национальные правовые традиции, настоящий и фальшивый универсализм, легитимность, экономическая рецессия, политика права.*

JEL: F02, F50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10305

В условиях глобализации борются две тенденции – к интеграции и дезинтеграции мирового правового регулирования. Первая тенденция выражена теорией глобального конституционализма – направлением мысли, отстаивающим универсализацию правовых принципов и норм путем конвергенции международного и национального права во имя создания нового наднационального глобального права. Вторая тенденция выражается в учении противников правовой глобализации, видящих перспективу в дезинтеграции правовых отношений – фрагментации международных режимов и глобального управле-

¹ Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ проекта 20-01-006) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ния. Предстоит выяснить, какую роль в соотношении двух тенденций способна сыграть экономическая и политическая нестабильность новейшего времени?

С окончанием холодной войны, в период экономического развития, основанного на либеральной модели рыночной экономики, господство теории глобального конституционализма казалось бесспорным, а речь шла преимущественно о формах и темпах его продвижения. Однако после кризиса 2008 г. и последовавших за ним потрясений мировой экономики преобладающими в отношении интеграционных тенденций становятся негативные прогнозы. Они особенно усилились в новейший период в связи с растущей дестабилизацией Европейского Союза после миграционного кризиса и Брексита, действий администрации Трампа по выходу из международных договоров, введением в порядок дня торговых войн, протекционистских тарифов, а также созданием разнообразных санкционных режимов. Рассуждения о конце глобализации стали особенно заметны в связи с пандемией коронавируса и прогнозируемой мировой экономической рецессией.

Между тем в этой дискуссии рано ставить точку, поскольку логика текущих процессов определяется их разновекторностью: ослабление интеграционных процессов по одним направлениям может сопровождаться их наращиванием по другим; преобладание фрагментации международных режимов на одном уровне может компенсироваться интеграционными усилиями на других; интенсивность и динамика интеграционных (деинтеграционных) процессов определяется не только общими, но и секторальными формами их экономической и политической организации.

Цель данной статьи – выяснить перспективы глобального конституционализма в условиях экономического кризиса и определить возможности влияния на них с помощью координируемой политики права. В соответствии с этим рассматриваются: процессы конвергенции международного и национального права; их противоречивое воплощение в интеграции и фрагментации транснациональных правовых институтов; создание секторальных режимов глобального экономического регулирования и управления; отношение к данному процессу глобальных регионов и стратегии адаптации национальных государств, перспективы глобального правового регулирования и управления.

1. Конвергенция международного и конституционного права как основа глобализации

Тезис о конвергенции международного и национального права получил широкое распространение – вплоть до признания, что международный порядок уже конституционализирован и существует нечто вроде глобальной конституции. Тем не менее можно констатировать противоречивость понятия глобального (международного) конституционализма. Его понимание зависит, с одной стороны, от общей интерпретации международного права – формальной, индивидуалистической, плюралистической; с другой включает понимание глобального конституционализма как реальной тенденции развития или, напротив, как исключительно «интеллектуального эксперимента»; наконец, с третьей различается трактовкой содержания глобального конституционализма, который предстает как идеалистический компонент, стоящий за процедурами конституционализации (набор экстра-правовых ценностей), как процесс имплементации этих идеалистических компонентов конституционализма и как исход процесса конституционализации [Lang, Wiener, 2017]. Существующие концепции глобального конституционализма, – верно отмечает Р. Дельпано, – не могут рассматриваться как адекватный подход к фрагментации, поскольку стремятся восстановить согласованность международного права, не обращаясь к нормативным конфликтам [Delpano, 2013. P. 77].

Основными вопросами в этой дискуссии стали следующие: определение масштабов и содержательных параметров конвергенции международного и конституционного права,

пределов и границ возможной инкорпорации конституционных принципов и норм в международное право и, напротив, воздействия последнего на конституции национальных государств; соотношение и динамика конфликтных процессов конституционализации и фрагментации международного права; формирование многоуровневого конституционализма, предполагающего выстраивание иерархии норм глобального, регионального и национального правового регулирования; определение акторов международного конституционного регулирования и системы глобального управления как государственных, так и действующих вне государственных границ (международные организации, транснациональные компании, НКО, гражданские инициативы и т.д.); формы и стратегии продвижения проектов глобального конституционализма (мягкое и жесткое право, реформы международного права и институтов, пересмотр традиционного конституционализма, создание новой правовой инфраструктуры, международная дипломатия); встающие на этом пути препятствия и опасности (в виде угрозы унификации, дискриминации отдельных регионов, групп и меньшинств); оценка достигнутых результатов и перспектив трансформации правовой системы [Atilgan, 2018].

В этой перспективе возможно обсуждение позитивных и негативных сторон теории трансправовой коммуникации:

- 1) должна она опираться на международное право с учетом его неопределенности, различия трактовок и недемократичности (некоторые вообще отрицают за ним звание права и связывающий характер его норм для международных акторов); напротив, опираться на традиционный конституционализм (отстаивающий принцип суверенитета как необходимое условие) или их конвергенцию (закрепление конституционных норм как международно-правовых с постепенным формированием новой отрасли глобального или транснационального права);
- 2) понять, насколько существующие подходы могут согласовать противоположные и расходящиеся тренды в виде конституционализации и фрагментации международного права;
- 3) выяснить, в какой мере доминирующая конструкция транснационального права (в виде европейского права ЕС) может быть распространена на другие международно-правовые режимы и положена в основу его глобального позиционирования (избегая угрозы воспроизводства евроцентризма в новых правовых формах);
- 4) следует положить в основу всей этой конструкции формальные юридические или политические приоритеты (с учетом прогрессирующей эрозии международного права, закрепляющего, по мнению критиков, исключительное доминирование великих держав, фактически не считающих себя скованными международными договорами);
- 5) установить, какова в этом процессе должна быть роль консолидированной международной стратегии и политики права, направленной на продвижение глобального конституционализма в условиях кризиса.

2. Конституционализация международного права – путь к интеграции или обособлению правовых режимов?

В эпоху глобализации актуален вопрос о том, в какой степени международная правовая система имеет конституционные параметры, сопоставимые с теми, которые можно найти в национальном праве. Все согласны с тем, что транснациональная правовая ситуация определяется растущей конвергенцией международного и национального права в рамках конституционализации – процесса, в целом означающего интерпретацию части международных норм по аналогии с конституционными, с приданием им соответ-

ствующей степени защиты. Однако сохраняется неопределенность, что означает понятие конституционализации и как использовать его в теории и институциональной практике. Правомерны вопросы о том, каков смысл призыва к конституционализации, что именно должно быть конституировано, как управлять этим процессом и действительно ли формируется новый правовой порядок, – с тем, чтобы «космополитично мыслящие» ученые могли чувствовать себя более уверенно, прописывая конституционализацию как средство выстраивания «нормативного каталога» [Brown, 2012].

Можно постулировать, что концепция конституционализации способствует пониманию горизонтального измерения правовой трансформации в отличие от традиционного вертикального измерения (отдельных государств) и позволяет идентифицировать конституционные тренды по формированию международных организационных структур, процедур и функций судебных институтов [Klabbers, Peters, Ulfstein, 2011]. В течение многих лет проблема конституционализации – как процесса, идущего за пределами национальных государств, – обсуждалась почти исключительно на материале ЕС и применительно к нему, но в настоящее время дискуссия выходит на глобальный уровень, выясняя, что в принципе может и должен включать конституционализированный мировой порядок. Однако на глобальном уровне мы находим скорее совокупность отдельных «конституционных фрагментов», интеграция которых выступает как перспектива.

Поэтому, за исключением отдельных предложений (признаваемых большинством мифами и утопиями), речь не идет о создании суперконституции поверх государств и международных союзов, но скорее о секторальной конституционализации различных международных организаций, ее продвижении в области частного (экономического) блока регулирования [D'Aspremont, Singh, 2017] и пересмотре структуры международных отношений с позиций конституционного права. В мировом сообществе, если рассматривать его в парадигме глобального конституционализма, конституционализация международного права признается реальным процессом, включающим различных акторов, важнейшими из которых становятся международные организации, институты и суды, выполняющие определенные функции производства права и судебных решений, но также транснациональные корпорации, международные НКО, группы интеллектуалов, способные к продвижению значимых проектов.

Представлены различные понимания конституционализации международного права. *Во-первых*, с позиций публичного международного права она определяется (Э. Де Вит) как попытка осуществить правовой контроль над политикой внутри самого международного права в целях компенсировать эрозию этого контроля внутри государственных конституционных порядков путем перенесения на интернациональный уровень концептов, которые традиционно были зарезервированы за внутренними конституциями [De Wet, 2012].

Во-вторых, с позиций классического конституционализма (М. Логлин) поставлен вопрос о трансформации смысла исторически сформировавшейся конституционной традиции в условиях ощущаемого упадка национального государства, а в перспективе, адаптации этого смысла к международно-правовому регулированию [Loughlin, 2010].

В-третьих, с позиций нормативизма или т.н. «компенсаторной теории» (А. Питерс) выстраивается концепция взаимодополнительности различных уровней глобального правового регулирования, а задача определяется как их координация для гармонизации интеграционных процессов [Peters, 2006].

В-четвертых, представлен социологический подход к проблеме (Г. Тойбнер), настаивающий на спонтанном развитии фрагментированных социетальных режимов, запускающим процесс селекции норм формирующегося глобального порядка [Teubner, 2012].

В-пятых, институциональный (или плюралистический) подход (Н. Волкер), фокусирующийся не столько на ценностях, принципах и нормах, сколько на реконструкции всей совокупности структур, институтов и акторов, участвующих в осуществлении власти за пределами государства [Walker, 2008].

В-шестых, функциональный подход (напр., К. Швобель), исходящий из того, что конституционализация может вести как к позитивным, так и негативным процессам (унификация, ограничение демократии и легитимности, уменьшение прав меньшинств), а ее результат определяется сознательными усилиями общества и элит [Schwöbel, 2011].

В-седьмых, конструктивистский подход в международных отношениях (Т. Кляйн-ляйн), согласно которому конституционализация есть, прежде всего, процесс изменения идентичностей и нормативного самоограничения (self-entrapment), в который вовлечены государства и другие международные акторы [Kleinlein, 2012].

Принятие одной из версий конституционализации определяет не только приверженность к известной теоретической схеме, но и появление вполне прагматической установки на продвижение определенной политики права.

3. Фрагментация международного конституционного права – вызов конституционализации или ее дополнение?

В современной литературе представлены различные интерпретации соотношения процессов конституционализации и фрагментации. Нам удалось выявить следующие пять позиций. *Во-первых*, имеет место стандартная их трактовка как противоположных и взаимоисключающих: рост фрагментации и обособления международно-правовых режимов ведет к автоматическому уменьшению конституционализации, и, напротив, ее ослабление свидетельствует о преобладании интеграционных тенденций над дезинтеграционными;

во-вторых, как пересекающихся процессов: конституционализация (если не считать ее движением к единой мировой «сверхконституции») сама представляет собой фрагментированный процесс (a fragmented process), идущий внутри международного права и все более затрагивающий внутреннее конституционное право, а ее результатом в настоящее время является система секторальных регулятивных режимов международных организаций и корпораций, т.к. в действительности «мы находим только конституционные фрагменты» (we find (only) constitutional fragments) [Peters, 2017];

в-третьих, соотношение этих понятий как взаимосвязанных: фрагментация выступает одновременно как вызов и способ конституционализации, их взаимодействие в различных областях международного права есть скорее вопрос практики («practical inquiry»), а сама конституционализация – не более чем перспективная установка или требование (constitutionalization «as a claim») [Jakubowski, Wierczyńska, 2016];

в-четвертых, выдвигается идея о том, что конституционализм (как концепция международного права) вообще не может служить инструментом преодоления фрагментации: вне государственных рычагов правового регулирования (отсутствующих в международном праве, в отличие от национального), фрагментация выступает скорее как средство управления нормативным конфликтом, нежели способ его преодоления [Delpano, 2013. P. 88];

в-пятых, существует и набирает силу политическое представление о самой конституционализации как негативном процессе, ведущем к унификации норм, интерпретаций и решений с позиций одной правовой культуры, а именно – империализму доминирующей западной культуры – формы «нео-колониального господства» [Chimni, 2008. P. 3], тяготеющей к нивелированию других правовых культур или различных меньшинств. С этих позиций фрагментация – естественный ответ на этот вызов и, скорее позитивный, чем негативный, тренд в международном праве, противостоящий угрозе «фальшивого универсализма», заложенной в теории глобального конституционализма и управления [Xavier, 2015].

Согласимся, что фрагментация международного права не есть простое отрицание правовой глобализации. Интерпретируемая как средство управления нормативным конфликтом, она включает ряд вариантов интерпретации – как понимания возможностей

регулировать напряжение между единством и разнообразием; как проблемы, проистекающей из процедурных составляющих – фрагментация как перемещение технической экспертизы из национального в интернациональный контекст; как взаимодействия между конфликтными правилами и институциональными практиками, которое кульминируется в эрозии общего международного права [Delpano, 2013. P. 88].

4. Институты транснационального регулирования и управления в обеспечении международных экономических процессов

Глобальный конституционализм предполагает пересмотр традиционной версии конституционализма национальных государств – по линии закрепления в международных документах фундаментальных конституционных прав, процесс, который был начат еще в первой половине XX в., например, принятием конвенции в Монтевидео (Montevideo Convention on the Rights and Duties of States 1933 (1934) 165 L.N.T.S. 19, Art. 1). В дальнейшем, особенно после Второй мировой войны, речь шла о систематизации их обеспечения в экономике, универсализации их интерпретации и судебной защиты [Rosenfeld, Sajo, 2012]. В мировой экономике интеграционные процессы зашли особенно далеко, заставив даже принять термин «экономический конституционализм». Речь идет о системе международных правовых гарантий и торговых договоров, институтов, теоретически обеспечивающих права и равенство для всех участников (ВТО), судебном рассмотрении споров (система международных арбитражных судов), создании структур глобального экономического регулирования и поддержки (в виде МВФ, МБРР, ЕЦБ, ГАТТ).

Данная система международных институтов, сформированная на основе так называемого Вашингтонского консенсуса, претендовала на универсальность для всего мира, но в настоящее время оказалась объектом острой критики. Эта критика связана, во-первых, с тем, что она оказалась неспособна предотвратить экономический кризис 2008 г. и его последствия (а по мнению некоторых, даже подготовила и спровоцировала его); во-вторых, с тем, что США, создавшие эти правила игры (Бреттон-Вудская система), фактически отказались следовать им, поставив под сомнение принцип свободы рынка, осуществляя неконтролируемую эмиссию денег и расширение госдолга, перейдя к политике протекционизма и начав торговые войны; в-третьих, с позицией «государств-ревизионистов» (Китай, Россия, страны БРИКС), поставивших под сомнение справедливость, беспристрастность, а следовательно и легитимность данного консенсуса, предложив альтернативные институты экономического и валютного регулирования. Эти процессы интеграции и дезинтеграции составляют основу системы транснационального экономического конституционализма, ставя проблему – насколько соотношение глобальных, транснациональных и национальных принципов правового регулирования может быть описано в привычных конституционных или квази-конституционных категориях?

Приоритетными выступают три характеристики процесса транснационального конституционализма. *Первое*, развитие транснациональных конституций или квази-конституционных соглашений как результата конституционализации международных режимов. Примерами обычно служат – Хартия ООН в совокупности с главными договорами по правам человека, секторальные соглашения, регулирующие механизм глобальной торговли (ВТО), региональные соглашения (как НАФТА). Наиболее важным шагом в этом направлении признавался конституционный договор для ЕС – проект Конституции Европы (2005 г.), разработанный Европейским конвентом и включавший конституционные принципы – фундаментальные социальные права, квази-федерализм, регулирование общего европейского рынка, разделение властей, судебный пересмотр законов, механизмы координации государств-членов по вопросам экономики и финансового регулирования и проч. Хотя этот документ не был принят, его основные положения включены в Лиссабонский

договор 2007 г., часто интерпретируемый именно как конституционный консенсус по вопросам европейской интеграции [Atilgan, 2018].

Второе, расширение транснационального юридического диалога. Данный диалог идет по трем направлениям – внутригосударственные парламенты и суды отсылаются к международным нормам, включая решения международных трибуналов; они делают ссылки на законы других национальных государств, включая решения иностранных национальных парламентов и судов; ссылки делаются международными трибуналами на другие международные режимы или решения иных международных трибуналов. Ключевая роль в этом диалоге отведена международным судам (суд ООН), судам по правам человека (ЕСПЧ или Межамериканский суд) и региональным судам (Европейский суд), а также национальным конституционным судам [Halmi, 2014]. В ЕС по этой линии юридического диалога вырабатываются стандарты решения наиболее спорных вопросов текущего периода – миграционного кризиса, внутренних границ, регулирования трудовой миграции, перспектив еврозоны, приоритетов финансовой политики ЕЦБ и национальных банков.

Третье, глобальное управление в рамках национальных конституций. Триумф либерального конституционализма в конце XX в. привел к закреплению общих принципов демократии и парламентаризма. В результате большее число государств по всему миру имеют сейчас сходные конституции и привержены общим стандартам конституционного языка. Конституции могут служить платформой, на которой национальные акторы, особенно парламенты и судьи, способны взаимодействовать друг с другом. Функционирование транснационального конституционализма включает ряд основных аспектов – управление глобальных рынков; отказ от абсолютного суверенитета и облегчение многосторонних межпарламентских диалогов.

Вариантом конструирования глобального конституционализма выступает идея создания новых центров его производства. Для существующей конструкции международного права, – по мнению критиков, – характерен «дефицит конституционализма», воплощенный в недостатке эффективности ООН: Совет Безопасности ООН не способен предотвратить войну в случае конфликта его постоянных членов. Данная модель возникла исторически – по результатам Второй мировой войны, продвигалась в американских проектах мировой конституции, – так называемого «Чикагского проекта» (1948 г.) [Chicago draft, 1948], но не учитывала позиции других регионов мира. При фактическом отсутствии единого мирового права или центра власти, его роль до последнего времени выполняет группа наиболее мощных акторов: правительства стран G7 (в последнее время G20), мультинациональные корпорации, ВТО, структуры финансового капитала, доминирующие массмедиа и фабрики мысли.

Взаимодействуя друг с другом, эти акторы, по мнению критиков, создают «гигантский властный комплекс или неформальную глобальную власть», в центре которого – военная власть США. Задача мирового сообщества состоит, однако, не в сохранении этой системы международного права, а в создании альтернативных «анти-гегемонистских» центров глобального конституционализма, способных преодолеть исторические, экономические и институциональные диспропорции с позиций глобального гражданского общества – его акторов и ассоциаций. В качестве одного из таких центров предложено региональное объединение Северо-Восточной Азии (Китай, Тайвань, Южная Корея, Монголия, Дальневосточная Россия и Япония), представители которых на совместном заседании в Токио в феврале 2005 г. приняли совместный документ – Northeast Asia Regional Action Agenda (Tokyo Agenda), выражающий данную конституционную повестку [Kimijima, 2011].

Ряд альтернативных инициатив представлен государствами Африки и Латинской Америки. Одна из них получила известность как «постлиберальный» подход, иллюстрируемый движением «Нового Латиноамериканского конституционализма» (“New Latin American Constitutionalism”), в частности конституциями Эквадора (2009) и Боливии (2007) [Carducci, 2013]. Большинство конституций, ассоциируемых с этим региональным трен-

дом, отразили новый подход к экологии и публичной собственности, разделяют некоторые постлиберальные подходы к конституционному дизайну, включающие новые парадигмы развития, вдохновленные аборигенами, плюралистическую организацию государства и инновативные коммунитарные модели демократического участия в процессе принятия решений [Carducci, Castillo, 2016]. Другая инициатива – проект Африканского Союза об учреждении Международного Конституционного Суда (the African Union's project to establish an International Constitutional Court), предполагающий создание универсального юридического механизма защиты прав. Проект, предложенный XX Саммитом Африканского Союза в 2013 г., основан на понимании демократии как «информированного участия», а не представительного делегирования [Frosini, Biagi, 2014. P. 142]. Создание Международного конституционного суда (International Constitutional Court – IConstC) признано необходимым для обеспечения самого «права на демократию» (the “right to democracy”): оно интерпретируется не с позиций классического понимания защиты прав человека (основанной на индивидуальных ожиданиях), но в рамках представления о демократии как универсально признанной формы правления, основополагающей для выживания человечества и, в качестве такового, заслуживающей глобальной международной защиты с использованием механизма «всеобщего доступа» (“plural access”) [Carducci, 2016]. Соединение экологических, социальных и общедемократических компонентов регулирования составляет основу ряда альтернативных инициатив в области глобального конституционализма.

За пределами Западной Европы проблематика глобального конституционализма представлена организацией – *Third World Approaches to International Law* (TWAAIL), которая подвергает критике западный правовой мейнстрим, говоря об «угрозе реколонизации» (threat of recolonisation), выступает за реформирование международного права и его институтов с позиций развивающихся стран (так называемого «Глобального Юга»), развивает специфические темы прозрачности и подотчетности международных институтов и транснациональных корпораций, включая использование языка прав для их защиты в экстра-территориальных правовых порядках и развитии устойчивости и равенства [Chimni, 2008]. Критическая теория права, на которую опирается этот тренд, убедительна в критике европоцентристской версии глобального конституционализма, но ее представители до сих пор не предложили четкой формулировки того, какие элементы «незападного права» могут стать опорой при конструировании нового глобального правового порядка. Парадокс в том, что выступая против глобализации, антиглобалисты вынуждены пользоваться ее достижениями (в виде сети центров, коммуникаций, терминологии и экспертных услуг).

Проект транснационального конституционализма получает противоположные оценки с точки зрения его содержания, структуры, стадий развития и результатов. В содержательном плане различие подходов к данному явлению определяется отождествлением данного тренда с традиционным пониманием международного (или конституционного) права, либо, напротив, отрицанием такого тождества (рассмотрение транснациональной правовой интеграции как принципиально нового вида права). В структурном плане отсутствует единство мнений о ключевом звене системы глобального регулирования и управления: должен им стать национальный, региональный или международный институт парламентского типа, и какие принципы, соответственно, должны определять природу демократической легитимности. В стадийном плане ключевое различие состоит в определении длительности существования самого феномена: одни определяют его как линейный процесс, идущий уже в течение столетия, по крайней мере, с того момента, когда было создано международное право; другие – видят в нем явление, порожденное новейшим этапом глобализации, в частности, созданием Европейского парламента, ПАСЕ, ЕСПЧ и других транснациональных институтов.

В плане достигнутых результатов оценки расходятся еще больше: сторонники многоуровневого конституционализма говорят о глобальном продвижении рыночной

экономики и демократии, противники – о ее сворачивании, констатируя рост неопределенности в ключевых областях правового регулирования – между нациями-государствами и отдельными объединениями; между публичной и частной сферами; между внешними и внутренними нормами, – общим результатом которой становится релятивизация правовых принципов классического парламентаризма и сознания конституционалистов, которые должны научиться думать в новых категориях транснационального права [Jiunn-Rong, Wen-Chen 2008].

5. Конфликт интерпретаций глобального конституционализма с позиций макро-регионов – глобальных Центра–Периферии, Запада–Востока, Севера–Юга

Тема диспропорций глобального регулирования и фрагментации международного порядка раскрывается в рамках различных традиционных типологий глобального конституционализма – по религиозному принципу, идеологическим параметрам, правовым семьям, уровню интегрированности в международное право и т.д. В условиях глобализации формируется разделение правовых режимов в рамках больших транснациональных регионов, приобретающих собственную идентичность и устойчивые социальные параметры. Для перспектив глобального конституционализма ключевое значение имеет противопоставление позиций макро-регионов – глобальных Центра-Периферии, Запада и Востока, а также Глобального Севера (западной цивилизации) и Глобального Юга (незападных стран).

Теория Центра-Периферии схематично противопоставляет урбанизированный, образованный и технологически развитый Запад – неразвитой аграрной периферии. В рамках этой схемы выделяется также понятие полупериферии, к которой относятся страны, стремящиеся преодолеть историческую отсталость с помощью быстрой модернизации, часто приобретающей поверхностный характер в силу ограничения ее задач исключительно заимствованием технологий. В результате конституционно-правовая диспропорция регионов сохраняется независимо от принятых общих стандартов, и действует дилемма, в свое время сформулированная Э. Де Сото в виде вопроса – почему капитализм и демократия существует только в Европе и Северной Америке и более нигде? Общий ответ на этот вопрос заключается в неспособности политических режимов периферийного ареала (или так называемых «развивающихся стран») создать работоспособную правовую систему и судебные институты, осуществляющие эффективный контроль над ее поддержанием. Но в этом объяснении, в сущности, представлен логический круг: отсталость нельзя преодолеть в отсутствие правовой системы, а последнюю не получается создать в силу отсталости. В рамках этого подхода глобальный конституционализм означает простую трансляцию передовых правовых образцов Центра в периферию и полупериферию, обреченных на постоянное догоняющее развитие, не будучи способными завершить его в обозримый период времени. Эта концепция рассматривается её критиками как форма апологии либерального мейнстрима, а её главный дефект усматривается в сведении дела к технологическому прорыву Европейского Центра при игнорировании других составляющих правового развития. В случае принятия за основу другого критерия сравнения (например, сохранение культурной традиции) Центр и Периферия легко меняются местами, также как и трактовка приоритетов конституционализма.

С позиций критической школы права, формальной логике теории глобального конституционализма противопоставлен ряд аргументов цивилизационного, культурно-антропологического, лингвистического, экономического и политического характера, заставляющих обсудить сами возможности и критерии интеграционных процессов. Первый из этих аргументов касается соотношения принципов универсализма и регионализма и выражен в вопросе – «является ли международное право европоцентричным или универсальным?».

Европейский подход подвергается критике и объявляется анахронизмом, и ответ дается в пользу универсализма. Следуя данной логике, речь должна идти не о пространстве расширения международного права в его традиционной европейской интерпретации, но о конституционализации международного права на основе различных правовых культур и механизмов их отношений. Критериями взаимодействия культур названы общие для них процессы – интеграции, фрагментации, заимствований, адаптации, трансляции и проч. Второй аргумент связан с поиском общих критериев оценки правовых явлений, которые принципиально не должны опираться на какую-либо одну из историческую моделей, сохраняя ценностно-нейтральный подход ко всем (что делает актуальным исследование юридической лексики). Современное право, следуя этой логике, не может рассматриваться как продукт только одной культуры (западной), но предполагает существование других – обычных правовых практик в различных странах мира, выполняющих важную роль в формировании международного права, его фундаментальных концепций. Третий аргумент состоит в реконструкции того, что является антитезой «европоцентризму» – совокупности ценностей, принципов и норм, объявляемых «незападным правом». Из этого следует вывод, что полноценная правовая глобализация невозможна как экономически навязанная адаптация доминирующей (западной) традиции, но лишь как синтез правовых традиций всех регионов, без этого она не станет легитимной.

В правовых трудах, написанных с позиций критической школы, Глобальному Западу противостоит Глобальный Восток. Под Глобальным Востоком понимается в основном ситуация в Азии – «азиатский подход к международному праву» или «азиатское видение» его конституционализации. Представлены, однако, противоположные позиции о том, существует ли единый азиатский подход к международному праву? Одни допускают такую постановку вопроса [*Jin-Hyun Paik et al.*, 2012]. Другие отрицают этот подход, поскольку азиатские правовые системы очень разнообразны [*Chimni*, 2008]. Но идея преодоления западного доминирования позиционируется как общая для представительной группы международных аналитиков, позиция которых была представлена на конференциях в Дохе. Основу тезиса о единстве азиатской версии правовой глобализации, считает новейший исследователь (Бхандари), составляет семь основных характеристик – распространение общих концепций; единая идентичность; коллективные интересы; единые нормы и факты; общий процесс и единые результаты. Азия как регион, – считают его представители, – может сыграть различную роль в международном праве и построении глобального конституционализма – роли пассивного «реципиента», «участника дискуссии», «активного партнера» и «дизайнера глобального конституционализма» [*Bhandari*, 2016]. Самостоятельная часть этой дискуссии – о месте религиозного фактора в формировании идентичности – может ли она быть общей, например, у представителей ислама, православия, буддизма и проч., и если может, то как определяет общность интересов (не считая, разумеется, конвенционального антизападничества)?

Не менее конфликтна предложенная дихотомия Запад–Юг. Под Глобальным Югом понимается вся та совокупность регионов, которые исторически, культурно и политически противостоят Глобальному Северу, т.е. фактически Глобальному Западу в самом широком понимании [*Maldonado*, 2013]. Констатируется, что в вопросах производства конституционного дизайна Глобальный Юг оказывается дискриминирован – выброшен из описаний международного или глобального правового порядка как релевантная география или актор. Причина этого, считают критики, доминирующее представление, закрепленное сверхпредставленными в дискуссии американскими и немецкими авторами о том, что добавление Глобального Юга ничего не дает концепции глобального конституционализма, а также исторические стереотипы, сложившиеся к середине XX в. В результате «мир глобального конституционализма оказывается чрезвычайно суженным», игнорируя «конституционализм отверженных» [*Kumar*, 2017].

Подход критической школы реконструирует конфликт исторических нарративов глобального конституционализма, – западного и незападного происхождения. В центре внимания оказываются проблемы «деколонизации международно-правовых областей знания и мышления», признания «исторической ответственности» Запада за колониальное прошлое, пересмотр западных стереотипов в отношении суверенитета, колониализма и рабства, а также исторически обусловленного неравенства между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Игнорирование этих положений западным мейнстримом, – считает В.Кумар (профессор Школы права Университета Лейчестера), – превращает глобальный конституционализм в разновидность моделей либерализма (*liberal constitutionalism, liberal internationalism and liberal humanitarianism*), что не исключает неоколониализма в создании современного глобального мирового порядка. Самостоятельной темой поэтому признается феномен «конституционализма колониальных поселений» (*settler-colonial constitutionalism*), оказавшего влияние на конституции многих стран – например, Канады, Австралии, Перу, Кении, Южной Африки, Замбии, США и Израиля, определив его специфику [Kumar, 2017].

В контексте интернациональной дискуссии о глобальном конституционализме обсуждаются пути сближения позиций между условно «западными» и «незападными» его трактовками. Сопоставление глобального конституционализма в его европейском понимании (воспринимаемом критиками как европоцентричное) с восточно-азиатскими подходами преследует ряд целей: уточнить, переформатировать или даже отвергнуть принятые когнитивные рамки и обосновать или развить его нормативную повестку [Suami et al., 2018]. Сформулирован ряд значимых вопросов: можно ли вообще избежать европоцентризма, придерживаясь аутентичной трактовки конституционализма; являются ли восточно-азиатские перспективы глобального конституционализма сходными с теми, которые есть в Европе? В какой мере конфуцианство привело к тому, что на Востоке гуманные принципы западного конституционализма оказались приняты. Возможно ли отказаться от тезиса об исключительно западной природе конституционализма с учетом позитивного опыта ряда азиатских стран, напр., конституционного судопроизводства Южной Кореи. В целом, – как считают сторонники диалога, – этот анализ позволяет поставить под вопрос тезис о преобладании авторитарно-бюрократического тренда в Азии [Suami et al., 2018].

6. Глобальный конституционализм и суверенитет: стратегии адаптации национальных государств

Стратегии региональных правовых культур предполагают выстраивание отношения к доминирующей версии глобального конституционализма – «западной» версии. Они включают ее полное принятие как собственной странами Запада (модель ЕС); полное отрицание во имя сохранения национальной правовой идентичности (Китай); ассимиляции (Япония); адаптации к национальным институтам (ЮАР); догоняющего развития (Латинская Америка) и различных гибридных вариантов (постсоветский регион).

Во-первых, полное отрицание доминирующей версии глобального конституционализма и предложение альтернативной (нелиберальной) перспективы. Китай – последовательный противник глобального конституционализма и управления, рассматривающий их как форму продолжения западного империализма в новой интеллектуальной оболочке. Китай, по мнению западных экспертов, выступает как последний бастион Вестфальской системы международного права – защитник суверенитета и авторитарного правительства. В противоположность западной либеральной модели прав человека выдвигается альтернативная их конструкция, основанная на азиатских ценностях – принципах конфуцианства, приоритете экономических и социальных прав перед политическими и гражданскими, меритократии перед демократией и образования перед демократическими выборами.

Подход Китая к международному праву часто оценивается западными исследователями как «исключительный» или «девиантный», поскольку идет в разрез с набором правил или моралью, которые приписываются зарождающемуся глобальному правовому порядку. Это порождает дилемму: с одной стороны, глобальный конституционализм предполагает совместную выработку общих правил и норм всеми акторами (представительство глобального демоса), независимо от их позиций, с другой – Китай не участвует в создании правил и норм, которые должны быть применены к нему, что ставит под вопрос легитимность всей конструкции глобального конституционализма. Конституционализм вообще рассматривается китайскими авторами как «Троянский конь», введенный Западом в Китай с целью затормозить его развитие [Carrai, 2016. P. 101].

Во-вторых, представлена стратегия ассимиляции национальных правовых институтов по отношению к глобальным. Позиция Японии выступает как промежуточная, поскольку ее конституционализм предстает комбинированным вариантом, основанным на гибриде западной (США) и национальной традиции. Пересмотр идентичности страны в результате заимствования американских конституционных идей создал, по мнению национальных авторов, уникальную возможность совмещения западных и японских ценностей и правовых традиций. Усилия японского народа по сохранению принципа пацифизма (ст. 9) и вхождение в мировую деятельность глобального гражданского общества осознается как японский вклад в глобальный конституционализм. Предполагается, что глобальное гражданское общество готово разделить ценность ст. 9 и действовать на основе ее потенциала [Kimijima, 2011].

В-третьих, представлена стратегия догоняющего конституционного развития, охватывающая разные регионы мира – Азии, Африки и Латинской Америки. Ключевыми незападными демократиями признаются Индия, ЮАР, Южная Корея, Япония и Бразилия. Перспективы сохранения либерального международного порядка связываются иногда с позицией группы стран, определяемых как «пять поднимающихся демократий» – Индии, Бразилии, ЮАР, Турции и Индонезии [Piccone, 2016]. Но во всех этих государствах аналитиками констатируются отступления от демократии в текущей перспективе – превращение Турции в «конституционную диктатуру» (по результатам референдума 16 апреля 2016 г. и укрепления авторитарного режима Эрдогана); кризис власти в Бразилии (импичмент президенту и приход к власти консервативно-авторитарного лидера Болсонару); изменение траектории развития Индии (под руководством популистского премьер-министра Н. Моди); коррупционные сбои системы в ЮАР (при президенте Зума), авторитарные тенденции в Индонезии [Daly, 2017].

Специфические трудности адаптации западной модели конституционализма присутствуют в Африке, где не удастся принять либеральную модель прав человека в чистом виде, в странах Латинской Америки, выступающих за принятие «постлиберальных ценностей», «трансформативного правосудия», а также различных попытках политизации конституционного правосудия. Выделяется особая позиция государств, реализующих различные альтернативные варианты недемократического развития – так называемых *Breaking states*, выступающих в защиту теократии, коммунизма, этно-конфессиональных стратегий или просто находящихся в стадии примитивной деспотии и имитационного конституционализма.

В перспективе этого разнообразия стратегий конституционной глобализации (или отказа от нее) в центре внимания оказывается проблема демократии – понимать ее в контексте западной трактовки правового государства или с учетом особенностей исторической идентичности и задач модернизации, осуществляемой авторитарной политической властью. С одной стороны, констатируется растущая тенденция к унификации правовых режимов – более двух третей государств современного мира встали на путь парламентаризма, закрепив его институты в своих конституциях. С другой стороны, нарастают разли-

чия в интерпретации смысла демократии и парламентаризма: прослеживается разделение конституций на два кластера – конституционно-центричные (либеральные) и государственно-центричные (этатистские) [Law, Versteeg, 2011, Pp. 1163–1164, 1173].

Растущий запрос на справедливость международного права диктует учет влияния цивилизационных факторов на мировой порядок, обеспечения экономической устойчивости и глобальной легитимности (международная, транснациональная и трансцивилизационная легитимность – не одно и то же), поиск интернациональных (и транснациональных) механизмов преодоления эгоизма «наиболее сильных государств» [Onuma, 2006, P. 30]. В рамках критической теории международного права подчеркнуты позиции стран Третьего мира в переосмыслении международного права с позиций критики западничества, антиколониализма и отстаивания национального самоопределения постколониальных государств [Aydin, 2007; Manela, 2007; Westad, 2007]. Создание современных международных институтов интерпретируется как результат преодоления имперского мышления, которое, однако, полностью не утратило позиции [Mazover, 2009; Pederson, 2015]. Показана взаимосвязь теории справедливости и конструирования права [Rawls, 2008] с особым упором на политический конституционализм [Bellamy, 2007].

7. Политика права как согласованный поиск оптимальной модели транснационального регулирования и управления

Нестабильность соотношения интеграционных и дезинтеграционных трендов мировой экономики и политики объясняет неоднозначность перспектив правового регулирования – баланса позитивных и негативных сторон глобального (транснационального) конституционализма.

Позитивными сторонами признаются: появление транснациональных конституций (типа проекта ЕС) обеспечивает более прямой допуск граждан к праву – снизу вверх, и позволяет индивиду обойти традиционную государственную бюрократию; международные договоры создают основу устойчивости мировой экономики и глобального управления; создание новых мульти-конституционных и квази-конституционных рамок бросает вызов традиционному балансу власти между государствами и делает доминирование одного государства все более трудным; этот сдвиг оказывает влияние на транснациональные правительственные и неправительственные институты, стимулируя интенсификацию диалога между транснациональными и национальными парламентами и судами, в целом стимулируя продвижение демократии на разных уровнях глобального управления – международном, региональном, национальном и местном.

Негативными сторонами признаны: унификация стандартов правового развития, не отражающих его региональные и исторические особенности; диспропорции экономического регулирования, связанные с преобладанием Запада над другими регионами; усложнение системы правового регулирования, затрудняющее реализацию прав; ослабление демократического участия граждан с передачей части государственного суверенитета на наднациональный уровень; передача полномочий от национальных парламентам международным бюрократическим институтам; трансфер власти от демократически избранных парламентам к неизбираемым судам, прежде всего – международным, демонстрирующим феномен «правления судей», когда «диалог судов» подменяет реальный общественный и парламентский диалог, ведя к политизации юриспруденции; рост «плюрализации стандартов» конституционного правосудия при мнимом их единстве, эрозия принципа субсидиарности, а в конечном счете – дефицит демократической легитимности как результат объединения наиболее могущественных транснациональных акторов против правового государства.

В результате глобальных кризисов (как позволяет увидеть особенно вирусная пандемия и начавшаяся экономическая рецессия) баланс преимуществ и недостатков

транснационального регулирования не устраняется, но легко смещается в сторону преобладания негативных параметров: регулирующая роль транснациональных коммуникаций (особенно электронных) сохраняется и даже усиливается, но роль международных институтов демонстрирует слабую эффективность; продвижение демократии, экономической кооперации и общей безопасности на глобальном уровне замедляется; межгосударственный диалог приостанавливается; глобальное управление уступает место внутригосударственному регулированию, в результате чего происходит ослабление демократических и усиление мобилизационных институтов и традиционных бюрократических структур. Интеграционные процессы в глобальном конституционализме временно уступают дезинтеграционным – фрагментации региональных и национальных правовых режимов.

Констатация этого тренда ведет к появлению диаметрально-противоположных прогнозов – о крушении глобализации (во всяком случае, как продукта конституционализации международного права) или ее триумфе – в виде усиления неформальных структур глобального регулирования за счет формальных (различные теории скрытого «мирового правительства» или «мирового заговора», предполагающего невиданный уровень «организации»). Но в реальности обе гипотезы представляют собой неоправданное упрощение ситуации, поскольку фрагментация международных отношений, как показано выше, не является, в сущности, отказом от глобализации, но скорее предстает корректировкой ее негативных черт и установкой на ее продвижение в других формах. Дойдя до максимума взаимного отчуждения и конфронтации, акторы мирового политического процесса будут вынуждены искать компромисс интересов во имя собственного выживания. Исходя из этого, маятник вполне может склониться в пользу глобального конституционализма как формулы компромисса, устраивающего наиболее значимые властные элиты.

Трудности глобального конституционализма порождены вовсе не современным кризисом: они связаны с возникновением ситуации «дефицита легитимности» транснациональных институтов. Для преодоления этих трудностей принципиален ряд факторов. *Во-первых*, демократическая легитимность международного порядка диктует необходимость определения ее внутренней моральности – соотношения принципов с правовым статусом национальных государств (парламентов) и внегосударственных акторов [Koskenniemi, 2005]. *Во-вторых*, международное производство законов (с целью закрепления статуса наднациональных акторов данного процесса) предполагает обеспечение общих интересов, если и не в нормативной форме, то, как минимум, исходя из перспективности данной цели в будущем. *В-третьих*, требуется обеспечение такого уровня международной кооперации, при котором возникает новая иерархия правового порядка – делегирования внегосударственным институтам власти принятия решений за пределами контроля каждого индивидуального государства-члена [Klabbers, Peters, Ulfstein, 2009]. Если текущий кризис, в отличие от предшествующего (2008 г.), станет стимулом к решению этих задач, мы получим новый уровень интеграционных процессов и глобального управления.

Поиск новой модели транснационального регулирования и управления возможен в рамках направленной политики права. Она могла бы опираться на консолидированную позицию акторов международных отношений, если не по содержательным, то, как минимум, по формальным правилам игры, институтам и процедурам принятия решений. В этом контексте востребовано преодоление неурегулированных зон глобального управления, возникающих прежде всего на пересечении транснациональных и национальных правовых трендов (“crosscutting issues”) – космополитического конституционализма, плюрализма, прав человека, трудовых миграций, подвижных границ и объема соответствующих полномочий международных институтов [Dunoff, Trachtman, 2009]; целесообразно создание интернационального механизма управления конфликтом интересов и его разрешением в разных сферах (публичной, корпоративной и финансовой) и на всех уровнях управления – от локального до глобального [Peters, Handschin, 2012]; разрешение противоречий глобального правового

регулирования и управления, возникающих в ходе его формирования (появление блокирующих норм и т.н. «вето-игроков») [Hawkins, Holden, 2016]. В конечном счете – это решение вопроса о сохранении демократии и правового государства на международном уровне или их утраты в перспективе появления глобального Левиафана [Coradetti, Sartor, 2016. Pp. 1–2]. Создание международных центров координации политики права есть практическое решение проблемы рационального выбора в ситуации глобализации.

Заключение

Интеграционные и дезинтеграционные процессы создают в мире ситуацию неустойчивого равновесия. С одной стороны, интеграционная роль международного права возрастает по ключевым направлениям: конституционализация международного порядка; создание секторальных международных актов конституционного уровня и институтов, регулирующих различные сферы транснациональной экономической деятельности; конституционализация международных отношений – движение от дипломатии к праву; гармонизация внутренних (государственных) норм и практик с учетом интернациональных тенденций; глобальное управление. С другой стороны, усиливающиеся процессы фрагментации международного права отражают неудовлетворенность или разочарование части мирового сообщества результатами глобализации. Тенденции к фрагментации оказались четко выражены в период пандемии и экономической рецессии, поставившей вопрос об адекватности международных структур своему назначению.

В качестве противовеса доминирующей трактовке глобального конституционализма выдвинуты альтернативные (в том числе антиглобалистские) подходы, выстраивающие иную программу интеграционных процессов, повестку транснациональных институтов и региональные подходы – Глобального Востока, Юга или отдельных континентов – Азии, Африки, Латинской Америки, различные концепции периферийных, гибридных или имитационных форм, движения от права к дипломатии. Но до настоящего времени они не предложили содержательных решений проблемы глобальной правовой интеграции, побуждая отдельные регионы или государства искать собственные стратегии адаптации к формирующемуся глобальному порядку. Общий дизайн и язык концепций глобального конституционализма и попыток их воплощения в международном праве остается преимущественно «западническим», что вполне естественно, ибо они возникли на Западе. Поэтому критики должны четко определить причины отторжения глобального конституционализма – отрицается он потому, что имеет западное происхождение или потому, что является конституционализмом (т.е. гарантирует права личности).

Итак, преждевременными и не обоснованными выглядят утверждения о конце глобализации вообще и глобального конституционализма в частности. Нет спора, что интеграционные процессы в правовом развитии дошли, по-видимому, до определенного уровня, когда они должны скорректировать свои формы, содержательное наполнение и инструменты продвижения. В этом отношении кризис пандемии, обусловивший экономическую рецессию, сыграл определенную информативную роль, выявив те слабости и недостатки глобального управления (проявившиеся, прежде всего, в недостаточном уровне доверия, информированности и глобальной координации), которые могут быть устранены совместными усилиями международных институтов, государств и гражданского общества.

Фрагментация международных режимов – секторальная, региональная или функциональная – есть поэтому не столько альтернатива конституционализации (как это многими сейчас преподносится), сколько инструмент ее корректировки в значимых областях. Фрагментация усиливается именно в тех областях, где констатируется вакуум доверия, легитимности, или низкий уровень институционального регулирования. Преобладание процессов фрагментации над интеграцией – вызов, но не приговор глобализации. Напротив, при-

глашение всем участникам глобальной игры повторно обсудить ее правила и создать их там, где они отсутствуют, озаботиться проблемой обеспечения легитимности международных институтов, предоставить место всем тем участникам диалога, которые длительное время не получали в нем слова по историческим, культурным или геополитическим причинам. Самое время поставить вопрос – какое глобальное право нужно человечеству?

В идеале все согласны, что демократическая легитимность, составляющая основу конституционализма в национальных государствах, должна присутствовать и на интернациональном уровне, но нет единства в том, каковы должны быть формы ее обеспечения. С позиций рационального выбора важно найти ответы на следующие вопросы: насколько интеграция предпочтительнее фрагментации; в каких формах следует допустить ее осуществление с учетом преимуществ и издержек для сторон диалога; чем участники диалога готовы пожертвовать ради ее продвижения. В содержательном плане традиционная система либеральных экономических ценностей сохраняет основополагающее значение, или приоритет должен быть отдан «постлиберальным» ценностям экологии, солидаризма, равенства и коллективных прав, в том числе с учетом культурных, исторических и экономических особенностей регионов мира. С позиций политических предпочтений – должен ли глобальный конституционализм инкорпорировать традиционные механизмы и стандарты демократического производства норм или создавать новые; могут ли формы представительной демократии на глобальном уровне быть спроецированы по аналогии с национальными формами, несмотря на структурные различия между ними. Допустима ли международная интеграция только на базе демократических ценностей или она возможна и на недемократической основе? Наконец, как могли бы выглядеть независимые международные институты и центры выработки рекомендаций по этим вопросам?

Глобальный (транснациональный) конституционализм поэтому не столько решение, сколько область эксперимента по поиску оптимального баланса глобальных, транснациональных, международных и национальных законотворческих институтов, а его результаты отнюдь не предопределены. Текущий кризис наглядно показал наступление новой фазы соревнования мировых элит по вопросам будущего устройства глобального управления, демонстрируя важность согласованной политики права. От решения этих вопросов будет зависеть устойчивость и надежность конституционных гарантий глобального развития в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Atilgan A.* (2018). *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective.* Heidelberg: Springer.
- Aydin C.* (2007). *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought.* New-York: Columbia University Press.
- Bellamy R.* (2007). *Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Bhandari S.* (2016). *Global Constitutionalism and the Path of International Law.* Leiden: Brill-Nijhoff.
- Brown G.W.* (2012). *The Constitutionalisation of What? // Global Constitutionalism. Vol. 1. No. 2. Pp. 201–228.*
- Carducci M., Castillo A.* (2016). Nature as “Grundnorm” of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South// *Rivista Brasileira de Direito.* Vol. 12. No. 2.
- Carducci M.* (2016). Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison// *A. Febrajo, G. Corsi (Eds.) // Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective.* London: Routledge, Pp. 137–165.
- Carducci M.* (2013). *La Costituzione come “ecosistema” nel nuovo costituzionalismo delle Ande / S. Bagni (Ed.) // Dallo Stato del Bienestar allo Stato del Buen Vivir.* Bologna: Filodiritto.
- Carrai M.A.* (2016). *Global Constitutionalism and the Challenge of China’s Exeptionalism / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Global Constitutionalism without Global Democracy? Working Paper LAW 2016/21.* Badia Fiesolana: European University Institute. Pp. 95–113.
- Chicago draft (1948). *Committee to Frame a World Constitution Preliminary Draft of a World Constitution.* Chicago: The University of Chicago Press.

- Chimni B.S.* (2008). Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Thesis and Reflections // 14 Asian Yearbook of International Law. Vol. 249.
- Chimni B.S.* (2008). Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. No. 3. Pp. 3–27.
- Global Constitutionalism without Global Democracy? (2016). / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute.
- D'Aspremont J., Singh S. (Eds.). (2017). // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Daly T.G.* (2017). Democratic Decay in 'Keystone' Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? // International Journal of Constitutional Law. Accessed: <http://www.i-connectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/>
- Dunoff J.L., Trachtman J.P. (Eds.) (2009). Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Delpano R.* (2013). Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies. Vol. 6, No. 1. Pp. 67–89.
- De Wet E.* (2012). The Constitutionalization of Public International Law / M. Rosenfeld, A. Sajó (eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford. Oxford University Press.
- Frosini J., Biagi F.* (2014). Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors. London: Routledge.
- Jakubowski A., Wierczyńska K. (Eds.). (2016) Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry. London: Routledge.
- Jin-Hyun Paik, Seok-Woo Lee, Kevin Y.L. Tan (Eds.) (2012). Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism. London: Routledge.
- Jiunn-Rong Y., Wen-Chen Ch.* (2008). The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions// Penn State International Law Review. Vol. 27. No. 1. Pp. 89–124.
- Halmi G.* (2014). Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. The Hague: Eleven International Publishing.
- Hawkins B., Holden Ch.* (2016). A Corporate Veto on Health Policy? Global Constitutionalism and Investor-State Dispute Settlement // Journal of Health Politics, Policy and Law. Vol. 41. No. 5.
- Kimijima A.* (2011). Global Constitutionalism and Japan's Constitutional Pacifism. www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/ir/college/bulletin/Vol.23-3/03_Kimijima.pdf.
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* (2009). The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press.
- Kleinlein Th.* (2012). Constitutionalization in International Law // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band. 231. Pp. 703–715.
- Koskenniemi M.* (2005). International Law in Europe: Between Tradition and Renewal // European Journal of International Law. No. 16. Pp. 13–124.
- Kumar V.* (2017). Towards a Constitutionalism of the Wretched. // Völkerrechtsblog, 27 July 2017. voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched.
- Lang A.F., Wiener A. (Eds.) (2017). Handbook on Global Constitutionalism. Cambridge: Edward Elgar Publishing.
- Law D.S., Versteeg M.* (2011). The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. Vol. 99. No. 5. Pp. 1163–1258.
- Louglin M.* (2010). What is Constitutionalisation? // P. Dobner, M. Louglin (Eds.). The Twilight of Constitutionalism? Oxford: Oxford University Press. Pp. 47–69.
- Maldonado D.B. (Ed.) (2013). Constitutionalism of the Global South. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manela E.* (2007). The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford: Oxford University Press.
- Mazover M.* (2009). No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Onuma Y.* (2006). A Transcivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts// International Community Law Review. Vol. 8. Pp. 29–63.
- Pederson S.* (2015). The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press.
- Peters A.* (2006). Compensatory Constitutionalism: The Function and Potential of Fundamental International Norms and Structures // Leiden Journal of International Law. Vol. 19. Pp. 579–610.
- Peters A., Handschin L. (Eds.) (2012). Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A.* (2017). Constitutionalisation / J. D'Aspremont, S. Singh (Eds.) // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.
- Piccone T.* (2016). Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order. New-York: Brookings Institution Press.

- Rawls J. (2008). *Lectures on the History of Political Philosophy*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Rosenfeld M., Sajo A. (eds.) (2012). *The Oxford Handbook of Comparative constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Schwöbel Ch. (2011). *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff publications.
- Suami T., Kumm M., Peters A., and Vanoverbeke D. (Eds.) (2018). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Teubner G. (2012). *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker N. (2008). *Post-Constituent Constitutionalism? The Case of the European Union* // M. Loughlin, N. Walker (Eds.) *The Paradox of Constitutionalism: Power and Constitutional Form*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Westad O.A. (2007). *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Oxford University Press.
- Xavier S. (2015). *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*. PhD Dissertations. 20. digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

Dr. Sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow.

amedushevsky@mail.ru

GLOBAL CONSTITUTIONALISM: INTEGRATION OR FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE PERIOD OF ECONOMIC RECESSION?

Abstract. In the period of pandemic crisis followed by economic recession, the liberal idea of the global constitutional order and governance appeared to be under sharp criticism from many different angles. It was said that this theoretical construction as a pure formal reflection of the late liberal triumphalism has nothing in common with the current international constellation based on the decomposition of international law, growing economic and military competition, progressive separation of the global regions, fragmented international regimes, and the prevalence of the egoistic motives of the great powers. The author of this article put all these arguments under strict analysis, criticism, and reconsideration arguing such items as global legal development, constitutional reconfiguration of international order, global regionalism, and the role of global governance institutes in the legal regulation of economic order. He shows how the unstable balance between integration and fragmentation of the international legal system in the period of crisis could be used for the promotion of quite different versions of globalization, stimulating the growing competition of the world elites over future global governance design, and demonstrating the importance of a new coherent global policy of law.

Keywords: *global constitutionalism, constitutionalization and fragmentation in international affairs, transnational law, global governance, regionalization, sovereignty, authoritarianism, national legal traditions, real and false universalism, legitimacy, economic recession, policy of law.*

JEL: F02, F50.

REFERENCES

- Atilgan A. (2018). *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective*. Heidelberg: Springer.
- Aydin C. (2007). *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought*. New-York: Columbia University Press.
- Bellamy R. (2007). *Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bhandari S. (2016). *Global Constitutionalism and the Path of International Law*. Leiden: Brill-Nijhoff.
- Brown G. W. (2012). *The Constitutionalisation of What?* // *Global Constitutionalism*. Vol. 1. No. 2. Pp. 201–228.
- Carducci M., Castillo A. (2016). *Nature as “Grundnorm” of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South* // *Rivista Brasileira de Direito*. Vol. 12. No. 2.
- Carducci M. (2016). *Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison* // A. Febrajo, G. Corsi (Eds.) // *Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective*. London: Routledge, Pp. 137–165.

- Carducci M.* (2013). La Costituzione come “ecosistema” nel nuovo costituzionalismo delle Ande / S. Bagni (Ed.) // Dallo Stato del Bienestar allo Stato del Buen Vivir. Bologna: Filodiritto.
- Carrai M.A.* (2016). Global Constitutionalism and the Challenge of China’s Exeptionalism / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Global Constitutionalism without Global Democracy? Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute. Pp. 95–113.
- Chicago draft (1948). Committee to Frame a World Constitution Preliminary Draft of a World Constitution. Chicago: The University of Chicago Press.
- Chimni B.S.* (2008). Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Thesis and Reflections // 14 Asian Yearbook of International Law. Vol. 249.
- Chimni B.S.* (2008). Third World Approaches to International Law: A Manifesto// International Community Law Review, No. 3. Pp. 3–27.
- Global Constitutionalism without Global Democracy? (2016). / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute.
- D’Aspremont J., Singh S. (Eds.). (2017). // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Daly T.G.* (2017). Democratic Decay in ‘Keystone’ Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? // International Journal of Constitutional Law. www.icconnectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column.
- Dunoff J. L., Trachtman J. P. (Eds.) (2009). Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Delpano R.* (2013). Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies. Vol. 6, No. 1. Pp. 67–89.
- De Wet E.* (2012). The Constitutionalization of Public International Law / M. Rosenfeld, A. Sajó (eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford. Oxford University Press.
- Frosini J., Biagi F.* (2014). Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors. London: Routledge.
- Jakubowski, A., Wierczyńska K. (Eds.). (2016) Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry. London: Routledge.
- Jin-Hyun Paik, Seok-Woo Lee, Kevin Y.L. Tan (Eds.) (2012). Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism. London: Routledge.
- Jiunn-Rong Y., Wen-Chen Ch.* (2008). The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions// Penn State International Law Review. Vol. 27. No. 1. Pp. 89–124.
- Halmaj G.* (2014). Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. The Hague: Eleven International Publishing.
- Hawkins B., Holden Ch.* (2016). A Corporate Veto on Health Policy? Global Constitutionalism and Investor-State Dispute Settlement // Journal of Health Politics, Policy and Law. Vol. 41. No. 5.
- Kimijima A.* (2011). Global Constitutionalism and Japan’s Constitutional Pacifism. www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/ir/college/bulletin/Vol.23-3/03_Kimijima.pdf.
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* (2009). The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press.
- Kleinlein Th.* (2012). Constitutionalization in International Law // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band. 231. Pp. 703–715.
- Koskenniemi M.* (2005). International Law in Europe: Between Tradition and Renewal // European Journal of International Law. No. 16. Pp. 13–124.
- Kumar V.* (2017). Towards a Constitutionalism of the Wretched. // Völkerrechtsblog, 27 July 2017. voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched.
- Lang A.F., Wiener A. (Eds.) (2017). Handbook on Global Constitutionalism. Cambridge: Edward Elgar Publishing.
- Law D.S., Versteeg M.* (2011). The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. Vol. 99. No. 5. Pp. 1163–1258.
- Louglin M.* (2010). What is Constitutionalisation?// P. Dobner, M. Louglin (Eds.). The Twilight of Constitutionalism? Oxford: Oxford University Press. Pp. 47–69.
- Maldonado D.B. (Ed.) (2013). Constitutionalism of the Global South. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manela E.* (2007). The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford: Oxford University Press.
- Mazover M.* (2009). No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Onuma Y.* (2006). A Transzivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts // International Community Law Review. Vol. 8, Pp. 29–63.
- Pederson S.* (2015). The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press.

- Peters A.* (2006). *Compensatory Constitutionalism: The Function and Potential of Fundamental International Norms and Structures*// *Leiden Journal of International Law*. Vol. 19. Pp. 579–610.
- Peters A., Handschin L.* (Eds.) (2012). *Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A.* (2017). *Constitutionalisation*/ *J. D'Aspremont, S. Singh* (Eds.) // *Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought*. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.
- Piccone T.* (2016). *Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order*. New-York: Brookings Institution Press.
- Rawls J.* (2008). *Lectures on the History of Political Philosophy*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Rosenfeld M., Sajo A.* (eds.) (2012). *The Oxford Handbook of Comparative constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Schwöbel Ch.* (2011). *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff publications.
- Suami T., Kumm M., Peters A., and Vanoverbeke D.* (Eds.) (2018). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Teubner G.* (2012). *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker N.* (2008). *Post-Constituent Constitutionalism? The Case of the European Union*// *M. Loughlin, N. Walker* (Eds.) *The Paradox of Constitutionalism: Power and Constitutional Form*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Westad O.A.* (2007). *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Oxford University Press.
- Xavier S.* (2015). *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*. PhD Dissertations. 20 digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20.

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

М.Н. КАТКОВ О ПРОБЛЕМАХ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ФРИТРЕДЕРСТВО ИЛИ ПРОТЕКЦИОНИЗМ? (1860–1880-е гг.)

Аннотация. В статье анализируются взгляды по проблемам таможенной политики крупнейшего идеолога российского консерватизма, знаменитого публициста М.Н. Каткова (1818–1887) – редактора-издателя журнала «Русский вестник» (1856–1887 гг.) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887 гг.). В первые пореформенные десятилетия он придерживался фритредерской доктрины и эволюционировал к протекционизму только к концу 1870-х гг. под влиянием мирового экономического кризиса, который привел к падению прежней популярности идей свободной торговли. В царствование Александра III, пользуясь своим возросшим влиянием в верхах, Катков выступал за коренной пересмотр устаревшего тарифа 1868 г. с целью максимального ограничения импорта. Он проповедовал свои взгляды под патриотическими лозунгами в духе теории «народного самодержавия», выступал за усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и создание «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами. Публицист рассматривал протекционистскую политику как мощный фактор подъема производительных сил, как своеобразную форму планирования. Катков считал запретительный тариф универсальным орудием, с помощью которого можно было решить целый ряд задач: защитить промышленность от иностранной конкуренции, повысить государственные доходы, активизировать торговый и расчетный балансы и даже более равномерно распределять налоговое бремя между «высшими» и «низшими» слоями населения. Его требования шли в общем русле усиления этатистских тенденций в экономической политике правительства. Агитация Каткова сыграла определенную роль в подготовке и утверждении протекционистского тарифа 1891 г.

Ключевые слова: *таможенная политика, фритредерство, протекционизм, экспорт, импорт, тариф, пошлины, торговый баланс.*

JEL: B15, B31, N43.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10306

Михаил Никифорович Катков (1818–1887) был крупнейшим идеологом консерватизма своего времени, редактором-издателем журнала «Русский вестник» (1856–1887 гг.) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887 гг.). Знаменитый публицист оставил глубокий след в истории общественной мысли – несколько десятилетий его голос раздавался на всю Россию. К его мнению прислушивались и в великосветских салонах, и в кругах высшей бюрократии, и при императорском дворе. Особое влияние московский «оракул» приобрел в царствование Александра III. Редакцию его газеты на Страстном бульваре называли «департаментом» Каткова: здесь обсуждались государственные дела, разрабатывались проекты будущих «контрреформ», планировались важнейшие должностные назначения. «Катков как публицист достиг максимума возможного при абсолютизме воздействия публицистики на государственную власть», – утверждал П.Б. Струве [*Струве,*

2007. С. 230, 231]. В передовицах «Московских ведомостей» редактор излагал свои соображения по самым различным направлениям внутренней и внешней политики. Большое внимание он уделял вопросам развития народного хозяйства и среди консервативных мыслителей больше всех писал по этой тематике [Твардовская, 1978. С. 74]. Катков считал тяжелую промышленность «основой государственной жизни» и особое значение придавал таможенному законодательству, которое рассматривал как один из наиболее эффективных инструментов индустриализации [МВ, 1867. № 279]. «Тариф есть для экономической жизни условие первостепенной важности, – считал он. – От него зависят процветание и упадок, жизнь и смерть разных отраслей экономической деятельности» [МВ, 1880. № 46]. Катков много лет занимался проблемами таможенной защиты, однако это направление его публицистики в научной литературе освещалась лишь очень кратко и фрагментарно [Соболев, 2012. С. 367–375; Струве, 2007. С. 230–234; Твардовская, 1978. С. 81–87; Санькова, 2014. С. 96, 97]. Между тем он оказал известное влияние на выработку правительственного курса в этой области экономической политики.

За Катковым закрепилась репутация поборника протекционизма, однако его взгляды на характер оптимального для условий России таможенного обложения претерпели значительную эволюцию. В конце 1850-х – 1860-е гг. он еще восхищался либеральным тарифом Великобритании, выступал за свободу торговли и позитивно оценивал отход правительства от прежней запретительной системы к умеренно-охранительной в рамках законов 1850 и 1857 гг. В «Русском вестнике» публиковались известные фритредеры – экономисты Н.Х. Бунге, Ю.А. Гагемейстер, И.В. Вернадский, предприниматель В.А. Кокорев и др. [Китаев, 1972. С. 59, 60]. Катков принял активное участие в дискуссиях, которые развернулись в период разработки и обсуждения нового тарифа, утвержденного 5 июля 1868 г. Фритредеры пропагандировали свои воззрения в крупнейших периодических изданиях – «Голосе», «Современнике», «Отечественных записках», «Экономическом указателе», «Русском вестнике», «Московских ведомостях». Они доказывали, что понижение пошлин способствует удешевлению импорта и росту сбыта на внутреннем рынке, стимулируя тем самым развитие отечественного производства, поэтому следует продолжать курс на дальнейшее смягчение таможенной защиты. Им противостояли протекционисты, в основном из числа предпринимателей, возражавшие своим оппонентам на страницах «Вестника промышленности», «Торгового сборника», «Вестей», «Санкт-Петербургских ведомостей». По их мнению, значительно отстающая от Запада российская промышленность должна быть ограждена от иностранной конкуренции надежной таможенной чертой до тех пор, пока она не достигнет более высокого уровня.

Обе стороны, выдвигая свои аргументы, заявляли, что отстаивают национальные интересы. Правда, противоречия между этими группировками не носили сколько-нибудь радикального характера. При всей верности своим идеалам в теории, фритредеры должны были считаться с реалиями России: очевидной неконкурентоспособностью по сравнению с передовыми западными странами, низким уровнем доходов основной массы населения, узостью внутреннего рынка, слабостью торговых оборотов, неудовлетворительными путями сообщения. Им приходилось мириться с перспективой длительного существования охранительной системы, либерализация которой могла проводиться очень постепенно. Фактически в европейском понимании российские фритредеры представляли собой умеренных протекционистов. Они были далеки от постулата английской классической школы о невмешательстве государства в экономическую жизнь, напротив, по их мнению, именно правительственной власти надлежало путем гибкой таможенной политики создавать «живительную» конкуренцию между производителями [Лодыженский, 1886. С. 257, 258; Соболев, 2012. Ч. 1. С. 353–395].

Применительно к России Катков также не был сторонником свободы торговли в британском духе и выступал за постепенность и осторожность при переходе к охранительному

тарифу, который, как он считал, вполне соотносится с рекомендациями современной экономической науки и не препятствует как защите отечественной промышленности, так и привлечению в страну нужных товаров. Публицист призывал к цели «идти тихо, избегая потрясений», чтобы не повредить внутреннему производству. В своей критике протекционизма Катков утверждал, что промышленность нуждается не в ограждении ее тарифом, искусственно поднимающим цены на отечественные товары и устраняющим их от конкуренции, а в развитии собственной индустрии. Он настаивал на сдерживании эгоистических требований предпринимательских кругов, для которых «вздорожание иностранных товаров и препятствие на пути их в Россию есть главный интерес, хотя бы от этого и страдали все встречающиеся на этом пути русские интересы». Чем мощнее покровительственная система, полагал Катков, тем сильнее она противоречит «общим государственным пользам», тем более дорожает жизнь и слабеет промышленная деятельность. Особый вред доставляют высокие пошлины на импорт металлов, металлических изделий и машин, которые пагубно влияют на развитие фабрично-заводского производства, транспорта и сельского хозяйства. Публицист напоминал, что именно «меньшая братия» (крестьяне, мещане и другие потребители) в наибольшей степени страдает от дороговизны иностранных товаров. Далекий от каких-либо демократических устремлений, он тем не менее требовал «демократизации» таможенной защиты, указывая, что «тариф – это та область, где демократизация не только не сопряжена с каким-либо риском, но обеспечивает от опасностей, могущих сопровождать соответственное направление в области политической». По его словам, понижение пошлин удешевляет стоимость жизни, повышает возможности налогоплательщиков и тем самым усиливает источники доходов казны, расширяя финансовые возможности государства [МВ, 1865. № 139; 1867. № 9, 248, 279; 1868. № 31, 34, 65].

Тариф 1868 г. носил общий охранительный характер: большинство статей были понижены, некоторые остались без изменения, а значительная часть даже повышена. Таможенные льготы коснулись главным образом сырья и изделий, необходимых для развития отечественной промышленности [Соболев, 2012. Ч. 1. С. 226–324]. Катков в целом положительно отнесся к этому закону, однако назвал его «робкой полумерой» и посетовал, что понижение пошлин состоялось далеко не по всем статьям и «в таких скромных размерах», которые не могут вызвать значительный рост потребления товаров [МВ, 1869. № 225; 1870. № 53; 1871. № 62; 1872. № 74]. После утверждения тарифа дискуссия между фритредерами и протекционистами временно затихла, но по ряду причин вновь возобновилась в середине 1870-х гг. Смягчение таможенного обложения привело к ухудшению торгового баланса России, который с 1872 г. стал сводиться с пассивным сальдо. Биржевой крах 1873 г. и начавшийся мировой экономический кризис привели к падению на Западе прежней популярности фритредерской доктрины. Востребованность идей протекционизма стала все более возрастать как среди широкой общественности, так и в правящих кругах европейских стран. «Старое учение о необходимости покровительствовать отечественной промышленности посредством высоких ввозных пошлин разрабатывается и проповедуется теперь на все лады в ученых трактатах, газетных и журнальных статьях, а также путем публичного обсуждения на экономических съездах и митингах разного рода, – писали “Московские ведомости”. – Вотируются прошения правительствам и в парламенты, и готовятся запросы и предложения протекционного свойства для внесения в законодательные собрания» [МВ, 1875. № 252]. В Германии под воздействием кризиса могущественные промышленные круги стали требовать от правительства О. фон Бисмарка усиления таможенной защиты. К ним присоединились аграрии, которым огромный наплыв дешевого зерна из САСШ, Индии и России грозил разорением. В 1879 г. Бисмарк резко повернул от многолетней фритредерской политики к протекционизму, установив, в частности, высокие ввозные пошлины на сельскохозяйственные товары, в том числе и на русский хлеб. Вслед за Германией на этот путь встали также Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие страны [Оболенская, 1992. С. 4, 5, 114–146, 151–153].

Россия также в 1874–1877 гг. переживала кризис, осложненный неурожаем 1875 г. и войной с Турцией, которая потребовала огромных расходов и вызвала расстройство государственных финансов. С 1 января 1877 г. в связи с острыми фискальными нуждами таможенные пошлины стали приниматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение почти на 50%. Тем самым правительство фактически начало переход к протекционистскому курсу. Следующим шагом стало восстановление 22 декабря 1878 г. пошлины на хлопок, отмененной в 1863 г. [Соболев, 2012. Ч. 2. С. 7–18]. Под влиянием этих событий Катков начал отходить от фритредерских убеждений. Он еще возмущался высоким уровнем таможенного обложения, однако стал более дифференцировано относиться к вопросам внешнеторговой политики. Так, например, в 1874 г. публицист высказался за повышение пошлин на импорт хлопка и нефти, чтобы поддержать соответствующие российские отрасли, а в январе 1877 г. выступил против практики разрешений беспошлинного ввоза отдельных категорий и партий товаров вопреки действующему тарифу, которая наносила значительный ущерб казне [МВ, 1874. № 68, 99; 1877. № 27].

В конце 1870-х гг. Катков полностью перешел на позиции протекционизма и объявил фритредеров «космополитами-доктринерами», развернув с ними борьбу на страницах своих изданий. Забыв о прежних обвинениях в адрес «эгоистичных капиталистов», он встал на сторону торгово-промышленных кругов и в первую очередь – московской буржуазии. В ответ на упреки либеральной прессы в резком изменении взглядов публицист призывал проявлять гибкость и избавляться от догматизма в вопросах таможенной политики. «Не пора ли бросить игру в доктрины и партии? – спрашивал он. – И протекционизм, и фритредерство, даже сданный в архив меркантилизм, могут быть при одних обстоятельствах пригодны, а при других непригодны. Все хорошо на своем месте и в свое время. Исключительно следовать какому-нибудь экономическому учению, значило бы уподобляться медику, который захотел бы все болезни и всякого больного лечить одним лекарством» [МВ, 1884. № 40]. С Катковым солидаризовались консервативные авторы «Русского вестника» Н.Х. Вессель, Н.Я. Данилевский, Н.А. Новосельский, а также другие публицисты, активно выступавшие за введение запретительного тарифа. Им противостояла либеральная пресса – журнал «Вестник Европы», газеты «Новости» и «Русские ведомости», которые доказывали, что протекционизм вредит сельскому хозяйству, отвлекая капиталы из земледелия в искусственно поощряемую промышленность, сковывает частную инициативу, консервирует устаревшие формы производства, устанавливает монополию отдельных групп предпринимателей, взвинчивает цены на внутреннем рынке, наносит ущерб населению, сужает круг потребителей и т.п. [Соболев, 2012. Т. 2. С. 364–383].

В ходе острой дискуссии «Московские ведомости» развернули критику либеральной таможенной политики 1850–1860-х гг. Катков осудил демонтаж протекционистской системы министра финансов Е.Ф. Канкрин, о временах которого «русский промышленный мир донныне сохранил благодарное воспоминание». По его словам, после принятия законов 1850 и 1857 гг. «в угоду чужим доктринам» произошел переход от «покровительства народному труду к космополитическому фритредерству», и в стране утвердился «со всех сторон обрезанный и искалеченный тариф», а с утверждением акта 1868 г. «здание прежнего тарифа превратилось в развалины». В итоге «русское производство должно было соперничать с чужеземным, как само знает», т.е. без всякой поддержки государства, поэтому «сфера выгодного приложения народного труда постоянно сжималась, как бы в железных тисках» и «одна за другой падали разные отрасли русского народного хозяйства» [МВ, 1880. № 290; 1883. № 174; 1884. № 40; 1885. № 30; 1887. № 119].

Причину этой кризисной ситуации Катков видел в повальной увлеченности русского общества британским примером: «Англия, провозгласившая господство принципов свободной торговли, предложила и другим государствам последовать ее примеру и принять теорию фритредерства в основание экономической политики. При общей ломке

господствовавших у нас учреждений и при замене всего старого новым, мы с увлечением ухватились за предложенное нам чуждое нашей жизни учение и сделали ревностными его последователями, не разбирая, что то, что выгодно для Англии, может быть весьма невыгодно для России». Как писал Катков, высокий уровень экономического развития «мастерской мира» стал «приманкой» для соотечественников, забывших о том, что он был достигнут благодаря запретительным таможенным пошлинам. Британское правительство отменило их только после того, как страна завоевала исключительное положение на мировом рынке. Между тем Россия находится в совершенно другом положении – значительно отстает от западных держав и лишь стоит на пороге индустриального подъема, поэтому для нее неприемлем либеральный тариф [МВ, 1884. № 40, 213].

Московский «оракул» проповедовал свои взгляды под национально-патриотическими лозунгами в духе теории «народного самодержавия», утвердившейся в царствование Александра III. Он писал в одной из своих передовиц: «Последняя война открыла нам глаза и показала путь, которым должна следовать наша экономическая политика: укрепленный войной принцип национальности положен был и в основу государственного хозяйства» [МВ, 1886. № 177]. Эти представления сложились у Каткова под влиянием немецкой исторической школы и прежде всего – ее основоположника Ф. Листа, впервые обосновавшего различие между космополитической (мировой) и национальной экономиями. Странники английской классической школы считали главным субъектом хозяйства абстрактного «экономического человека», выдвигали принцип «методологического индивидуализма», делали ставку на универсальный саморегулирующийся рыночный механизм, на максимальную либерализацию хозяйственной деятельности. В отличие от них, приверженцы исторического метода мыслили в духе консервативной традиции: они ставили перед собой задачу изучения особенностей отдельных стран, отстаивали необходимость защиты национальных экономических интересов, допускали возможность государственного регулирования. Катков принадлежал к православно-самодержавному крылу почвеннического направления в экономической мысли России, которое выступало за проведение не либерально-рыночных, а национально-ориентированных реформ [Рязанов, 2009. С. 243, 248, 249]. Он был поклонником исторической школы, идеи которой пропагандировались на страницах «Русского вестника» еще во второй половине 1850-х гг., например, в статьях И.К. Бабста и Н.Х. Бунге [Китаев, 1972. С. 56–59].

Редактор «Московских ведомостей» и его единомышленники выступали за создание «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами. «Россия для русских» – вот девиз успеха и для кустарной, и для всей вообще русской промышленности», – заявлял Катков. По его мнению, «русская почва предоставляет все необходимое для приложения промышленных сил», а «русский труд способен обработать то, что дает почва» [МВ, 1882. № 141; 1883. № 70]. Автаркической обособленности страны должно было способствовать также сохранение в обращении неразменного бумажного рубля как национальной валюты. Консерваторы требовали усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь – ужесточения контроля над частным предпринимательством, устройства казенного ипотечного кредита, введения табачной и винной монополий, выкупа частных железных дорог в собственность государства и др. [Шепелев, 1981. С. 143; *Власть и реформы*, 1996. С. 381]. Катков рассматривал протекционистскую политику как мощный фактор подъема производительных сил, как орудие регулирования правительством развития народного хозяйства, как своеобразную форму планирования [Твардовская, 1978. С. 86].

Публицист предлагал взять за образец таможенную политику Северо-Американских Соединенных Штатов, которые по своим экономическим условиям наиболее сходны с Россией, и где идет процесс становления отечественной промышленности. После разрушительной Гражданской войны 1861–1865 гг. стоящая у власти республиканская партия

отказалась следовать господствующим доктринам фритредерства, избрала «национальный путь», ввела высокие таможенные пошлины и к середине 1870-х гг. обеспечила САСШ активный торговый баланс. Катков считал заокеанскую республику «главным очагом», «важнейшей опорой протекционизма», а покровительственный тариф – основным источником ее богатства. «Почему бы и нам не последовать примеру Америки и не стать сознательно на такую же дорогу?» – писал он в одной из своих передовиц. Публицист призывал отбросить колебания, которые дорого обходятся России, и использовать ценный опыт САСШ для развития внутреннего производства, наращивания экспорта и сбалансирования торгового баланса [МВ, 1879. № 258; 1883. № 54; 1884. № 135, 313, 315].

Другим достойным примером для подражания Катков считал протекционистский курс правительства Германской империи. Он высоко оценил выдвинутую в середине декабря 1878 г. экономическую программу Бисмарка, который, по его словам, «обнаружил удивительную чуткость и понимание потребностей эпохи», сумел «разорвать с захватившей себе власть космополитической и антинациональной доктриной и оттолкнуть от себя ее сторонников». При этом публицист задавался вопросом: «Но во сколько раз сильнее, существеннее и настоятельнее живые, насущные интересы, требующие покончить с этой доктриной у нас, в России, и не позволять ей производить над Русским народом, как бы *in anima vili* (над подопытными животными – *лат.*), свои эксперименты?» [МВ, 1878. № 327; 1879. № 10]. Однако, восторгаясь прозорливостью и политическим гением «железного канцлера», Катков справедливо расценил германскую тарифную реформу как стремление оказать давление на Россию и начать против нее экономическую войну. Поэтому он настаивал на ответных шагах – введении высоких пошлин на импорт из соседней империи. «Принимая меры к сокращению привоза в Германию русских товаров, – писали о Бисмарке “Московские ведомости”, – он тем самым развязывает Русскому правительству руки на принятие мер к сокращению привоза в Россию товаров из Германии» [МВ, 1879. № 106].

Катков указывал на очевидное противоречие между неисчерпаемыми ресурсами отечества и реальными результатами его экономического развития: «Нет страны богаче России по естественным условиям, но богатства наши остаются для нее бесплодны, только привлекая к себе алчность иностранной спекуляции, умеющей закрепить за собой и русские богатства, и русский труд». Корень зла он видел в ошибочной таможенной политике и устаревшем тарифе 1868 г., который не соответствует состоянию народного хозяйства и не защищает его от западной экономической экспансии. Действующее законодательство обременяет высокими сборами отсутствующие в России дефицитные продукты (чай, кофе, оливковое масло и др.) и в то же время поощряет низкими пошлинами ввоз именно тех товаров, которые могли бы вполне успешно изготавливаться внутри страны. По словам Каткова, «поощрением иностранной конкуренции мы полагаем преграды возникновению и развитию в России множества выгодных отраслей производства, для которых имеются благоприятные условия». Завышенная плата местных потребителей за импорт обогащает западных предпринимателей, парализует развитие отечественной промышленности, лишает казну значительных поступлений, отрицательно сказывается на курсе рубля.

«Московские ведомости» опровергали мнение о том, что от повышения пошлин получают выгоду только владельцы фабрик и заводов. Как считал Катков, введение запретительного тарифа оградит отечественную промышленность от конкуренции западных стран, оживит целые отрасли, расширит «сферу народного труда», даст обильные заработки населению и повысит его покупательную способность, обеспечит накопление капиталов и сформирует рынок сбыта, без которого невозможно развитие и удешевление производства. Особое значение он придавал повышению пошлин на ввоз наиболее востребованных товаров (металлов, металлических изделий и машин) с целью создания благоприятных условий для роста тяжелой индустрии. Публицист подчеркивал, что преобладание экспорта над импортом изменит торговый баланс в пользу России, сократит отлив

золота за границу и тем самым активизирует расчетный баланс, а это, в свою очередь, будет способствовать повышению курса рубля и российских ценных бумаг. Он указывал также и на существенное фискальное значение протекционистского тарифа, который позволит значительно увеличить таможенные сборы и предоставит правительству возможность ослабить податное бремя «низших» сословий. Кроме того, для достижения «социального равенства» Катков предлагал повысить пошлины на предметы роскоши, доступные лишь состоятельным категориям населения, и тем самым установить своего рода «налог на богатых». Наряду с этим он предостерегал от необдуманных попыток увеличить поступления таможенных сборов, пренебрегая насущными внешнеторговыми интересами России. «Как бы ни была велика надобность в усилении средств казны, нельзя бросаться на первый встречный источник дохода, когда можно выбирать между источниками», – писал публицист. «Московские ведомости» резко отрицательно отреагировали на слухи о намерении Министерства финансов установить вывозную пошлину на хлеб – главную статью экспорта, поскольку это могло привести к повышению цен на российское зерно и затруднить конкуренцию с американскими сельскохозяйственными товарами. Вместе с тем Катков считал желательным, причем отнюдь не из фискальных соображений, ввести пошлины на вывоз за границу нефти, чтобы стимулировать ее переработку внутри страны, а также древесины с целью предотвратить дальнейшее «лесоистребление» [МВ, 1879. № 53, 92, 97, 99; 1880. № 65, 175, 196, 262; 1882. № 17, 72, 141, 159; 1883. № 174; 1884. № 40, 123, 185].

Рекомендации «Московских ведомостей» касались актуальных вопросов, которые бурно обсуждались в верхах, так как само состояние народного хозяйства требовало расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь и в том числе – ужесточения таможенной защиты. В 1880 г. катастрофический неурожай привел к упадку хлебного экспорта и превращению торгового баланса в пассивный. В следующем году появились первые признаки спада в промышленности, а в 1882 г. кризис перепроизводства охватил ведущие отрасли. Резко сократилось железнодорожное строительство, возросло количество банкротств предприятий и банков, затормозилось акционерное учредительство. Депрессия, затянувшаяся до 1887 г., усугублялась низкими урожаями 1882 и 1885 гг., а также мировым аграрным кризисом, который привел к уменьшению спроса на фабрично-заводскую продукцию и массовой безработице. Общая картина дополнялась острым финансовым расстройством – снижением платежеспособности населения, хроническими бюджетными дефицитами, падением курса рубля, отрицательным расчетным балансом.

В этой ситуации правительство продолжило курс на усиление таможенного обложения. 3 июня 1880 г. был отменен установленный в 1861 г. беспошлинный ввоз чугуна и железа для нужд промышленности, при этом сборы понижены с металлических изделий и повышены с некоторых категорий машин [Соболев, 2012. С. 138–142]. По утверждению Каткова, тем самым был «сделан серьезный шаг к постановке русского машиностроения в условия, благоприятные его успехам». Позднее он писал, что при всех «недостатках и противоречиях» этой меры, «она все-таки была шагом, хотя слабым, от фритредерской к охранительной таможенной политике» [МВ, 1880. № 182; 1882. № 51]. Законом 16 декабря 1880 г., принятым по инициативе министра финансов А.А. Абазы и его товарища (заместителя) Н.Х. Бунге, все ввозные пошлины были повышены на 10%. Министр признал, что сборы, взимаемые с импортируемых товаров, не соответствуют ни их стоимости, ни значению в торговых оборотах, однако общую корректировку тарифа считал делом будущего [Соболев, 2012. С. 18–20]. Каткова совершенно не удовлетворило это нововведение. Он заявил, что изменения таможенных ставок были в основном сделаны из фискальных соображений и лишь немногие из них имели целью поощрение промышленности. Закон увеличил только те сборы, которые и без того были сравнительно высоки, а низкие пошлины, которые нуждаются в повышении, остались на прежнем уровне. «Московские ведомости» писали, что принятая мера не изменила характера действующего тарифа и не решила

задачу реформирования таможенного законодательства [МВ, 1880. № 353, 362; 1882. № 51; 1883. № 109].

В начале мая 1881 г. пост министра финансов занял Бунге. Ранее, как и Катков, он принадлежал к фритредерскому направлению, но позднее также эволюционировал к протекционизму. Он поставил вопрос о пересмотре тарифа 1868 г. с целью увеличить государственные доходы, достичь более выгодного соотношения между импортом и экспортом, а также оказать покровительство тем отраслям промышленности, которые нуждаются в ограждении от иностранной конкуренции. Однако Бунге был умеренным протекционистом, не одобрял крайностей таможенной защиты и считал целесообразным постепенное изменение отдельных статей тарифа, чтобы избежать возможных экономических потрясений. Катков предлагал новому министру свою поддержку в обмен на обещание установить высокие ввозные пошлины, но тот отказался [Степанов, 1998. С. 162–164, 167]. 1 июня 1882 г. было проведено новое общее повышение таможенных ставок, преимущественно на сырье и полуфабрикаты и в меньшей степени – на готовые изделия [Соболев, 2012. С. 20–56].

«Московские ведомости» назвали эту меру «результатом чисто канцелярской работы», «компромиссом между необходимостью отчасти охранить народнохозяйственные интересы страны и желанием угодить сторонникам свободы торговли». По мнению Каткова, все изменения были сделаны ради пополнения казны, не имеют серьезного значения, не меняют общего характера тарифа, а по некоторым статьям иностранным товарам предоставляются даже более значительные льготы, чем ранее. Он упрекал Министерство финансов в том, что оно смотрит на таможенное дело с «фискальной», а не с «общеекономической» точки зрения, уделяет главное внимание поступлению доходов и сбалансированию бюджета. Возглавляемое Бунге ведомство предпочитает избирательно поддерживать отдельные отрасли и группы предпринимателей, пренебрегая другими неотложными задачами. Между тем старый тариф по-прежнему страдает несогласованностью своих составных частей, непригодностью устаревшей классификации и номенклатуры товаров, общей неудовлетворительностью в деле покровительства промышленности. После его утверждения в 1868 г. в нем делались «только мелкие, частные исправления, большей частью не имевшие между собой никакой связи и носившие характер как бы новых заплат на ветхом рубище», между тем «ставить подпорки то в одном, то в другом месте, когда все здание требует перестройки – дело самое неблагоприятное» [МВ, 1882. № 141, 161, 165, 270; 1883. № 88; 1884. № 28, 131, 161; 1885. № 92].

Катков поддержал ходатайства российских предпринимателей об отмене беспошлинного транзита европейских товаров через Закавказье в Персию и обратно, действовавшего с перерывами с 1816 г. и окончательно закрепленного правилами 1864 и 1865 гг. для оживления хозяйственной жизни региона. Ошибочность подобной политики в полной мере выяснилась к концу 1870-х гг., когда английская продукция, благодаря дарованным льготам, завоевала монопольное положение на восточных рынках и подорвала русско-персидскую торговлю. В 1883 г. завершалось строительство Закавказской железной дороги, которая должна была соединить Черное и Каспийское моря. Открытие этой магистрали могло еще более облегчить западным конкурентам доступ в Персию и Среднюю Азию и нанести серьезный ущерб экономическим интересам России. Поэтому в печати и предпринимательских организациях развернулось бурное обсуждение вопроса о судьбе транзита [Морозова, 1977. С. 131–137; Куприянова, 1994. С. 128–139]. Катков заявлял, что беспошлинный провоз лишает отечественную промышленность и торговлю выхода на персидские и среднеазиатские рынки, служит ширмой для контрабанды и тем самым подрывает «русский народный труд», препятствует развитию местного хозяйства в Закавказье и наносит удар политическому влиянию империи в Средней Азии. Он призывал воспользоваться выгодами географического положения, которые дают возможность расширить сбыт российских товаров на Востоке. После долгих дискуссий в верхах транзит был отменен 3 июня 1883 г. Как

предсказывали «Московские ведомости», это решение «обрадует всю промышленность из края в край нашего отечества». Позднее Катков писал, что закрытие транзита открыло отечественным производителям новые рынки, на которых ранее господствовали иностранцы, а закавказские коммерсанты теперь закупают товары на Нижегородской ярмарке [МВ, 1882. № 302, 333; 1883. № 25, 28, 144, 234]. Действительно, после 1883 г. Россия значительно расширила свои экономические связи с Персией и к началу 1890-х гг. по объему торговых оборотов начала догонять Великобританию.

Не менее настойчиво «Московские ведомости» требовали упразднения режима порто-франко в Батуме, установленного в 1878 г. после русско-турецкой войны по условиям Берлинского трактата [Абашидзе, 1998. С. 105, 118–120]. С закрытием беспошлинного провоза иностранных товаров через Кавказ город утратил свое значение первого транзитного пункта, поэтому сохранение местного таможенного кордона не имело смысла и лишь создавало препятствия развитию экономики края. Катков считал, что затворив одну «дверь для контрабанды» в виде Закавказского транзита, следует закрыть и вторую, превратив Батум в обычный российский порт. «Батум служит преимущественно интересам чужеземным, – писал он, – это как бы форпост иностранной промышленной и торговой конкуренции, поставленный на русской территории и широко во все стороны распространяющий свое вредное, подрывающее русских конкурентов влияние». По словам Каткова, изделия и сырье из европейских стран поступают в город не для продажи местному населению, а с целью ввоза в империю под видом «товаров русского происхождения» [МВ, 1883. № 146, 170]. Его выступления в печати сыграли свою роль в отмене батумского порто-франко 23 июня 1886 г.

Другой «зияющей раной» российского тарифа наряду с Закавказским транзитом Катков считал торговые привилегии Великого Княжества Финляндии, которое с 1811 г. имело собственную таможенную черту. Закон 1858 г. значительно увеличил число финляндских товаров, пропускаемых в империю беспошлинно и на льготных условиях, и при этом ввел сборы с ряда предметов российского экспорта в Княжество. В 1880-х гг. в связи с переходом России к протекционистской системе дисбаланс между двумя тарифами значительно усилился, и ввоз из Финляндии стал значительно превышать вывоз из империи. Таможенная защита Княжества была более либеральной, поэтому производство там многих промышленных изделий обходилось дешевле, и при их экспорте в Россию создавалась сильная конкуренция местным производителям. Усилилась также опасность проникновения через территорию Финляндии в Россию иностранных товаров в обход норм обложения имперского тарифа. По многочисленным требованиям предпринимателей Министерство финансов приступило к пересмотру законодательства о торговых отношениях с Княжеством [Корнилов, 1971. С. 51–55].

«Московские ведомости» всячески одобряли это начинание и заявляли, что «Финляндия – это как бы громадное *porto franco* с широко отворенными в Россию воротами», называли ее таможенные привилегии «аномалией в общем ходе нашей государственной жизни», «тяжелым ярмом» и «тормозом» развития отечественной промышленности. Как утверждал Катков, Княжество крепко держится за свою автономию, но, «чуждаясь России, хочет жить за счет России». При беспошлинном импорте из Финляндии покровительственные пошлины имперского тарифа оказываются «пустым миражом» и никак не защищают внутреннее производство от иностранной конкуренции. Россия ввозит в Княжество хлеб по сравнительно низким ценам, а взамен получает гораздо более дорогие фабрично-заводские товары без уплаты пошлин, лишая тем самым казну значительных доходов. «Облагодетельствованная» Россией Финляндия успешно развивает свою промышленность, между тем империя переживает экономический кризис, застой в торговле и обилие товаров на рынке без возможностей сбыта. 28 мая 1885 г. было утверждено положение о пересмотре торговых отношений России и Княжества: для основных финляндских

товаров вводились «уравнительные» пошлины с целью сглаживания неравенства тарифов обеих сторон и устанавливался предельный объем их ежегодного импорта. «Московские ведомости» писали, что финансовое ведомство «энергично выступило на защиту русских интересов против своекорыстных притязаний финляндцев» [МВ, 1883. № 63, 65; 1884. № 22, 176, 193, 194; 1885. № 70, 136, 141].

Катков поддержал также требования торгово-промышленных кругов о введении высоких пошлин на импортируемый уголь и новом повышении сборов с металлов и металлических изделий [МВ, 1883. № 42; 1884. № 77, 96, 100, 107, 110, 124, 144, 145, 148, 155, 157]. Рассчитывая на увеличение таможенного дохода, Министерство финансов пошло навстречу предпринимателям, правда, далеко не в таком размере, на который они рассчитывали. 10 июня 1884 г. была увеличена пошлина на чугун, а 16 июня 1884 г. – установлены сборы с каменного угля, кокса и торфа [Соболев, 2012. Т. 2. С. 92–117, 142–155]. Несмотря на умеренность новых таможенных ставок, Катков заявил, что действия финансового ведомства производят «отрадное впечатление»: оно «действительно вступает на путь покровительства нашей отечественной промышленности» и в дальнейшем намерено придерживаться «национальной торговой политики», «стоять на страже народнохозяйственных интересов страны» [МВ, 1884. № 185, 213]. Подобными «комплиментами» публицист пытался склонить министерство к более масштабной тарифной реформе. Однако Бунге продолжал придерживаться осторожной и поэтапной политики. 15 января 1885 г. были увеличены пошлины на рыбу, чай, вина, шелк, оливковое масло. 19 марта 1885 г. – на сельскохозяйственные машины, 20 мая 1885 г. – на железо и сталь. 3 июня 1885 г. последовало новое «огульное» повышение тарифа в среднем на 10–20%. В 1886 г. были подняты ставки таможенного обложения на уголь, медь, кирпич, купорос, серную кислоту, суперфосфаты, соду, клей, древесную массу, литографские изделия и некоторые другие товары. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5% стоимости ввезенных товаров, то в 1886 г. – 27,8% [Соболев, , 2012. Т. 2. С. 57–75, 117–122, 156–181, 194–195, 213–218, 236–241, 243–246, 249–250, 388]. Бунге даже заслужил репутацию основоположника протекционистского курса. Министерству удалось добиться небольшого, но устойчивого преобладания экспорта над импортом, и с 1882 г. торговый баланс неизменно сводился с активным сальдо.

Однако Катков рассчитывал на гораздо большее ужесточение таможенной защиты, поэтому с осени 1884 г. начал в своих изданиях компанию против Бунге, всячески порицая его политику. Он упрекал министра в том, что тот руководствуется не «указаниями практики», а «жалкими quasi-теоретическими соображениями», лишь обещает следовать по пути «национальной экономической политики» и оказывать покровительство промышленности, а на деле ограничивается «жалкими полумерами». По его словам, все действия министерства в этом направлении за последние годы свелись к «ничтожным» увеличениям пошлин, между тем многие сборы настолько низкие, что их возрастание на 20% не окажет никакого влияния на развитие соответствующих отраслей. В частности, утверждал публицист, новое общее повышение пошлин в 1885 г. было проведено так неудачно, что ввоз иностранных товаров не только не уменьшился, но даже увеличился, кроме того, произошло значительное сокращение российского экспорта [МВ, 1885. № 11, 77, 146, 183; 1887. № 10, 41].

Одной из основных причин кризиса в народном хозяйстве Катков считал «ненормальное» положение промышленности, в которое она поставлена тарифом, представляющим собой «руину, плохо поддержанную полусгнившими подпорками». Он утверждал, что финансовое ведомство, как чисто «фискальное» учреждение, по-прежнему погружено в бюджетно-налоговые дела и постоянно откладывает на неопределенные сроки решение вопросов первостепенного значения, в том числе и таможенную реформу. Вместо этого министерство занимается пересмотром отдельных тарифных статей без учета состояния и потребностей промышленности, не принимая во внимание «несообразность» других

пошлин с требованиями времени. «Не пора ли кинуть способ затычек, которые лишь расшатывают плотину, и перестроить ее заново, как было обещано?» – обращался Катков к своим читателям. Он приводил в качестве примера таможенную политику Германии, которая ограждает свое производство от наплыва чужих товаров, ищет новые рынки, заключает торговые договоры, расширяет сбыт, осуществляет широкую экономическую экспансию. Россия переполнена продукцией германской промышленности и в ответ лишь снабжает соседнюю империю сырьем для предприятий и продуктами питания. Между тем правительство Бисмарка продолжает повышать хлебные пошлины, создавая угрозу российскому экспорту, поэтому нужно развивать собственное производство и не зависеть от заграничного ввоза. «Неужели, в самом деле, у нас недостаточно решимости освободиться от иностранной зависимости?» – восклицал публицист [МВ, 1884. № 343; 1885. № 30, 44, 52; 1886. № 92, 137, 177, 196, 218; 1887. № 16, 41].

В конце 1886 г. Бунге под давлением консервативных кругов получил отставку и был заменен ставленником Каткова И.А. Вышнеградским – известным ученым-механиком и управляющим нескольких крупных акционерных компаний. В своей программной записке, представленной Александру III накануне вступления на министерский пост, он заявил о своем намерении «решительным образом вступить на путь покровительственной политики отечественной промышленности». Вышнеградский высказался за «систематический» пересмотр тарифа, однако не исключал и «частные улучшения» пошлин на ввоз наиболее востребованных товаров [Вышнеградский, 1995. С. 196]. 21 апреля 1887 г. были повышены ставки таможенного обложения металлов и металлических изделий, а 19 мая 1887 г. – каменного угля, кокса и торфа [Соболев, 2012. С. 122–131, 181–193]. Катков приветствовал политику нового министра, подчеркнув, что «ныне дело идет не о разовом, как практиковалось прежде, но о действительном покровительстве народному труду» [МВ, 1887. № 119]. Он начал в своей газете кампанию за увеличение пошлины на хлопок для стимулирования отечественной хлопчатобумажной отрасли, однако смерть в июле 1887 г. прервала его бурную публицистическую деятельность.

Эволюция взглядов Каткова от фритредерства к протекционизму во многом объяснялась изменением экономической ситуации в России. Либерализация таможенной политики была целесообразна лишь на стадии становления российской индустрии, когда она остро нуждалась в притоке сравнительно дешевых иностранных товаров (оборудования, материалов, рельсов и подвижного состава для железных дорог и др.). Но со временем, по мере развития в стране собственного производства, конкуренция западной продукции стала наносить все больший ущерб отечественной промышленности. К началу 1880-х годов, в отличие от предшествующего двадцатилетия, страна нуждалась не столько в импорте товаров, сколько в привлечении иностранных капиталов. Это совпало с поворотом ведущих держав Запада к протекционистскому курсу. Требования Каткова установить высокие таможенные барьеры шли в общем русле усиления этатистских тенденций в экономической политике российского правительства. Публицист рассматривал запретительный тариф как универсальное орудие, с помощью которого можно решить целый ряд задач: защитить промышленность от западной экспансии, повысить государственные доходы, активизировать торговый и расчетный балансы и даже более равномерно распределить налогообложение между «высшими» и «низшими» слоями населения.

Пользуясь своим стремительно возросшим влиянием в 1880-е гг., Катков выступал за немедленный коренной пересмотр тарифа. Подобная позиция вообще была характерна для представителей общественной мысли, которые не были интегрированы в систему государственного управления, не знали некоторых тонкостей текущей политики и не несли никакой ответственности. Однако в верхах в принципе не были склонны к кардинальным переменам в сжатые сроки и в данном случае предпочли постепенный переход к запретительной системе. Это не устраивало Каткова, предпринявшего натиск на финансовое

ведомство, чтобы подтолкнуть его к более решительным действиям. В своем полемическом задоре он был нередко тенденциозен, допускал явные преувеличения и даже искажал факты: в пореформенные десятилетия при всех просчетах и «перегибах» правительство не жертвовало национальными интересами во имя «чужеродных» доктрин и не отдавало страну на разграбление иностранным капиталистам. Тарифы 1850, 1857 и 1868 гг. по своей сути были не фритредерскими, а умеренно-охранительными, и при их разработке потребности отечественной промышленности всегда в той или иной степени принимались во внимание. Катков обвинял Министерство финансов в «фискализме» и пренебрежении насущными нуждами народного хозяйства, однако как раз Бунге, в отличие от некоторых предшественников, обладал широким взглядом на экономические проблемы. Именно он создал предпосылки для дальнейшего ограничения импорта Вышнеградским, который фактически продолжил его курс, и в 1887–1890 гг. провел повышение пошлин на ряд товаров. Обсуждение таможенной реформы началось в правительственных кругах только в 1890 г., но в итоге цель, к которой упорно стремился Катков, во многом была достигнута: 11 июня 1891 г. состоялось утверждение нового протекционистского тарифа, который один из его творцов Д.И. Менделеев назвал «знаменем самостоятельности и немечтательного прогресса России» [Менделеев, 1952. С. 279].

ЛИТЕРАТУРА

- Абашидзе А.Х. (1998). Аджария. История, дипломатия, международное право. М.: РАУ-Университет.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. (1996). СПб.: Дмитрий Буланин.
- Вышнеградский И.А. (1995). О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете (1886 г.) / публ. В.Л. Степанова // Река времен. Кн. 1. М.: Эллис Лак; Река времен. С. 190–197.
- Китаев В.А. (1972). От фронды к охранительству: из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль.
- Корнилов Г.Д. (1971). Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. Л.: Наука.
- Куприянова Л.В. (1994). Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М.: ИРИ РАН.
- Лодыженский К.Н. (1886). История русского таможенного тарифа. СПб.: тип. В.С. Балашева.
- Менделеев Д.И. (1952). О покровительственной системе / Д.И. Менделеев. // Сочинения. Т. 21. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 269–281.
- Морозова Т.Л. (1977). К истории отмены закавказского транзита // История СССР. № 3. С. 128–140.
- Московские ведомости (МВ). (1863–1887). Москва.
- Оболенская С.В. (1992). Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М.: Наука.
- Санькова С.М. (2014). «Национальная экономическая политика» периода царствования Александра III в представлении М.Н. Каткова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6. С. 95–100.
- Соболев М.Н. (2012). Таможенная политика России во второй половине XIX века: в 2 ч. М.: РОССПЭН.
- Степанов В.Л. (1998). Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН.
- Струве П.Б. (2007). Торговая политика России. Челябинск: Социум.
- Рязанов В.Т. (2009). Консерватизм и русская экономическая мысль // Консерватизм: социально-экономические учения / под ред. А.Н. Бабаджаняна. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 230–258.
- Твардовская В.А. (1978). Идеология пореформенного самодержавия. (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука.
- Шепелев Л.Е. (1981). Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука.

Степанов Валерий Леонидович*valerij-stepanov@mail.ru***Valerii Stepanov***doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**valerij-stepanov@mail.ru***M.N. KATKOV ON PROBLEMS OF CUSTOMS POLICY IN RUSSIA (1860–1880)**

Abstract. The article analyzes the views on customs policy of the largest ideologue of Russian conservatism, the famous publicist M. N. Katkov (1818–1887) – the editor-publisher of the «Russky Vestnik» magazine (1856–1887) and the «Moskovskie Vedomosti» newspaper (1863–1887). In the first post-reform decades, he adhered to the free-trade doctrine and evolved to protectionism only by the late 1870s under the influence of the world economic crisis, which led to the fall of the popularity of free trade ideas. During the reign of Alexander III, using his increased influence at the top, Katkov advocated a radical revision of the outdated tariff of 1868 to limit imports as much as possible. He preached his views under patriotic slogans in the spirit of the theory of «people's autocracy», lobbied for increased state intervention in economic life, and the creation of a «national» economy, fenced off from the West by high customs barriers. The publicist viewed protectionist policies as a powerful factor in the rise of productive forces, as a form of planning. Katkov considered the prohibitive tariff a universal tool that could be used to solve several problems: to protect the industry from foreign competition, to increase government revenues, to activate trade and account balances, and even to distribute the tax burden between the «higher» and «lower» segments of the population more evenly. His demands were in the general direction of strengthening statist tendencies in the government's economic policy. Therefore, Katkov's agitation played a role in the preparation and approval of the protectionist tariff of 1891.

Keywords: *customs policy, free trade, protectionism, export, import, tariff, duties, trade balance.*

JEL Classification: B15, B31, N43.

REFERENCES

- Abashidze A.H. (1998). Adzhariya. Istoriya, diplomatiya, mezhdunarodnoe pravo. M.: RAU-Universitet. [Abashidze A.H. Adjaria. History, diplomacy, international law.]
- Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii. (1996). SPb.: Dmitrij Bulanin. [Power and reform. From autocratic to Soviet Russia.]
- Vyshnegradskij I.A. (1995). O zadachah finansovyh uchrezhdenij v dele ustraneniya deficita v gosudarstvennom byudzhetе (1886 g.) / Publ. V.L. Stepanova // Reka vremen. Kn. 1. M.: Ellis Lak; Reka vremen. Pp. 190–197. [Vyshnegradsky I.A. On the tasks of financial institutions in eliminating the deficit in the state budget (1886).]
- Kitaev V.A. (1972). Ot frondy k ohranitel'stvu: iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-h gg. XIX v. M.: Mysl'. [Kitaev V.A. From Fronde to protection: from the history of Russian liberal thought of the 50–60s of the XIX century.]
- Kornilov G.D. (1971). Russko-finlyandskie tamozhennye otnosheniya v konce XIX – nachale XX v. L.: Nauka. [Kornilov G.D. Russian-Finnish customs relations in the late XIX – early XX century.]
- Kupriyanova L.V. (1994). Tamozhenno-promyshlennyj protekcionizm i rossijskie predprinimateli (40–80-e gody XIX veka). M.: IRI RAN. [Kupriyanova L.V. Customs and industrial protectionism and Russian entrepreneurs (40–80-ies of the XIX century).]
- Lodyzhenskij K.N. (1886). Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. SPb.: tip. V.S. Balasheva. [Lodyzhensky K.N. History of the Russian customs tariff.]
- Mendeleev D.I. (1952). O pokrovitel'svennoj sisteme // Mendeleev D.I. Sochineniya. T. 21. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR. Pp. 269–281. [Mendeleev D.I. About the patronage system.]
- Morozova T.L. (1977). K istorii otmeny zakavkazskogo tranzita // Istoriya SSSR. № 3. Pp. 128–140. [Morozova T.L. On the history of Transcaucasian transit cancellation.]
- Moskovskie vedomosti (MV). (1863–1887). M. [Moscow Vedomosti.]
- Obolenskaya S.V. (1992). Politika Bismarka i bor'ba partij v Germanii v konce 70-h godov XIX v. M.: Nauka. [Obolenskaya S.V. Bismarck's politics and the struggle of parties in Germany in the late 70s of the XIX century.]
- San'kova S.M. (2014). «Nacional'naya ekonomicheskaya politika» perioda carstvovaniya Aleksandra III v predstavlenii M.N. Katkova // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 6. Pp. 95–100. [Sankova S.M. «National economic policy» of the reign of Alexander III in the view of M. N. Katkov.]
- Sobolev M.N. (2012). Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: v 2 ch. M.: ROSSPEN. [Sobolev M.N. Customs policy of Russia in the second half of the XIX century.]

- Stepanov V.L.* (1998). N.H. Bunge: sud'ba reformatora. M.: ROSSPEN. [Stepanov V.L. N.Kh. Bunge: the fate of the reformer].
- Struve P.B.* (2007). Torgovaya politika Rossii. Chelyabinsk: Sotium. [Struve P.B. Russian trade policy.]
- Ryazanov V.T.* (2009). Konservatizm i russkaya ekonomicheskaya mysl' // Konservatizm: social'no-ekonomicheskie ucheniya / pod red. A.N. Babadzhanjana. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. Pp. 230–258. [Ryazanov V.T. The conservatism of Russian economic thought.]
- Tvardovskaya V.A.* (1978). Ideologiya poreformennogo samodержaviya. (M.N. Katkov i ego izdaniya). M.: Nauka. [Tvardovskaya V.A. The post-reform ideology of autocracy. (M.N. Katkov and his publications).]
- Shepelev L.E.* (1981). Carizm i burzhuaziya vo vtoroj polovine XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoj politiki. L.: Nauka. [Shepelev L.E. Tsardom and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. Problems of trade and industrial policy.]

С.А. Васильев

д.э.н., профессор, Международный Центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

РАННЯЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КИТАЕ В ЭПОХУ СУН¹

Аннотация. В начале второго тысячелетия нашей эры Китайская империя Сун являлась наиболее развитой в экономическом отношении страной мира и самой быстрорастущей. В это время в Китае наблюдается ряд явлений, характерных для обществ, находящихся в процессе модернизации. В технологической сфере это переход к использованию каменного угля и ускоренное развитие металлургии, революция в судостроении и мореплавании, развитие книгопечатания. В экономической сфере – быстрый рост промышленности и торговли, резкое повышение продуктивности аграрного сектора. В социальной сфере – урбанизация, развитие массового образования и повышение грамотности, расширение имущественных и социальных прав женщин. Совокупность технологических, экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в XVI–XVIII вв. на начальном этапе европейской модернизации.

В политическом плане империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа, а именно верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, бессрочное существование общественных и частных организаций. Политические практики империи Сун включали отдельные элементы порядков открытого доступа, такие как защищенная частная собственность, универсальная система правосудия, открытый доступ к системе образования, религиозная свобода и отсутствие цензуры.

По мнению автора, в X–XIII вв. в Китае начался процесс ранней модернизации, прерванный впоследствии иноземными вторжениями, которые привели к изменениям политической культуры и девальвации социальных институтов. В долгосрочной перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации стала мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению инноваций.

Ключевые слова: *Китай, ранняя модернизация, империя Сун, зрелое естественное государство, пороговые условия перехода к порядкам открытого доступа.*

JEL: H10, N15, N45, N55, N75, O53, P40.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10307

Введение

Историческое развитие Китая представляет огромный интерес для сравнительного обществоведения. В отличие от других цивилизаций Евразии, активно контактировавших друг с другом практически с момента их возникновения, Китай очень долго развивался в относительной изоляции от них. При этом существовали отдельные культурные заимствования, например, боевые колесницы, ювелирные изделия звериного стиля, вавилонский лунный календарь, элементы индийской философии в учении Дао и проникновение в Китай буддизма, сильное среднеазиатское влияние на культуру эпохи Тан (618–907 гг.).

Однако основные образцы политической и государственной культуры Китая сложились вполне автономно. Более того, Китай представляет собой наиболее яркий и, воз-

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

можно, единственный пример формирования политической и государственной культуры под влиянием господствующей идеологии (в данном случае конфуцианства).

Несмотря на достаточно позднее возникновение цивилизации в Китае (середина второго тысячелетия до нашей эры) и сравнительно изолированное ее развитие, к началу второго тысячелетия Новой эры Китай (в эпоху Сун) стал наиболее развитой в экономическом отношении страной мира и к тому же самой быстрорастущей. В это время в Китае наблюдается ряд явлений, характерных для обществ, находящихся в процессе модернизации (аграрная революция, промышленная революция, урбанизация). Китайское государство X–XIII вв. демонстрирует такую степень организации, которая в Европе была достигнута в лучшем случае к XVIII в. (упорядоченность административной, налоговой, судебной и образовательных систем, консолидированный политический контроль над армией).

Основная проблема, обсуждаемая в данной статье – были ли происходящие в Китае процессы началом модернизации в современном понимании этого слова, или это была лишь историческая флюктуация в развитии традиционной аграрной цивилизации, обусловленная совпадением случайных обстоятельств? Это весьма важный вопрос, поскольку модернизация представляется в господствующей научной парадигме как преимущественно европейский феномен, связанный с уникальными политическими и общественными институтами Европы (демократия, республиканское общественное устройство, разделение властей, развитое гражданское право).

Точка зрения, защищаемая в нашей работе, состоит в том, что в Китае в X–XIII вв. начался процесс ранней модернизации общества, прерванный впоследствии, внешними вторжениями и изменением политической культуры под влиянием этих вторжений.

Эпоха Сун в Китае охватывает период 960–1280 гг. Этот период характеризуется сильным давлением на Китай северной варварской периферии. Здесь империи Сун противостояли государства киданей (империя Ляо) и тангутов, причем китайцы никак не могли отвоевать у киданей северные провинции исторического Китая. В начале XII в. на смену киданям на севере пришли чжурчжени. Они захватили имперскую столицу Кайфэн (в среднем течении Хуанхэ) и вытеснили империю Сун к югу, так что новая граница стала проходить примерно посередине между реками Хуанхэ и Янцзы. По этой причине период, начинающийся с 1126 г., называется периодом Южной Сун. Во второй половине XIII в. после продолжительной войны Южная Сун была полностью захвачена монголами.

Внешнее давление вынуждало Империю держать в боевой готовности огромную армию численностью в 1 млн человек, а также регулярно выплачивать северным соседям дань в обмен на поддержание мира. Однако экономика Империи была настолько эффективной, что справлялась с этой нагрузкой без больших проблем. Даже в усеченном и ослабленном состоянии Южная Сун смогла сопротивляться монгольскому вторжению в течение 45 лет.

Методология исторического анализа

В исследовании принята двойная методология анализа. С одной стороны, мы анализируем историческое развитие Китая с точки зрения теории модернизации и исследуем все факторы модернизации в их взаимодействии. С другой стороны, мы опираемся на теорию социальных порядков Дугласа Норта [*Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011*] и рассматриваем Китай эпохи Сун как зрелое естественное государство, в котором сложились пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа.

Под модернизацией мы понимаем совокупность взаимосвязанных технологических, экономических, социальных, культурных и политических изменений, происходящих при переходе от аграрных сообществ к постаграрным и от традиционных сообществ к посттрадиционным.

Мы исходим из того, что все традиционные сообщества являются аграрными, а все аграрные – традиционными. Отличительной особенностью таких сообществ, возникших в процессе неолитической революции, был консерватизм их социально-экономических и политических структур. Подавляющая часть населения этих сообществ была занята в сельском хозяйстве с устойчиво низкой производительностью труда. Практически вся рента, которая формировалась в сельском хозяйстве, присваивалась элитной верхушкой общества, редко когда превышающей десятую часть населения. Отношения собственности в таких сообществах, как правило, опирались на отношения власти. Промышленность и торговля были не развиты.

Основным экономическим признаком модернизации является ускоренный рост промышленности и иных видов несельскохозяйственной деятельности, в особенности торговли. Второй признак модернизации – урбанизация: города не только растут в количестве и размерах, но и качественно изменяются. Третий признак – аграрная революция: растущее несельскохозяйственное и городское население нужно кормить. Четвертое – появление новых источников энергии и новых технологий. В социальном плане модернизация сопровождается усложнением структуры общества, повышением социальной мобильности, развитием массового образования и расширением грамотности, секуляризацией общества.

Понятие ранней модернизации мы будем использовать для обозначения периода модернизационного развития до начала использования в производстве силы пара и перехода от мануфактурного периода индустриализации к фабрично-заводскому. Темпы экономического роста в это время оказываются выше темпов роста аграрных экономик, но существенно ниже темпов роста на более поздних стадиях процесса модернизации. Классический пример ранней модернизации – развитие Западной Европы в XVI–XVIII вв.

Для исследования истории Китая понятие ранней модернизации было предложено японским синологом Найто Торадзиро [Мартынов, Мартынова, 2018]. Сторонники применения понятия ранней модернизации к историческому развитию Китая делают упор на преемственности институтов империй Сун, Мин и Цинь, воспринимая практически всю историю имперского Китая второго тысячелетия нашей эры как предмодерн.

Альтернативная точка зрения представлена в работе Голдстоуна [Goldstone, 1998], который определяет Китай второго тысячелетия нашей эры как «продвинутое органическое общество». Это понятие напоминает «зрелое естественное государство» Норта только внешне – под органическим имеется ввиду использование исключительно живой силы человека и животных плюс силы ветра и силы воды. Модернизация для Голдстоуна начинается со времени использования в народном хозяйстве силы пара. К продвинутым органическим обществам помимо империи Сун Голдстоун относит Византийскую империю эпохи Комнинов, империю Великих Моголов, Османскую империю и государства Западной Европы Нового времени.

Надо отметить также, что в монографии выдающегося российского востоковеда И.М. Дьяконова, посвященной новой периодизации истории человечества [Дьяконов, 2007], Китай эпохи Сун относится не к средневековой, а к абсолютистской постсредневековой фазе исторического процесса. К этой же фазе Дьяконов относит и государства Западной Европы XVI–XVIII вв. Китай, по представлениям Дьяконова, является первой страной в мире, вступившей в постсредневековую фазу развития [Дьяконов, 2007. С. 199–203].

1. Элементы экономической модернизации

1.1. Реформа налогообложения и аграрная революция

В имперском Китае налогообложение сельскохозяйственной деятельности (а это был главный вид налогообложения) строилось традиционно по двум факторам. С одной стороны, облагались налогом земли, с другой стороны – работники. По этой причине власти прикладывали усилия для максимизации числа независимых крестьянских хозяйств, обес-

печенных земель в достаточной степени для уплаты налогов и выполнения иных повинностей перед государством. Все эти хозяйства связывались круговой порукой [*История Китая*, 2007. С. 169–170].

Спонтанное имущественное расслоение в деревне, концентрация земель в руках богатых землевладельцев, фактическая приватизация элитой де-юре государственных земель крайне негативно влияли на финансовую и социальную стабильность империи. Крупные хозяйства легче добивались налоговых привилегий и иммунитетов, а также массово коррумпировали сборщиков налогов. Одновременно снижалось количество независимых крестьянских хозяйств; безземельные крестьяне уходили под покровительство крупных землевладельцев или пополняли ряды бродяг и разбойников. По этим причинам власти всячески препятствовали свободному обороту земель.

Ситуация изменилась в конце эпохи Тан. В 780 г. была проведена налоговая реформа, предусматривавшая сохранение только поземельного (имущественного) налога [*Там же*. С. 186]. С этого времени для властей стала безразлична величина хозяйств и количество крестьян, которые обрабатывают в них землю. По сути, налоговая реформа привела к фактическому появлению института частного землевладения и легализации оборота земель. Отметим, что речь не идет о частной собственности на землю – такого понятия тогда не существовало, вся земля формально была императорской. Но с точки зрения развития рыночных отношений частное владение было эквивалентно частной собственности.

Новая достаточно прозрачная система налогообложения стимулировала повышение производительности труда, приводила к высвобождению рабочей силы из сельскохозяйственного производства, ее перемещению в другие отрасли экономики и сделала возможными структурные изменения во всех областях общественной жизни. Два важнейших фактора, обеспечивших наряду с налоговой реформой быстрый рост сельскохозяйственного производства – это внедрение новых сортов риса и общий сдвиг сельскохозяйственного производства на юг Китая. Этот сдвиг означал одновременно и технологическую революцию в возделывании этой культуры. На севере возможности выращивания риса были невелики: сравнительно короткий вегетационный период и мало орошаемых земель. Здесь преобладали иные культуры: сорго, просо и пшеница.

На юге изначально условия для сельского хозяйства были весьма тяжелыми: болота, джунгли и горы. Для выращивания риса здесь были использованы две новые технологии: в равнинных районах – осушение озер и болот и превращение их в польдеры, в горах – террасное земледелие [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 361]. В польдерах высаживали водостойкий рис Ханлу, а в горах – заимствованный из Вьетнама рис Чампа, высокоурожайный и устойчивый к засухам.

Масштабы аграрной революции можно проследить по следующим цифрам: урожайность зерновых за первые полтора столетия империи Сун (период наиболее интенсивного роста) выросла с 8–10 ц/га до 14–16 ц/га, то есть примерно в 1,65 раза, душевое потребление зерна выросло в 1,5 раза. Соответственно общий объем производства зерна вырос в 4,5 раза (при трехкратном росте населения за этот период). Это дает увеличение площади обрабатываемых земель в 2,5 раза и рост производительности труда (при снижении доли населения занятой в сельском хозяйстве с 90 до 70%) в 1,6 раза [*История Китая*, 2007. С. 216; *Мельянцеv*, 1996. С. 57, *Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 428].

1.2. Технологические инновации и рост промышленности

К эпохе Сун в Китае относится максимальное число фундаментальных технологических изобретений, из которых наиболее хорошо известны компас, порох, книгопечатание и бумажные деньги. Менее известны факты широкого применения каменного угля и изобретения современных шлюзов.

Все эти технологические инновации сыграли различную роль в социально-экономическом и политическом развитии Китая. Например, порох в эпоху Сун уже существовал, а артиллерии еще не было, так что изобретение пороха мало помогало Империи Сун отражать иноземные вторжения, тем более что все военные инновации быстро перенимались ее соседями.

Ключевыми технологическими инновациями в социально-экономическом развитии Китая, по нашему мнению, стали использование каменного угля и книгопечатание. Причем каменный уголь сыграл важную роль в экономическом развитии, а книгопечатание – в социальном.

Начало широкого использования каменного угля в эпоху Сун было вызвано двумя факторами: с одной стороны, резким ростом производства железа и фарфора, с другой стороны, исчерпанием запасов леса (для выплавки металла и обжига фарфора использовался древесный уголь). Использование каменного угля сняло ограничения на развитие металлургии, связанные с дефицитом древесного угля, а более высокая температура горения каменного угля позволила повысить эффективность выплавки и качество металла. В производстве фарфора переход на каменный уголь также привел к повышению качества продукции [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 375–377].

Компас поначалу применялся в целях правильной ориентации зданий и сооружений (с точки зрения фэн-шуй), в геодезии (в эпоху Сун в Китае уже умели изготавливать удивительно точные для своего времени карты) и только затем нашел применение в мореплавании. Компас оказался незаменим при дальних морских путешествиях, которые в эпоху Сун обеспечивали основной объем международной торговли, так как Великий шелковый путь в это время был полностью заблокирован государством тангутов (Западное Ся).

Развитие морской торговли стало важным стимулом для развития судостроения, в это время в Китае начали строиться самые большие в мире корабли, пригодные для длительного плавания в открытом море. Благодаря успехам судостроения и использованию компаса, китайские мореходы сильно потеснили арабских и персидских купцов на путях из Китая в Индию и Аравию. Кроме чисто торговых судов стали появляться пассажирские суда для плаваний по внутренней водной сети, а также был создан внушительный военный флот [*Op. cit.* Pp. 456–460].

Коммуникации по системе каналов также стали более простыми и дешевыми благодаря изобретению современных шлюзов с двумя воротами. В более ранних шлюзах с одними воротами (гидросливах) лодки между нижним и верхним бьефами приходилось протаскивать с помощью волов на канатах по специально проложенным полозьям. Сооружение новых шлюзов позволило значительно увеличить размеры речных судов и скорость их движения, в несколько раз сократить транспортные затраты [*Needham*, 1971. Pp. 357–360].

Почти все ключевые отрасли китайской экономики демонстрируют в период империи Сун необычайно динамичный рост. Производство железной руды в Китае в IX–XI вв. выросло в 12 раз, производство меди – в 30 раз. Производство железа к концу XI в. достигло 1,3–1,5 т на душу населения. Подобный уровень подушевого производства был достигнут в Западной Европе только в первой половине XVII в. [*Мельянцев*, 1996. С. 57].

Отметим, что динамичный рост производства железа косвенным образом указывает как на рост капиталовооруженности труда, так и на увеличение нормы накопления: железо используется почти исключительно для производства орудий производства. Действительно, производство железа за первые 150 лет Северной Сун увеличилось примерно в восемь раз, тогда как численность населения – в три раза.

Рост производства керамики и тканей трудно точно оценить из-за отсутствия статистики, однако по косвенным оценкам (количество печей для обжига керамики и фарфора, налоговые поступления по провинциям) производство керамики и тканей также

росло опережающими темпами. Важными признаками, указывающими на быстрый рост производства керамики и тканей, являются переход высшего класса на фарфоровую посуду вместо золотой и серебряной, массовый экспорт китайского фарфора во все страны Азии, употребление низшими слоями населения керамической посуды вместо глиняной, распространение шелковых тканей даже в деревнях [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 370–377].

Теперь попробуем оценить темпы роста ВВП Китая в эпоху Сун. Нас будет интересовать отрезок 960–1100 гг. как период наиболее быстрого экономического роста. По оценкам В.А. Мельянцева, подушевой ВВП Китая в период 800–1100 гг. вырос в 1,6–2,0 раза. Мы смело можем отнести весь этот прирост на период 960–1100 гг., поскольку в 800–960 гг. Китай проходил через династический кризис и эпоху междоусобных войн, так что ВВП в это время скорее падал, чем рос. Теперь о численности населения: в первые годы династии Сун в стране было 6,5 млн домохозяйств (учет велся именно по домохозяйствам). К 1100 г. число домохозяйств достигло 20 млн, что при гипотезе стабильности состава домохозяйств дает трехкратный рост населения. Таким образом, рост ВВП Китая за этот период составил примерно 5,4 раза [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. *Период Пяти династий...*, 2016. С. 428; Мельянцева, 1996. С. 57].

1.3. Развитие торговли

Несмотря на динамичное экономическое, социальное и культурное развитие Китая в эпоху Тан, торговля тогда имела относительно небольшое значение. Природные условия в центральной части Китая, где в то время проживала основная часть населения страны, были достаточно однородными. Аграрная экономика состояла в основном из средних хозяйств, вполне автаркичных на уровне поселений. Налоги уплачивались в натуральной форме зерном и шелковой пряжей, а потребности в непродовольственных товарах удовлетворялись путем прямого обмена внутри сельской общины. За деньги приобретались разве что металлы и соль.

Торговля как внутренняя, так и международная (по Великому шелковому пути и в меньшей степени по морю) была ориентирована на удовлетворение потребностей государства и правящего класса [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 492].

Ситуация радикально изменилась в эпоху Сун. Во-первых, в связи с повышением урожайности и укрупнением аграрных хозяйств на юге страны, в них стали накапливаться значительные излишки зерна, которые могли быть направлены на рынок. Во-вторых, произошло заметное снижение производства зерна на севере, вызванное эрозией почв, песчаными бурями и катастрофическими наводнениями на реке Хуанхэ, особенно во второй половине XI в., когда река несколько раз меняла русло [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. *Период Пяти династий...*, 2016. С. 435). В то же время основные зоны промышленного развития исторически располагались на севере (производство металлов, фарфора и шелка).

Такая ситуация способствовала формированию единого национального рынка, на котором потоки зерна шли с юга на север, а промышленные товары и соль – с севера на юг. Основой для внутренней торговли стала усовершенствованная водная система рек Хуанхэ и Янцзы, связанная так называемым Большим Каналом, построенным в меридиональном направлении [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 324].

Развитие торговли вызвало к жизни новые финансовые инструменты. Одним из таких инструментов стали депозитные сертификаты. Дело в том, что Китай исторически испытывал нехватку золота и серебра, которые использовались в основном для тезаврации, так что основным видом денег были медные монеты (а кое-где и железные). При растущих объемах торговых операций вес монеты, вовлеченной в обслуживание торговли, стано-

вился сопоставимым с весом самих товаров. В связи с этим были оборудованы хранилища для монет, выдававшие их владельцам сертификаты, которые использовались как средства платежа. По экономической природе – это частные банкноты, хотя сами по себе хранилища не были банками. В XI в. также отмечено появление векселей [Op. cit. Pp. 210–211].

К концу XI в., несмотря на быстрый рост производства меди, медных денег стало не хватать для обслуживания торгового оборота, так что китайское правительство начало выпуск бумажных денег и почти сразу столкнулось с проблемой инфляции. Инфляция, возникавшая при широком использовании бумажных денег, порождала серьезные структурные проблемы в экономике страны [Op. cit. Pp. 210–211].

Наиболее сложные финансовые и организационные инструменты использовались во внутренней торговле и для финансирования дальних морских путешествий. Здесь появились аналоги таких организационных форм, как товарищества с ограниченной ответственностью и коммандитные товарищества, причем исторические источники отмечают большое число мелких пайщиков, участвующих в подобных товариществах. [Op. cit. Pp. 403–405].

Развитие торговли само по себе способствовало углублению специализации в производственной сфере. Возможность относительно дешево и быстро перевозить продукцию по территории страны привела к развитию региональной специализации в выращивании определенных сортов риса и чая, производстве различных типов фарфоровой посуды и тканей [Op. cit. Pp. 368–369]. Эта диверсификация производства и потребления в меньшей степени затрагивала низшие слои населения и была прежде всего ориентирована на средний класс, который сосредотачивался в растущих городах Китая.

1.4. Урбанизация и городская революция

Империя Сун была по меркам того времени высокоурбанизированным обществом. Степень урбанизации Китая в эпоху Северной Сун достигала 20%, в Южной Сун – до 25% [Хи, van Leeuwen, van Zanden, 2018. Pp. 343–344, Мельянцеv, 1996. С. 59]. Это наиболее высокие показатели урбанизации среди всех обществ доиндустриальной эпохи.

В условиях ранней модернизации индустриализация и урбанизация были связаны только косвенно (через торговлю). Промышленных городов в строгом смысле этого слова в Китае не было, поскольку промышленность была жестко привязана к главному источнику механической энергии – падающей воде и, в меньшей степени, к главному источнику тепловой энергии – каменному углю. Это же относится и к легкой промышленности, имевшей в значительной мере сельский характер, хотя наиболее дорогие виды шелка производились городскими мануфактурами в провинциальных центрах, так как транспортировка пряжи не представляла большой проблемы [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 372–373]. Существенным исключением из этого правила было размещение основных оборонных предприятий в столице Северной Сун – Кайфэне, видимо для лучшего пригляда [Op. cit. Pp. 233–234].

Города в империи Сун функционировали преимущественно как административные и торгово-логистические центры при широком развитии градообслуживающих видов деятельности. Действительно, главное в китайской урбанизации, происходившей на рубеже тысячелетий, это не количественный рост городского населения, а изменение качества городской среды, которое получило название городской революции [История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 755].

Городская жизнь вообще и городская торговля в частности в эпоху Тан жестко регулировались. В сельской местности функционирование рынков разрешалось только в центрах уездов, а в городах – только в специально отведенных для этого кварталах. Время работы рынков строго регламентировалось, более того, вечером городские ворота наглухо закрывались, ночная жизнь в городах отсутствовала [История Китая, 2007. С. 180].

В эпоху Сун эта ограничительная регламентация была *de facto* отменена. В сельской местности рынки стали возникать везде, где это было удобно; затем они стали основой для возникновения новых, так называемых, «внешних» городов, обслуживающих функционирование этих рынков. В существующих городах перестали действовать все ограничения по времени и месту осуществления рыночных операций, города начали расти за пределами городских стен, городская жизнь стала круглосуточной, и все улицы стали торговыми. Впрочем, торговля и ремесло были здесь еще не вполне отделены, поскольку многие предметы потребления изготавливались локальными мастерскими и продавались на месте [Там же. С. 213–214].

Высокая плотность населения в городах стимулировала многоэтажное строительство, причем, если в Кайфэне дома строились обычно в три этажа, то в Ханчжоу (столице Южной Сун) уже в пять этажей. Есть сообщения и о восьмиэтажных зданиях. В Ханчжоу уже четко фиксируется разделение города на элитную южную часть, где были расположены большие виллы на холмах в окружении садов, и северную припортовую, где жила беднота в стесненных условиях многоэтажных домов, так что каждая семья занимала один этаж [Gernet, 1962. P. 33].

По описаниям современников столица Северной Сун по разнообразию магазинов и ресторанов, а также плотности их расположения, не уступала крупнейшим городам нашего времени, а возможно и превосходила их. В Кайфэне было около 50 театров, в том числе четыре театра с вместимостью до нескольких тысяч зрителей. Большое развитие получила система социальных клубов по интересам: чайные клубы, клубы любителей экзотической кухни, клубы собирателей антиквариата и предметов искусства, клубы любителей верховой езды, поэтические и музыкальные клубы [Ebrey, Walthall, Palais, 2006. P. 167].

Подобная структура городских поселений надолго пережила эпоху Сун. Количество и средние размеры городов продолжали расти и в дальнейшем, но в силу опережающего роста аграрного населения степень урбанизации Китая к середине XIX в. упала по сравнению с эпохой Сун в два раза [Lu, van Leeuwen, van Zanden, 2018. P. 347; Мельянцева, 1996. С. 72].

2. Элементы социальной модернизации

2.1. Система государственных экзаменов и социальная мобильность

Система экзаменов для замещения государственных должностей не была нововведением эпохи Сун. Подобная система существовала уже в империи Тан. Однако эта система была далеко не всеобщей, а участники экзаменов были представителями семей наследственной аристократии. И в целом высшие государственные должности в империи Тан замещались представителями аристократии.

Ситуация радикально поменялась в эпоху Сун. В смутное время, охватывающее эпоху поздней Тан и период пяти династий (755–960 гг.), старые аристократические фамилии по большей части исчезли. Военное сословие было сильно дискредитировано постоянным участием в мятежах и гражданских войнах. Поэтому попытка новой династии опереться на немногочисленный в ту пору образованный класс и расширить его ряды была разумным решением. [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 291].

В итоге система экзаменов была серьезно расширена и трансформирована. Впервые десятилетия империи Сун сформировалась трехуровневая система испытаний, которая в своих основных чертах сохранилась до конца имперского периода. Экзамены первого уровня проводились в провинциальных центрах, откуда лучшие студенты по региональным квотам отбирались для участия в столичном экзамене второго уровня. Прошедшие второй этап допускались к испытаниям третьего уровня, где частью экзамена было собеседование с императором. Прохождение каждого тура предполагало доступ к определенному кругу должностей государственной службы, причем кандидаты, показавшие лучшие результаты, получали степень с отличием или специальную рекомендацию на службу [История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 166–167].

Особые усилия были приложены для обеспечения объективности результатов. Устные экзамены, характерные для эпохи Тан, были заменены на письменные испытания, более того, экзаменационные работы переписывались специальными клерками с тем, чтобы экзаменатор не мог узнать почерк экзаменуемого [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 292].

Новая система обеспечивала замечательную вертикальную мобильность. По оценкам современных исследователей, в период 998–1126 гг. 31% чиновников высокого ранга составляли выходцы из семей чиновников низкого ранга и провинциальных элит, 47% – из бедных семей и только оставшиеся 22% – из семей знати и высшего чиновничества [*Op. cit.* P. 34].

Прохождение государственных экзаменов было не единственным способом доступа к карьере чиновника. Достаточно часто на гражданскую службу переходили венные – за особые заслуги или по выходу на пенсию [*Op. cit.* P. 58]. Чиновничьи звания также могли покупать себе за большие деньги торговцы и землевладельцы.

Однако наиболее распространенным альтернативным каналом поступления на государственную службу было использование особой «защитной привилегии», позволявшей высшим чиновникам продвигать своих детей и родственников на государственную службу без прохождения экзаменов. Чем выше было положение чиновника, тем большему количеству родственников он мог представить такую привилегию, и тем выше была ступень государственной службы, на которую они могли быть назначены [*История Китая с древнейших времен... Т.IV. Период Пяти династий...*, 2016. С. 168].

В то же время чиновники, получившие должность через защитную привилегию, всегда считались государственными служащими второго разбора. Система экзаменов позволяла ее участникам быстрее получать высокие чины, и им же отдавалось предпочтение при назначении на руководящие должности в имперской администрации. [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 57]

2.2. Элиты и формирование среднего класса

Функционирование системы государственных экзаменов коренным образом изменило структуру общественной элиты – теперь в нее могли попасть только люди с высоким уровнем образования. Меньшую часть этой группы составляли члены императорской фамилии, получавшие лучшее образование в стране (ведь император должен был принимать экзамены высшей ступени), большую часть группы составляло высшее чиновничество. Ни немногочисленные потомки аристократических семейств, ни богатые землевладельцы, ни тем более торговцы не имели никаких шансов попасть в элиту, если они не имели формального образования.

Поэтому обеспеченные слои общества стремились к тому, чтобы их сыновья с раннего возраста получали хорошее образование и могли участвовать в экзаменах. Дочерей также предпочитали выдавать за обладателей ученых степеней. С этим связана тенденция увеличения размеров приданого, характерная для эпохи Сун, – здесь богатство разменивалось на статус [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 591–594].

Для бедных же семей хорошее образование было надежным путем для обретения богатства: положение чиновников обеспечивало им не только высокие оклады, но и возможность инвестировать эти средства в земледелие, промышленность и торговлю. Общественная обстановка в стране была такова, что ни одно из этих занятий не казалось предосудительным не только для чиновников, но даже для членов императорской фамилии [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 79].

В бедных семьях начальное образование часто финансировалось обеспеченными родственниками (многие выдающиеся деятели эпохи Сун происходили из небогатых,

а иногда и неполных семей). В крайнем случае, способных детей отдавали на обучение в монастыри. Многие чиновники после выхода на пенсию и возвращения на родину открывали в своих селениях бесплатные начальные школы.

Впрочем, к концу XI в. в Китае сформировалась единая образовательная система, нижнюю ступень которой представляли начальные государственные школы, созданные во всех уездах и провинциях. Для обеспечения деятельности начальных школ государство выделяло из своего земельного фонда специальные школьные земли, доходы от которых шли на содержание школ и их учеников.

Все это создавало в обществе культ образования и грамотности, так что высокий социальный статус имели не только чиновники, но также выпускники школ и университетов, либо не сдавшие экзамен на должность, либо сдавшие экзамен, но не поступившие на государственную службу. Все вместе они составляли так называемое образованное сословие, определяемое европейцами термином “*literati*”. Единые образовательные программы, совместное обучение в школах и университетах создавали в этом образованном сословии высокий уровень взаимопонимания и взаимной поддержки. Именно образованное сословие стало основой нарождающегося в Китае среднего класса: торговцы и землевладельцы широко перенимали его поведенческие стандарты и образ жизни.

Масштабы китайской образовательно-экзаменационной системы были огромны: количество одновременно обучающихся студентов на рубеже XI–XII вв. достигало 200 тыс. человек [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 302]. Такое расширение масштабов обучения стало возможным благодаря изобретению книгопечатания.

2.3. Книгопечатание и распространение грамотности

Книгопечатание было изобретено в Китае еще в последние годы правления династии Тан и получило применение в период междуцарствия (Пяти Династий, 907–960 гг.) прежде всего для распространения классических конфуцианских и буддистских книг. Печать осуществлялась со специальных досок, на которые с бумаги переносился текст, написанный тушью. Несколько позднее в Китае был изобретен и подвижный наборный шрифт, но он мало подходил для китайской письменности (слишком большое число иероглифов) и не обеспечивал такую качественную печать, как печать с досок [*История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий...*, 2016. С. 598–591].

По-настоящему широко книгопечатание начало использоваться Директоратом образования Северной Сун для обеспечения учебной литературой школ и университетов. Издавались также классические работы по философии и комментарии к ним, словари и работы по филологии, книги по истории и энциклопедии, труды по астрономии и математике. Особое внимание правительство уделяло широкому распространению знаний по медицине и агрономии, такие книги печатались большими тиражами для всех провинций страны.

Изначально печатное дело находилось в частных руках. После создания государственных типографий власти долго и безуспешно боролись с частным книгопечатанием, в значительной степени потому, что частные типографии готовили сокращенные антологии для студентов и экзаменуемых – так что студенты вместо первоисточников читали антологии [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 546].

Предпринимались попытки введения цензуры, в частности императорские указы предписывали направлять все издаваемые частными типографиями книги на согласование в Директорат образования. Частота издания подобных указов говорит о том, что эффективной цензуры в империи Сун не было. В конечном счете, уже в эпоху Южной Сун государство отказалось от содержания государственных типографий и начало размещать свои заказы в частных типографиях [*Op. cit.* Pp. 547–548, 553].

Широкое распространение образования и печатных книг привело к беспрецедентному росту грамотности. Уровень грамотности, достигнутый в эпоху Сун, оценивается в 20–30% [Мельянцева, 1996. С. 59]. Это надо расценивать как замечательное достижение. Хотя в предшествующие эпохи существовали общества с более высоким уровнем грамотности, например греческие полисы, там все же использовалось алфавитное письмо. Изучение китайских иероглифов требует значительно больших усилий.

Высокая грамотность населения в Китае засвидетельствована большим потоком печатной продукции, ориентированной на средние и низшие слои населения. Так, наряду с официальными газетами здесь выпускались частные информационные листки, содержащие неофициальную информацию о деятельности правительства, а иногда и секретные материалы. Частные типографии печатали также справочники по домашнему хозяйству, издания по медицине, юридические справочники. В большом количестве печатались географические карты и пособия по их чтению, для развития морской торговли, кроме карт, важное значение имели морские лоции и таблицы приливов и отливов [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 553–559]. Наконец, важным следствием развития книгопечатания стало распространение грамотности среди женщин.

2.4. Эмансипация женщин

Положение женщины в китайском обществе эпохи Сун представляется наиболее независимым по сравнению с любым периодом имперской истории до или после династии Сун. В эмансипации женщин сыграл роль ряд обстоятельств.

Во-первых, уже упоминалось, что рост статуса образованного сословия стал поводом для увеличения размеров приданого. Во-вторых, по китайскому законодательству замужние женщины лично контролировали использование своего приданого, и любая собственность, приобретенная с помощью приданого, была исключительной собственностью жены. В-третьих, незамужние дочери, в случае смерти отца, получали долю наследства, которая была равна половине доли сына. В-четвертых, после развода (если он случался) или смерти супруга у женщины оставался весь ее капитал, и она вполне могла открыть собственное дело [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 586–588].

В китайском законодательстве ничто не препятствовало женщине вести собственный бизнес. Женщины владели чайными домиками, магазинами и ресторанами, аптеками, швейными мастерскими. Были женщины, которые практиковали народную медицину и иглоукалывание, работали акушерками [Op. cit. P. 584].

В общественной жизни положение женщины было тоже весьма эмансипированным. Обычай держать жен дома и не допускать их к общественным мероприятиям в это время еще не сложился. На такие мероприятия мужчины высшего класса приходили с женами, в том числе и на торжественные религиозные церемонии, которые шуточно называли «состязаниями ювелирных украшений». Еще более свободными в общественной жизни были женщины среднего класса [Op. cit. Pp. 572–574].

Важным фактором женской эмансипации стало распространение грамотности. В целом женщины проводили времени дома больше, чем мужчины, и теперь у них появилась еще одна возможность общения – писать друг другу письма, что выглядит вполне в духе европейского XVIII в. Это способствовало их более широкой социализации, выходящей за пределы родственного клана.

С распространением грамотности среди женщин высшего и среднего класса у них появилась еще одна роль – начальное обучение детей. Поскольку обучение велось дома, то начальное образование получали и мальчики, и девочки. Таким образом, не только воспроизводилась женская грамотность, но в перспективе повышался и общий образовательный уровень женщин [Op. cit. P. 589].

2.5. Религиозная веротерпимость²

Китайская цивилизация с конфессиональной точки зрения является уникальной. В Китае никогда не было господствующей религии. Господствующая идеология имперского Китая – конфуцианство – по сути является не религией, а философско-этической системой. Время от времени конфуцианство пытались превратить в религию, например, в начале эпохи Сун активно строились храмы, посвященные Конфуцию.

В древнем Китае религиозные представления включали почитание Неба (верховное божество), главным жрецом культа которого был сам Император (сын Неба). Наряду с этим существовал культ предков и культы локальных божеств или духов. За несколько веков до нашей эры в качестве одной из философских школ возник даосизм, который в течение короткого исторического времени трансформировался в религию. Наконец, на рубеже Новой эры в Китай пришел буддизм. Буддисты и даосы постоянно конкурировали между собой за влияние на двор, так что ни одна из этих религий не могла завоевать господствующее положение.

В целом сунский Китай нельзя назвать секулярным обществом, религия играла важную роль в повседневной жизни, однако все могли выбрать религиозный культ по своему вкусу, так что религиозный фактор никак не препятствовал экономическому, социальному и политическому развитию Китая. Именно эпоха Сун была в имперском Китае временем максимальной веротерпимости.

3. Зрелое естественное государство в Китае

В исторической перспективе империя Сун представляется в высокой степени политически стабильным обществом. В течение 315 лет эпохи Сун страной правили пятнадцать императоров. Средняя продолжительность правления – 22 года. Средний возраст вступления на престол – 26 лет, средний возраст смерти – 52 года. В отличие от других династий здесь ни один император не был отравлен или принужден к отречению. Здесь не было ни гражданских войн, ни военных мятежей, Такая стабильность выглядит уникальной не только по азиатским, но даже по европейским меркам.

Династия Сун была единственной китайской династией, падение которой не было связано с династическим кризисом. Все остальные великие династии (Хань, Тан, Мин и Цин) завершались периодом внутренних неурядиц, крестьянских восстаний и гражданских конфликтов. В отличие от этих династий Южная Сун, даже в период ожесточенной войны с монголами, сохраняла внутренний порядок, эффективную экономику и была способна до самого конца материально и финансово поддерживать воюющую армию.

Такая стабильность обеспечивалась весьма изощренным механизмом внутренней администрации, который в определенной степени основывался на принципе разделения властей и широко использовал систему сдержек и противовесов.

² *Примечание редакции:* термин «веротерпимость» в случае Китая не совсем корректен. Китайские власти ограничивали религиозные организации только тогда, когда те формировали параллельную иерархическую структуру и угрожали самой власти. К самой «религии» или «вере» это никакого отношения не имеет. Наличие религиозного синкретизма само по себе говорит о религиозной свободе, а он сформировался гораздо раньше эпохи Сун.

3.1 Административное устройство империи

Основу имперской администрации составляло Правительство, по традиции включавшее в себя шесть министерств³ (государственной службы, финансов, обороны, юстиции, ритуалов и общественных работ), и Цензорат – основной контрольный орган. Наряду с Цензоратом в середине XI в. был создан новый орган – Бюро обзора политики. Разделение труда между Цензоратом и Бюро состояло в том, что Цензорат следил за поведением чиновников, а Бюро информировало императора о последствиях принимаемых правительством решений. Оба органа обладали правом прямого доклада императору и не были обязаны информировать руководителей администрации и министров о своих расследованиях [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 103–105].

Центральный аппарат имперской администрации состоял из трех частей: Секретариат, Канцелярия и Департамент внутренних дел. Секретариат докладывал вопросы императору и получал его резолюции, Канцелярия оформляла документы, а Департамент внутренних дел доводил решения до министерств и контролировал их исполнение. Руководили центральной администрацией два Главных советника, один из которых возглавлял Секретариат, а другой – Канцелярию.

Подготовка документов осуществлялась вполне современно: соответствующее министерство готовило инициативу, тема докладывалась императору, после получения его принципиального одобрения проект указа подлежал согласованию с заинтересованными ведомствами и через Секретариат поступал на подпись императору. Принципиально важным моментом была возможность Канцелярии остановить уже подписанный императором указ, если в его тексте обнаруживались противоречия с действующим законодательством [Op. cit. Pp. 112-126].

Основной совещательный орган при императоре – Государственный Совет, в котором состояли оба Главных советника, их заместители, а также несколько руководителей Комитета по военным делам, который не входил в структуру гражданской администрации [Op. cit., P. 98].

Одной из больших проблем Китая, как и других средневековых империй, было избыточное влияние двора на проведение внутренней политики. Пользуясь близостью к телу императора евнухи, жены и наложницы лоббировали те или иные решения (в том числе и кадровые). С целью ограничения влияния двора на политику Империи была создана специальная Служба Императорского двора, которая занималась организацией всей дворцовой жизни, а ее сотрудники (сотрудницы) имели соответствующие ранги государственной службы.

Для уменьшения влияния гражданской элиты на функционирование Службы в ее штат принимались преимущественно девушки из семей военных, а назначения евнухов контролировались Комитетом по военным делам. Императрицы, имевшие большое политическое влияние (они традиционно выполняли функции регентов при малолетних императорах), также происходили из элитных семей генералов, участвовавших в возведении на трон первого императора династии [Op. cit. Pp. 87–90].

Важную роль в работе администрации играли так называемые академические советники. В основном это были выдающиеся ученые и литераторы, имевшие высшие чины государственной службы. Они использовались в нескольких форматах. Советники по очереди несли круглосуточное дежурство во дворце (по несколько человек одновременно).

³ *Примечание редакции:* шесть ведомств и трехпалатный государственный аппарат существовали в Китае традиционно, при этом каждый новый правитель старался противопоставить традиционной бюрократической машине какой-то орган, подчиняющийся непосредственно ему. Здесь не прослеживается специфика собственно эпохи Сун.

Основная функция этих дежурных советников состояла в подготовке проектов указов и иных документов по личному поручению императора.

Другим модусом взаимодействия императора и академических советников были специальные академические сессии, в которых по инициативе императора обсуждались классические и исторические тексты. При этом целью обсуждений было не столько подробное изучение истории, сколько поиск прецедентов, которые могли бы помочь в решении текущих проблем [Op. cit. Pp. 92–94].

Вся эта система была направлена на преодоление фундаментального дефекта, свойственного абсолютным монархиям, а именно принятия монархом дискреционных решений без обсуждения их последствий. Сложная система подготовки управленческих решений и законодательных актов, их всестороннее обсуждение и наличие большой группы экспертов, замыкающихся лично на императоре, позволяли в максимальной степени преодолеть этот дефект. В то же время система сдержек и противовесов обеспечивала взаимный контроль подразделений императорской администрации за качеством управленческих решений, принимаемых на более низких ее уровнях.

Большая часть чиновников высшего уровня имела одинаковый бэкграунд – все они учились в университетах и сдавали одни и те же экзамены. Общность образования несомненно помогала им эффективно сотрудничать. Но эти высокообразованные люди были весьма амбициозны и имели разные представления о том, как должна развиваться страна. Это приводило к формированию в имперской администрации политических фракций, которые создавались, конечно же, не только по идеологическим признакам: здесь играли роль региональные связи, а также патрон-клиентские отношения. Эти фракции некоторыми исследователями определяются как протопартии.

Основной проблемой фракций было то, что они не могли быть институционализированы. Попытки некоторых лидеров фракций добиться их формальной институционализации наталкивались на сильное сопротивление императоров и Главных советников, так как любые горизонтальные связи между чиновниками напоминали высшему руководству о возможности заговоров [Op. cit. Pp. 634–635].

Фракционная борьба в руководстве страны к концу XI века⁴ приобрела довольно жесткие формы: приход к власти одной из фракций сопровождался чисткой государственного аппарата от сторонников других фракций. Правда, в империи Сун чистки аппарата не сопровождалась репрессиями – сторонников фракции, проигравшей очередной раунд аппаратной борьбы, в лучшем случае назначали на почетные, но малозначимые должности, в худшем – отправляли на службу в отдаленные провинции.

3.2. Централизованный политический контроль над вооруженными силами

Наличие централизованного политического контроля над вооруженными силами в теории социальных порядков Норта является одним из пороговых условий для перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Установление политического контроля над армией представляло серьезную проблему для первых императоров династии Сун, так как в период династического кризиса 755–960 гг. власть в Китае была полностью сосредоточена в руках командиров крупных воинских подразделений.

⁴ *Примечание редакции:* автор не останавливается на реформаторском движении в середине XI века, одном из крупнейших за всю историю Китая. Именно в это время реформаторы делали попытки первых крупномасштабных «либеральных» реформ в стране. Реформаторы старались пересмотреть традиционные устои и сделать государственное управление более эффективным и соответствующим новым тенденциям, происходившим в экономике и обществе (см., например: Zhao, Xuan & Drechsler, Wolfgang (2018). Wang Anshi's economic reforms: Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China. Cambridge Journal of Economics).

Поэтому политика первых императоров династии Сун была нацелена на обеспечение контроля над армией. Высшим органом военного управления стал Комитет по военным делам, который все в большей степени заполнялся гражданскими служащими. В то же время в придворной службе сохранилось Бюро верховного главнокомандующего, под руководством которого функционировали три командования: Дворцовой гвардии, Столичной конной гвардии и Столичной пехотной гвардии [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 214–215].

Особенностью управления войсками в Империи Сун было то, что имперские армии состояли в ведении одного из трех Гвардейских командований, а при их дислокации в провинции в каждом провинциальном центре находились полки армий, подчиненных разным Гвардейским командованиям, что мешало их командирам договариваться между собой. На провинциальном уровне гражданский контроль был реализован путем постепенной передачи полномочий региональных военных комиссаров префектам провинций [Op. cit. P. 217].

В этом раскладе основным механизмом сдержек и противовесов являлась конкуренция между Комитетом, в котором преобладали гражданские служащие, и Бюро, которое состояло из армейцев. При этом статус руководителей Комитета был выше, чем статус руководителей Бюро, именно руководители Комитета заседали в Государственном Совете. Все перемещения армий также осуществлялись только по указанию Комитета. Конкурировали между собой и Гвардейские командования, осуществляя взаимный контроль в интересах императора.

Существует точка зрения, что относительно низкий статус военнослужащих в сравнении с гражданскими чиновниками был главной причиной поражений имперских войск в войнах с северными соседями. На самом деле существовали важные структурные и исторические причины относительной военной слабости имперской армии.

Во-первых, главную ударную силу армий того времени составляла конница. Но после потери северных провинций, где были сосредоточены основные пастбища, империя Сун никогда не имела лошадей в достаточном количестве. Да и в китайской воинской культуре выездка не была распространенным искусством, а относительная сила конницы предшествующей династии Тан была связана с большим распространением степного элемента в ее северных приграничных областях [*История Китая*, 2007. С. 152–154].

Малочисленность китайской конницы крайне затрудняла ведение наступательных боевых действий и маневренной войны на степных равнинах центрального Китая. Впоследствии в южных регионах Китая с их обилием гор, лесов и водных потоков имперская армия вела боевые действия на порядок эффективнее.

Во-вторых, разными были и принципы комплектования армий. Имперская армия в значительной степени комплектовалась из наемников, которых в этот период было предостаточно: разорившиеся крестьяне, которые не хотели быть арендаторами и не могли найти работу в городах, охотно шли в солдаты. Прямо скажем, это были деклассированные элементы. В армию отправляли уголовных преступников (только во вспомогательные части, так называемые провинциальные армии), а также участников незаконных вооруженных формирований, сдавших властям, таких, например, как герои классического романа «Речные заводи» [*Ши Най-ань*, 2014].

Армии же северных соседей Империи по сути своей были народным ополчением. Здесь каждый мужчина с детства был обучен верховой езде и конной охоте. Подразделения варварских армий представляли собой отдельные кланы и племена и были связаны тесными родственными и соседскими связями. Ясно, что боеспособность этих армий была существенно выше.

Тем не менее при всех этих объективных слабостях имперской армии монголам потребовалось целых 45 лет, чтобы завоевать Южную Сун, при том, что на завоевание дру-

гих стран у них уходило всего по несколько лет. На мой взгляд, это говорит о необычайной экономической, политической и военной конкурентоспособности социального порядка империи Сун, а вовсе не о том, что это был тупиковый путь развития [Гайдар, 2005. С. 169].

3.3. Верховенство права для элит

Китайская система правосудия уже в раннеимперский период отличалась высокой степенью организации и упорядоченности. Правовой Кодекс империи Тан 737 г. не только стал основой всего позднего права имперского Китая, но также сильно повлиял на законодательство других стран Восточной Азии [История Китая, 2007. С. 176]. В определенном смысле можно сказать, что верховенство права для элит было обеспечено уже в империи Тан, а в эпоху Сун эффективной судебной системой могло пользоваться уже все население Китая.

Судебная система империи Сун была, с одной стороны, совершенно иерархической, включающей три уровня судов: местные, провинциальные и верховный суды. Но, с другой стороны, в этой системе на всех уровнях присутствовали механизмы взаимного контроля судебных функционеров.

Так, уже на уровне уездов имелось два типа судей: судьи-дознаватели, которые устанавливали вину подсудимых, и судьи, устанавливающие меру наказания. Впрочем, на уровне уездов приговоры выносились лишь по очень мелким делам. В большинстве случаев материалы дела отправлялись в провинциальные суды вместе с предложенными местными судьями мерами наказания [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 266].

На уровне провинций существовало несколько судебных присутствий, которые могли использоваться как в качестве судов первой степени по более важным делам, так и для рассмотрения дел по апелляциям. Дело, рассмотренное одним из провинциальных судов, могло затем рассматриваться по апелляции другим провинциальным судом [Op. cit. P. 267].

Для контроля качества правосудия были установлены специальные процедуры.

Во-первых, дела, связанные с тяжкими преступлениями, подвергались автоматической проверке на более высоком уровне. Самые тяжелые по наказаниям приговоры утверждались в столице (решения о ссылке утверждались министерством юстиции, а смертные приговоры – только императором после их рассмотрения в Секретариате).

Во-вторых, специальные судебные инспекторы посещали провинциальные суды, беседовали с заключенными и имели право инициировать пересмотр дел, поручать ведение нового расследования другому дознавателю, а также переносить слушание дел в другое судебное присутствие, если для этого были веские основания [Op. cit. P. 268].

Эти процедуры были следствием применения общего принципа китайского правосудия о необходимости выявления несправедливых судебных решений. В частности, решение суда могло быть пересмотрено вне зависимости от времени его принятия, а власти империи устанавливали специальные поощрения для чиновников, способствовавших выявлению судебных ошибок и злоупотреблений. Отметим также, что классический китайский труд по судебной медицине, написанный в XIII в. крупным государственным чиновником Сун Цзы, называется «Собрание отчетов о снятии несправедливых обвинений» [Ши Тао, Лю Цзе, 2019. С. 137].

В принципе правосудие имело внесловный характер, дела всех подданных империи рассматривались в единой системе судов, за исключением разве что армии, для которой существовала система военных судов, замыкающаяся, как и все гражданские суды, на Верховный Суд.

Все же правосудие не было одинаковым для всех. Население страны делилось фактически на три категории: высшие чиновники, обычные подданные и пораженные в правах группы.

Самым главным преимуществом для чиновников было то, что к ним не могли быть применены пытки, которые были законодательно установленной частью процесса дознания. К ним также не применялись телесные наказания (побой), которые представляли собой низшие степени наказания для простолюдинов. Телесные наказания для чиновников были заменены на снижение их бюрократического ранга [*История Китая*, 2007. С. 176]. С другой стороны чиновники в судебном процессе находились под особо пристальным вниманием, так, например, в случае выявления должностных преступлений суд мог начать исследование всей карьеры чиновника на предмет поиска его преступных деяний в прошлом [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 268–269].

Судебной дискриминации подвергалась большая группа населения, а именно сельскохозяйственные арендаторы, основную массу которых составляли крестьяне, собственные наделы которых не обеспечивали их пропитание, либо совсем безземельные. Впрочем, результаты переписей показывают, что безземельных крестьян было мало, большинство сельских жителей владели хотя бы небольшими участками земли [*Op. cit.* P. 349]. Отношения арендаторов с землевладельцами строились по-разному в разных регионах страны. В тех регионах, где была нехватка обрабатываемых земель, они имели в основном рыночный характер, но в регионах с избытком земель осуществлялось фактическое закрепление арендаторов, хотя и в достаточно мягкой форме.

Тем не менее, вне зависимости от региональных особенностей, все арендаторы были поражены в правах. В частности, при совершении преступлений против своего хозяина и его семьи они получали наказание на одну ступень выше положенного по законодательству. Наоборот, хозяева за совершение преступлений против арендаторов получали наказание на одну ступень ниже [*Op. cit.* Pp. 349–350].

Неравным было положение отдельных категорий населения и в гражданских процессах. Представители образованного класса (не только чиновники), хорошо знавшие законы и процедуры, легко выигрывали процессы у представителей низших классов, не осведомленных в различных юридических тонкостях. Поскольку в имперском Китае не было формального института адвокатуры, в эпоху Сун возникает прослойка теневого юридических консультантов и печатаются частным образом специальные справочники, направленные на повышение юридической грамотности непривилегированных слоев населения. Это частично компенсировало информационную асимметрию [*Op. cit.* Pp. 559–562].

3.4. Бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах

В теории социальных порядков [*Норт, Уоллис, Вайнгаст*, 2011] выделяются следующие пороговые условия для перехода из состояния естественного государства к порядкам открытого доступа. Это централизованный политический контроль над вооруженными силами, верховенство права для элит и наличие бессрочно существующих организаций в общественной и частной сферах. Как мы показали выше, в Китае эпохи Сун были обеспечены консолидированный контроль над вооруженными силами и верховенство права для элит.

Теперь посмотрим, как выглядели в Китае бессрочно существующие организации.

Исторически выделяются три типа таких организаций: буддийские монастыри, частные академии, а также цеховые организации ремесленников и купеческие гильдии.

Буддийские монастыри представляли собой наиболее богатые и влиятельные негосударственные организации Китая. Они обладали большими земельными угодьями, основу их неземельного богатства составляли частные пожертвования; в то же время монастыри пользовались существенными государственными льготами (в частности, не платили налоги), что иногда использовалось предпринимателями при организации совместных бизнес проектов с руководством монастырей [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 404].

Монахи также освобождались от государственных работ, что подтверждалось специальными правительственными сертификатами. Эти сертификаты имели хождение на рынке и представляли собой наиболее распространенную ценную бумагу эпохи Сун. Правительство Сун регулярно прибегало к дополнительной эмиссии монашеских сертификатов для пополнения казны [Op. cit. P. 458].

Другую группу негосударственных организаций представляли собой частные академии, которые также были постоянной отличительной чертой китайского общественного ландшафта. Академии были необычно долгоживущими организациями: две из четырех главных академий Китая были конституированы незадолго до воцарения династии Сун, две другие – в начале эпохи Сун. Эти академии в той или иной организационной форме существовали до конца имперского периода Китая. Структурно академии были устроены как современные университетские кампусы: загородное расположение, учебные и жилые помещения расположены неподалеку друг от друга, все это находится в окружении садов и водоемов [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 166].

Важное отличие частных академий от государственных школ и университетов состояло в том, что вторые ориентировали студентов преимущественно на официальные учебные курсы, связанные со сдачей экзаменов, в то время как программы обучения в частных академиях были гораздо более гибкими. Формы занятий включали неформальные беседы, была широко распространена практика приглашения преподавателей из других академий и университетов [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 309–312].

Помимо чисто образовательной академии выполняли еще и функцию выработки идеологии. Именно в частных академиях был возможен плюрализм мнений, здесь вырабатывались конкурирующие идеологии, которые затем ложились в основу программ отдельных фракций государственного аппарата.

Третью группу негосударственных организаций составляли цеховые организации ремесленников, так называемые «хань». Цеха появились еще в эпоху империи Тан, но в это время они имели в большей степени административный характер и были устроены для организации поставок ремесленной продукции в государственную казну. При переходе в конце XI в. от натуральных повинностей к денежному налогу административная функция цехов стала чисто фискальной: теперь сумма налога разверстывалась между участниками цеховых объединений пропорционально их имуществу [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 227].

Так или иначе при снятии ограничений на торговые операции в городах цеха потеряли свою монопольную силу на рынках: теперь, если цех завышал цены на свою продукцию, то при дешевизне перевозки товаров на рынок легко могла прийти продукция из сельских предприятий или из другого региона. В этой ситуации цеха быстро превращались в самоуправляемые профессиональные ассоциации. Эти цеховые структуры также имели долгую жизнь, сохранившись в Китае до середины XX в. [*Стужина*, 1961].

Таким образом, в Китае эпохи Сун мы видим зрелое естественное государство, в котором сформировались все пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа. Это был, вероятно, первый в мировой истории эпизод подобного типа.

Отметим, что в течение последующих столетий Китай не начал переход к порядкам открытого доступа. Напротив, зрелое естественное государство претерпело процесс деволюции к базовому естественному государству, временами превращаясь в хрупкое естественное государство, как это произошло в период Большой Смуты, длившейся с 40-х гг. XIX в. вплоть до 70-х гг. XX в.

Даже сейчас КНР никак не может рассматриваться как зрелое естественное государство, поскольку оно не обеспечивает принцип верховенства права для элит и не поддержи-

вает функционирование негосударственных организаций. Все организации КНР являются фактически государственными, что проявляется, например, в подавлении деятельности ряда религиозных конфессий. Радикальным образом от социального порядка материкового Китая отличается социальный порядок Республики Китай на острове Тайвань, которая находится сейчас в процессе перехода к порядку открытого доступа.

Рассматривая ситуацию с точки зрения социально-экономической модернизации надо отметить, что во многих отношениях эпоха Сун была высшей точкой развития имперского Китая. Хотя экономический рост продолжался и в последующие за эпохой Сун столетия, это был затухающий рост. В империях Юань, Мин и Цин снижались показатели ВВП, производства зерна и железа на душу населения, уровни урбанизации и грамотности. Китай полностью потерял свое лидерство в научно-технической сфере. В следующем разделе мы рассмотрим гипотезы относительно причин замедления социально-экономического развития и деволюции естественного государства в Китае в столетия, последующие за эпохой Сун.

4. Прерванная модернизация в Китае. Гипотезы

4.1. Внешние вторжения

Одна из наиболее очевидных гипотез о сломе модернизационной тенденции в Китае связана с внешними завоеваниями. В конце XIII в., после почти полувековой войны, Китай был завоеван монголами, которые провозгласили новую имперскую династию Юань. Впервые в своей истории Китай полностью оказался под властью иноземных завоевателей. Однако империя Юань просуществовала по историческим меркам совсем недолго. Уже в 1351 г. в Китае начались массовые антимонгольские восстания, которые привели в 1368 г. к падению династии Юань, изгнанию монголов из Китая и воцарению китайской династии Мин (1368–1644 гг.).

Второе завоевание Китая иноземцами (маньчжурами) произошло в XVII в. Накануне вторжения в течение 1628–1644 гг. весь центральный Китай был охвачен антиправительственным восстанием, что помогло маньчжурам в 1644 г. захватить Пекин и провозгласить новую династию Цин. Однако после этого вооруженное сопротивление маньчжурской династии продолжалось еще 38 лет до 1682 г.

Иноземные вторжения привели к массовым жертвам и разрушениям. Во время монгольского вторжения Китай потерял одну треть населения, во время маньчжурского – одну шестую [Мельянцеv, 1996. С. 63]. Особым разрушениям и опустошениям подвергалась при этом центральная часть Китая, юг страны меньше страдал от военных действий и в большей степени сохранял традиционные институты.

Несмотря на то, что при монголах этнические китайцы подвергались большим ограничениям (комендантский час, запрет на изучение иностранных языков и военного искусства), сами монголы довольно быстро ассимилировались. Маньчжуры были склонны к ассимиляции в гораздо меньшей степени. Правительство империи Цин ввело запрет на браки между маньчжурами и китайцами, на использование маньчжурами китайской одежды и даже не разрешало маньчжурским женщинам бинтовать ноги, как это делали китайки.

С другой стороны, маньчжурское правительство ввело унижительное для этнических китайцев требование сбривать волосы на лбу и заплетать оставшиеся волосы в косичку по маньчжурскому образцу. Впрочем, такая дискриминация впоследствии дорого обошлась самим маньчжурам: во время Синьхайской революции 1911 г. китайские повстанцы убивали поголовно не только маньчжуров-мужчин, но и маньчжурских женщин, определяя их по размеру ноги [Цзя Яньли, 2011].

В силу своей малочисленности в сравнении с численностью коренного населения, маньчжуры были вынуждены допустить к управлению государством этнических китайцев.

Тем не менее основные посты в государственной администрации занимали маньчжуры, а маньчжурские императоры в наибольшей степени прислушивались к советам своих маньчжурских чиновников [*История Китая*, 2007. С. 291].

Все это создавало значительное напряжение в китайской элите, которое было латентным в годы процветания империи Цин, но при развитии династического кризиса в конце XVIII – начале XIX вв. стало важным фактором дестабилизации политического режима. Отношение широких народных масс к маньчжурской оккупации было гораздо более однозначным: единым знаменателем всех общественных движений было требование изгнания из страны маньчжуров и восстановления на престоле национальной династии [Там же. С. 281]. Конечным результатом развития династического кризиса стала Синьхайская революция 1911 г., которая завершила не только маньчжурскую оккупацию, но и всю историю имперского Китая.

4.2. Деволюция социальных институтов в эпоху Мин

После восстановления на престоле в 1368 г. национальной династии Мин было бы естественным ожидать возвращения страны к порядкам династии Сун. Этого, однако, не произошло. Первый император династии Мин происходил из простой семьи и испытывал недоверие к чиновничьему сословию. В своей политике он старался опереться на крестьянскую общину и с этой целью радикально изменил аграрную политику⁵.

Фактически в это период была восстановлена система уравнительного землепользования и ограничения оборота земель. В налоговой системе империя возвратилась к подушно-поземельному налогообложению и принципу круговой поруки. Все это основательно подрывало стимулы к повышению эффективности сельскохозяйственного производства.

Были возвращены трудовые повинности для крестьян и ремесленников, отмененные в империи Сун во второй половине XI в. Массовый характер приняло уклонение крестьян от переписей населения, что говорит о тяжести подушного налогообложения [*История Китая*, 2007. С. 244–247].

В политической жизни недоверие основателя династии к образованному сословию вылилось в репрессии против государственных служащих, которые сопровождались массовыми казнями. Такие репрессии неоднократно повторялись на протяжении всего правления династии. Взамен карьерных чиновников на первый план при дворе выдвигаются евнухи. К концу династии евнухи полностью подчиняют себе административный аппарат. Правление временщиков-евнухов приводило к общему снижению эффективности государственного аппарата, увеличению налогового бремени и падению государственных доходов. Коррупция, которая не являлась большой проблемой в эпоху Сун, достигла теперь катастрофических масштабов [Там же, 2007. С. 244, 251–256].

Внешняя торговля была объявлена государственной монополией еще при монгольской империи Юань. Было также запрещено частное судостроение. И хотя еще в XV в. китай-

⁵ *Примечание редакции:* правление монгольской династии Юань, как справедливо указывает С.А. Васильев, было недолгим. Объяснение невозврата к эффективным порядкам династии Сун происхождением первого минского императора – слишком большое упрощение. Власти династии Мин считали, что опыт правления династии Сун был для Китая неудачным, поэтому были попытки возвращения именно к традициям династии Тан, которая считалась «золотым веком» китайской культуры и государственности [*История Китая*, 2007. С. 243] (см., например, варианты альтернативных объяснений: *Beatrice S.B. (1997). Zhu Yuanzhang and Early Ming Legislation: The Reordering of Chinese Society Following the Era of Mongol Rule. By Edward L. Farmer. [Leiden: Brill, 1995]. The China Quarterly, 150, 467–469; Свистунова Н.П. Законы о наследовании в минских кодексах Да Мин лин и Да Мин люй. Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2002. С. 88–115; Свистунова Н.П. «Финансовая реформа» 1404 года: ее истоки и последствия. Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2011. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 3 / редкол. А.А. Бокщанин (пред.) и др.). С. 128–142.)*

ский флот был наиболее передовым в мире и совершал далекие плавания к берегам Африки, в середине XVI в. было остановлено дальнейшее мореплавание и прекращено строительство крупнотоннажных судов. Внутренняя торговля также жестко регулировалась, были введены специальные разрешения на торговлю и утверждены стандарты потребления (образцы одежды, посуды и предметов потребления) для разных сословий [Нефедов, 2001].

Внутренняя стабильность, характерная для эпохи Сун, была полностью утрачена. Сразу же после смерти первого императора династии Мин разразилась война между его наследниками, военные и дворцовые перевороты характерны для всей истории династии. Деволуция шла по всем направлениям: были ограничены религиозные свободы для буддистов и даосистов в целях утверждения официального культа – неоконфуцианства. Имущественные и социальные права женщин были жестко урезаны, их участие в общественных мероприятиях было запрещено. Таким образом, по всем параметрам Китай вернулся к состоянию базисного естественного государства.

4.3. Модернизация и особенности политической культуры Китая

Представляется, что неустойчивость процессов модернизации на глубинном уровне была связана с традиционными институтами Китая, в частности с институтом абсолютной монархии. Император объединял в своей персоне религиозную, законодательную, исполнительную, судебную, военную и финансовую власть в стране. Действительно, императоры династии Сун добровольно ограничивали свои полномочия в целях обеспечения лучшей управляемости страны, и эти ограничения были институционализированы традицией. Однако после монгольского завоевания все старые институты были сломаны, и императоры новой династии Мин, пользуясь своими историческими прерогативами, смогли полностью изменить политическую систему страны.

Одной из исторических особенностей Китая является также полное отсутствие представительных органов управления даже на низовом уровне. Это не являлось препятствием для развития социальной и политической мобильности в обществе. Мы даже полагаем, что использование системы экзаменов для формирования политической элиты обеспечивало лучшие результаты, чем любая система народного или сословного представительства.

Проблемы, однако, возникали в другой сфере: в Китае никогда не было демократии налогоплательщиков. И хотя налоговая система империи Сун была одной из наиболее эффективных в истории естественных государств, а налоги были очень невысоки и равномерно распределены по общественным группам, практика их взимания постоянно усложнялась и обставлялась введением дополнительных выплат. И в этой ситуации отсутствие коррекционного парламентского механизма было весьма чувствительным.

4.4. Технический прогресс и социальные инновации

Несмотря на огромные технические (впрочем, и научные тоже) достижения империи Сун, техническое образование стояло в общественном мнении намного ниже гуманитарного. Кандидаты в чиновники, сдававшие экзамены по гуманитарным наукам, были учеными, а математики, астрономы, инженеры, картографы, медики были как бы вспомогательным техническим персоналом.

В отличие от Европы, где точные науки составляли часть классического образования в рамках так называемого квадривиума (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) и исторически входили в программы средневековых университетов, попытки ввести в программы экзаменов в Китае элементы точных наук не увенчались успехом. Хотя в начале XII в. в Кайфэне были созданы специальные высшие школы для подготовки специалистов по медицине, математике, военным наукам, каллиграфии и живописи, выпускники этих

школ стояли на социальной лестнице довольно низко. Следствием пренебрежительного отношения к техническим и точным наукам стала практически полная остановка технического прогресса в постмонгольском Китае.

На самом деле Европу и Китай отличало не только отношение к точным и естественным наукам, но и вообще отношение к понятию прогресса. Идеология прогресса – чисто европейский феномен, имеющий основание в иудеохристианской традиции. Общественный идеал здесь находится не в прошлом, а в будущем (Царство Божие), новое – лучше, чем старое (Новый Завет vs Ветхий Завет).

Совсем другую картину мы видим в Китае. Здесь идеал лежит в прошлом, исторический процесс сопровождается падением нравов и порчей общественных отношений. Поэтому призвание государственных деятелей состоит в том, чтобы вернуть общество к его истокам, например, к патриархальным порядкам эпохи Чжоу (начало первого тысячелетия до нашей эры) или совсем уж мифической империи Ся. Выдающемуся китайскому реформатору XI в. Ван Аньши пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы придать своим достаточно радикальным реформам консервативный флер.

При таком интеллектуальном климате любое движение к модернизации оказывается, как правило, не результатом целенаправленной политики, а равнодействующей случайных и не всегда осознанных изменений в экономике и обществе. Именно в силу своей случайности и неосознанности такие изменения оказываются неустойчивыми, так что процессы модернизации могут быть остановлены и обращены вспять.

4.5. Аграрно-демографическая ловушка

Одним из основных факторов успеха европейской модернизации стала демографическая революция. Модернизация экономики и общества становилась устойчивым процессом только в случае повышения уровня потребления населения. Именно повышение уровня жизни населения было основой расширяющегося спроса на продукцию промышленности и, соответственно, ведущим фактором индустриализации. Повышение душевого потребления означает, в частности, что темпы роста сельскохозяйственного производства обгоняют темпы роста населения. Примерно это происходило в Китае в эпоху Сун.

Однако, несмотря на все технологические и агрономические инновации в аграрном секторе, рост сельскохозяйственного производства в конечном счете упирается в проблему ограниченности земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. Тут альтернатива одна – либо на определенном этапе замедляется рост населения, либо происходит снижение потребления. В аграрных цивилизациях эта проблема обычно решалась естественным путем – после периодов роста населения в благополучные времена оно потом сокращалось в результате войн и стихийных бедствий (эпидемий, наводнений, засух). Эти колебания численности населения в принципе совпадают с династическими циклами: так в период монгольского нашествия население Китая резко сократилось, потом выросло в относительно спокойные годы правления династии Мин и снова сократилось в середине XVII в. в ходе гражданских войн и маньчжурского вторжения.

Однако в эпоху Цин происходил беспрецедентный рост населения Китая. С 1675–1850 г. население страны выросло более чем в четыре раза – от 100 до 430 млн человек. Это стало возможным благодаря длительному периоду без больших внутренних потрясений при маньчжурском господстве. Площадь пахотных земель при этом возросла незначительно: от 6,1 млн до 7,7 млн цин, при этом площадь пашни на одного жителя сократилась более чем в три раза [Нефедов, 2001].

Снижение обеспеченности пашней лишь отчасти компенсировалось повышением урожайности за счет трудоинтенсивных технологий. Другим фактором преодоления дефицита продуктов питания стало внедрение высокоурожайных американских сельскохозяй-

ственных культур: арахиса, батата и кукурузы, а также рост производства и потребления сахара. Но, несмотря на все эти достижения, потребление зерновых на душу населения постоянно снижалось: к концу XIX в. оно было вдвое ниже, чем в Империи Сун.

Избыточное аграрное население вытеснялось в города и сельские мануфактуры, однако из-за дешевизны рабочей силы в промышленности не было стимулов к инновациям и повышению производительности труда. Реально никакой прогресс в экономике в такой ситуации невозможен: все пригодные для сельского хозяйства земли распаханы, и они используются с максимально возможной эффективностью. Любое изменение аграрных технологий может привести только к падению производства. Точно так же инновации в промышленности были не только невыгодны экономически, но и усиливали бы люмпенизацию городского населения, которая к этому времени достигла неуправляемых масштабов [Нефедов, 2001].

Этот аграрно-демографический кризис мог быть разрешен только насильственным образом. В середине XIX в. Китай вступил в полосу войн и смут, и уже первое крупное народное восстание (восстание Тайпинов, 1850–1864 гг.) унесло жизни, по крайней мере, 50 млн китайцев. В конечном итоге демографическая революция в Китае так и не произошла, а снижение естественного прироста населения было достигнуто административно-полицейскими методами только во второй половине XX в. при коммунистическом режиме.

Выводы

1. Совокупность экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в Новое время, в период, предшествующий началу ускоренного экономического роста (XVI–XVIII вв.).

2. В экономической сфере это формирование института частного землевладения, массовое внедрение технологических инноваций в сельском хозяйстве, промышленности и транспорте, опережающее развитие промышленности, торговли и иных отраслей третичного сектора.

3. В социальной сфере это процесс урбанизации, широкое развитие книгопечатания и грамотности, формирование городского и сельского среднего класса, начало женской эмансипации и секуляризация общественной жизни.

4. В политической сфере это создание упорядоченных государственных институтов с элементами разделения властей, формирование эффективной налоговой системы, переход к профессиональной (наемной) армии, унификация права и правосудия.

5. Весьма сходными являются экономические показатели Китая эпохи Сун и стран Западной Европы Нового времени. Так, среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в Китае XI в., в Англии и Фландрии в XVI–XVIII вв. оказываются примерно одинаковыми и существенно превосходят темпы роста, характерные для аграрных сообществ (Китай: 0,15–0,25; Англия: 0,23–0,25; Фландрия: 0,18–0,20). По уровню ВВП на душу населения Англия достигла показателей Китая XI в. примерно в 1650 г., другие страны Европы еще позже.

6. Все это позволяет говорить о том, что Китай в эпоху Сун вступил в процесс ранней модернизации, аналогичный тем процессам, которые происходили в Западной Европе в 1500–1800 гг. Сходство это тем более замечательно, что процессы ранней модернизации в столь отдаленных друг от друга частях Евразии происходили совершенно независимо друг от друга.

7. С точки зрения теории социальных порядков можно сделать вывод о том, что Империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа,

а именно: верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, а также бессрочное существование общественных и частных организаций.

8. Мы можем также выделить некоторые элементы порядков открытого доступа, характерные для Империи Сун:

- защищенная частная собственность;
- открытый доступ к большинству видов экономической деятельности;
- широкие имущественные и социальные права женщин;
- открытый доступ к системе образования;
- открытый доступ в политическую систему;
- универсальная система правосудия;
- религиозная свобода;
- свободная печать и отсутствие цензуры.

9. Непосредственной причиной разрыва модернизационных процессов в Китае стали иноземные вторжения XIII и XVII вв., которые привели к изменению политической культуры и деволуции социальных институтов. В долгосрочной же перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации была мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению технологических и социальных инноваций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подходы к оценке исторических показателей социально-экономического развития Китая

История Китая эпохи Сун достаточно хорошо задокументирована, но существует значительный разброс в оценках динамики количественных показателей социально-экономического развития. Ниже мы остановимся на основных проблемных моментах оценки этих показателей.

За основу мы принимаем данные В.А. Мельянцева, представленные в его классической работе [Мельянцев, 1996]. В частности, его расчеты по производственной функции подтверждают гипотезу ранней модернизации в Китае в эпоху Сун, так как доля интенсивных факторов экономического роста в этой модели составляет 25–35%, что вполне сопоставимо с европейскими показателями Нового времени. При этом в последующие эпохи развития имперского Китая вклад интенсивных факторов был отрицательным (–15–25%), что говорит о падающей совокупной производительности факторов экономического роста и переходе к чисто экстенсивной модели роста [Мельянцев, 1995. С. 12–14].

Существует большая неопределенность в оценках численности населения в начале царствования династии Сун. Дело в том, что переписи населения могли эффективно проводиться только при сильной центральной власти, так что мы имеем надежные данные по 755 г. (50 млн человек) и по 1100 г. (100 млн человек). Разброс оценок численности населения в начале эпохи Сун очень велик – от 20 млн до 50 млн человек. Последняя цифра представляется крайне сомнительной: в периоды смут и династических кризисов население в Китае всегда сокращалось, тем более что и территория Китая в эпоху Сун была значительно меньше, чем в эпоху Тан: имперские власти потеряли контроль не только над северными провинциями, но и над коридором Ганьсу и Синьцзяном. Низшая оценка (20 млн) предполагает пятикратный рост населения Китая в течение 150 лет, что также маловероятно. Поэтому население Китая в 960 г. оценивается нами в 6,5 млн домохозяйств, что при средней численности домохозяйства в 5,5 человек дает цифру в 36 млн человек.

Столь же различные оценки существуют для численности городского и сельского населения. Доля городского населения здесь варьирует от 12 до 20%. Мы придерживаемся более высокой оценки с учетом того, что доля населения, занятого в сельском хозяйстве в эпоху Сун, снизилась до 2/3 населения.

Наиболее непростой для количественного анализа является проблема уровня налоговой нагрузки. Существует общий консенсус среди исследователей о том, что доля налоговых изъятий в ВВП в империи Сун была аномально высокой для аграрных обществ. Однако имеются большие разногласия относительно того, какой именно была эта доля. Разные исследователи дают различные интервальные оценки налоговой нагрузки, в частности 13–24%, 10–15 и 9–17% [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 24, 142]. Для грубой оценки бюджетных показателей мы будем использовать среднеарифметическое из трех среднеарифметических, а именно из показателей 18,5%, 12,5 и 13%. Это дает нам цифру 15%, которая вписывается во все три интервала.

Отношение к ВВП налогов, собираемых в постмонгольском Китае (эпохи Мин и Цин), составляло 6–8%, этот же уровень (7%) мы можем предположить в начале эпохи Сун. Поэтому мы получаем двукратный рост налоговой нагрузки за 150 лет (960–1100 гг.) и еще более значительный рост консолидированного бюджета империи. Поскольку ВВП страны за это время вырос в 5,4 раза, то общий объем бюджетных доходов вырос в 11 раз.

За это время произошел существенный сдвиг в структуре доходов. К концу XI в. 2/3 доходов бюджета составляли поступления от несельскохозяйственной деятельности. Таким образом, налоговая нагрузка на сельское хозяйство составляла примерно 5% ВВП, а на прочие отрасли – 10% ВВП. Рост налоговых поступлений от сельского хозяйства составил 5,4 раза, а рост производства зерна – 4,5 раза, так что рост налоговой нагрузки на сельскохозяйственных производителей был вполне соразмерен росту производства.

В структуре несельскохозяйственных бюджетных поступлений примерно половину составляли торговые налоги (2% – транзитный налог и 3% – налог с продаж). Другая половина – доходы от государственных монополий, в основном от винной и соляной. По своей экономической природе доходы от монополий представляют собой акцизы. Таким образом, все налоги в несельскохозяйственном секторе были косвенными.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдар Е.Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.
- Дьяконов И.М. (2007). Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. С.Л.Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) (2016) / Отв. ред. И.Ф. Попова. Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. лит.
- История Китая: Учебник (2007) / Под ред. А.В. Меликсетова. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ; изд-во «ОНИКС».
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. (2018). Найто Торадзиро как синолог. Электронный архив КФУ. dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=150877;gjhch2018151155.pdf&sequence=-1&isAllowed=y.
- Мельянцев В.А. (1995). Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе: Автореф. дисс. д-ра экон.наук.
- Мельянцев В.А. (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во Московского университета.
- Нефедов С.А. (2001). О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). Деп. ИНИОН РАН 16.07.01. № 56629. book.uraic.ru/elib/authors/NEFEDOV/Science/China/China1.htm.
- Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгафт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Стужина Э.П. (1961). О характере цеховой организации в Китае в XVII – первой половине XIX века // Проблемы востоковедения. 1961. №1. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1780-1800/Ustavy_cechov_Suzjou/pred.htm.

- Цзя Яньли (2011). Конфликт между китайцами и маньчжурами в период Синьхайской революции и его урегулирование // Цинши яньцзю. Пекин. 2011. №3. С. 110–117. cyberleninka.ru/viewer_images/15135141/f/1.png.
- Ши Най-ань (2014). Речные заводы / Пер. с кит. А.П.Рогачева. В 2-х т. СПб: Наука.
- Ши Тао, Лю Цзе (2019). Роскошь двух столиц / Пер. с кит. А.С.Труновой. М: ООО Международная издательская компания «Шанс».
- Ebrey P.B., Walthall A., Palais J.B. (2006). East Asia: A Cultural, Social and Political History. Boston: Houghton Mifflin.
- Gernet J. (1962). Daily life in China on the eve of Mongol invasion, 1250–1276 / Transl. by H.M. Wright. London: Allen and Unwin, 1962.
- Goldstone J. (1998). The problem of the 'early modern' world // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 41 №3. Pp. 249–284.
- Needham J. (1971). Science and civilization in China. Vol. 4. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China. (2009). Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J Smith (Eds). N.Y.: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China. (2015). Vol. 5. Part Two: Sung China, 960–1279 / J.W. Chaffee, D. Twitchett (Eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Yi Xu, van Leeuwen B., van Zanden J.L. (2018). Urbanization in China, ca 1100–1900 // Frontiers of Economics in China. Vol. 13(3). Pp. 322–368.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergei Vasiliev

Dr. Soc. (Economics), Academic director of International Centre for Social and Economic research "Leontief Centre" (Saint-Petersburg).

savasiliev.78@gmail.com

EARLY MODERNIZATION IN SUNG CHINA

Abstract. At the beginning of the second millennium AD during the rule of the Sung dynasty China was the most economically developed country of the world. At that time we can observe in China certain phenomena which are typical for societies undergoing the process of modernization. In the sphere of technology and economy we see the increasing use of coal and rapid growth in metallurgy, revolution in shipbuilding and navigation, development of internal waterways and great expansion of trade. The social development of Sung China is marked by rapid urbanization, the spread of mass education and increasing literacy, wide social rights of women. These interconnected socio-economic changes do resemble to large extent processes occurring during the early phase of European modernization from 16-th to 18-th centuries.

Politically the Sung empire can be considered a mature natural state, where for the first time in the history of mankind were achieved the doorstep conditions for transition to open access order, namely consolidated control of military, rule of law for elites and perpetually lived organizations in public and privates spheres. Political practices of Sung empire did include some elements of open access order such as protected private property, universal judicial system, open access to education, religious freedom and the absence of censorship.

The author believes that during the reign of the Sung dynasty China entered the period of early modernization, interrupted later by foreign invasions, which induced changes in political culture and caused devolution of social institutes. In the long term view the development of China was kept back by the dominant malthusian growth model, where high rate of population growth does not allow living standards to increase and hinders innovative activity.

Key words: *China, early modernization, Sung empire, mature natural state, doorstep conditions for transition to open access order.*

JEL: H10, N15, N45, N55, N75, O53, P40.

REFERENCES

- Diakonov I.M. (2007). Puti istorii: ot drevneyshego cheloveka do nashih dney. [Ways of history: from prehistorical man to our days]. Moscow: KomKniga.
- Ebrey P.B., Walthall A., Palais J.B. (2006). East Asia: A Cultural, Social and Political History. Boston: Houghton Mifflin.
- Gaidar E.T. (2005). Dolgoye vremia. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii [Russia: A Long View]. Moscow: Delo.
- Gernet J. (1962). Daily life in China: on the eve of Mongol invasion, 1250–1276. London: Allen and Unwin.

- Goldstone J.* (1998). The problem of the 'early modern' world // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 41. №3. Pp. 249–284.
- Istoriya Kitaya s drevneishih vremyon do nachala 21 veka / Tom IV. Period pyati dinastiy, imperiya Sung, gosudarstva Liao, Jin i Xi Xia (907--1279) (2016). [Chinese history from prehistorical times to 21-st century / Vol. 4. Period of five dynasties, Sung empire, states of Liao, Jin and Xi Xia (907–1279)]. Moscow: Nauka.
- Istoriya Kitaya: Uchebnik (2007). [History of China: a textbook]. Moscow: MGU: ONIX.
- Jia Yanli* (2011) Konflikt mezhdru kitaytsami i manchzhurami v period Sin'haiskoy revolyutsii i ego uregulirovanie/ [Conflict between Han people and Manchus during Xinhai revolution and its settlement] // *Qingshi yanjiu*. №3. Pp. 110–117. cyberleninka.ru/viewer_images/15135141/f/1.png.
- Martynov D.E., Martynova Yu.A.* (2018). Naito Torajiro kak sinolog. [Naito Torajiro as sinologist] Electronic archive of Kazan University. dspace.kpfu.ru/viewer?file=150877;rjphch2018_151_155.pdf&sequence=-1&isAllowed=y.
- Melyantsev V.A.* (1995). Economicheskiy rost stran Vostoka i Zapada v dolgosrochnoy perspective [Economic growth in eastern and western countries in the long term] Abstract of D.Soc. Thesis.
- Melyantsev V.A.* (1996). Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: economica, istoriya, sovremennost' [East and West in the second millennium: economy, history and modernity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Needham* (1971). Science and civilization in China. Vol. 4. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nefedov S.A.* (2001). O demograficheskikh tsiklah v istorii Kitaya (XIV–XIX vv.) [On demographic cycles in the history of China (14-th to 19-th centuries)] Deposited in INION RAN 16.07.2001 №56629. book.uraic.ru/elib/authors/NEFEDOV?Science/China/China1.html.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011). Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history]. Moscow: Isdatel'stvo instituta Gaidara.
- Shi Nai'an* (2014). Rechnye zavodi [Water margin]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Shi Tao, Liu Jie* (2019). Roskosh' dvuh stolits [The splendor of two capitals]. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans".
- Stuzhina E.P.* (1961). O haraktere tshovoy organizatsii v Kitae v XVII – pervoy polovine XIX veka [On the features of guild organizations in China, 17-th to the first half of 19-th century] *Problemy vostokovedeniia*. №1. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1780-1800/Ustavy_cechov_Suzjou/pred.htm.
- The Cambridge History of China (2009). Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J. Smith (Eds.). N.Y.: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China (2015). Vol. 5. Part Two: Sung China, 960–1279 / J.W. Chaffee, D. Twitchett (Eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Yi Xu, van Leeuwen B., van Zanden J.L.* (2018). Urbanization in China, ca 1100–1900 // *Frontiers of Economics in China*. Vol. 13(3). Pp. 322–368.

М.А. Фельдман

д.и.н., профессор, Уральский институт – филиал Российской Академии народного хозяйства при Президенте РФ (Екатеринбург)

СТЕПЕНЬ ОСМЫСЛЕНИЯ ИТОГОВ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: УРАЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению итогов первой пятилетки в крупном индустриальном регионе Уральской области. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; широкий круг социальных программ. Столкновение рационального и утопических курсов реализации заданий пятилетки – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Для одних это был путь к прозрению. Для других – путь к слепому выполнению приказов.

Ключевые слова: *Первая пятилетка, пятилетний план, индустриализация, Урал, ВКП(б), рабочие, Пленум ЦК ВКП(б), Съезд ВКП(б).*

JEL: N60, N70, N90, O25.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10308

Проблема осмысления пройденного пути – одна из важнейших для управленческого эшелона. Анализ итогов первой пятилетки (1928–1932 гг.) приобретает особую значимость в связи с тем, что после довольно короткого периода рассмотрения НЭПа как варианта эволюционного развития СССР, открывающего дорогу индустриализации страны, с меньшими потерями населения и без резкого снижения уровня жизни у большинства граждан, в первые десятилетия XXI в. в исторической литературе все более стал утверждаться тезис о сталинском варианте модернизации как единственно возможном виде перехода от аграрно-промышленного типа экономики к промышленно-аграрному [Есиков, 2010]. Однако подобные выводы зачастую делаются вне изучения дискуссий о характере индустриализации на партийно-хозяйственных форумах; степени осмысления итогов Первой пятилетки на общесоюзном и региональном уровнях. Преодолению малоизученной страницы истории посвящена предлагаемая статья.

Начиная с 1926/27 гг. работа плановых органов Урала была сосредоточена главным образом на создании «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». Особенностью этого плана было то, что он был *самостоятельно* составлен коллективом специалистов Уралплана с привлечением наиболее квалифицированных специалистов региона и стал «основной руководящей экономической программой» для составления пятилетнего плана развития экономики Урала». В июне-июле 1928 г. эта работа была завершена и распечатана. С осени 1928 г. велась непрерывная *проработка варианта* пятилетнего плана Уральской области в Госплане, ВСНХ и других ведомственных плановых структурах. При этом большая часть наметок Генерального плана на предстоящее пятнадцатилетие оказалась передвинута *на первое пятилетие*. То, что намечалось сделать за 15 лет, пред-

полагалось осуществить в значительной части за пять лет (см. [Отчет о деятельности..., 1929. С. 37–38]).

Разработанные учеными и специалистами края в течение 1928 г. несколько вариантов пятилетнего плана развития экономики Урала (Уральской области) легли в основу доклада Уралплана «Урал как промышленный комбинат и задачи пятилетки», представленного Госплану СССР в январе 1929 г. Основные показатели развития промышленности за пятилетку были четко спланированы, в основном отвечали экономическим потребностям края и без существенных изменений вошли в Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР [Зуйков. С. 29–30].

Пленум Уралобкома в январе 1929 г., заслушав информацию Уралплана о подготовке планов развития экономики Урала, подтвердил, что процесс планирования соответствует общей линии хозяйственной политики партии и общим задачам хозяйственного строительства Урала [История индустриализации..., 1967. С. 151–152]. Аналогичные выводы прозвучали и в документах Девятой партийной конференции коммунистов Уральской области в апреле 1929 г. В резолюции конференции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства Урала» подчеркивалось: «...конференция одобряет представленный общий пятилетний план развития народного хозяйства Урала и констатирует, что он разработан в полном соответствии с генеральной линией и основными директивами экономической политики партии» [Там же. С. 157–165]. Таким образом, от теоретических поисков 1926–1928 гг. советская экономическая мысль весной 1929 г. вышла на уровень конкретного пятилетнего плана и на союзном, и на региональном уровне.

Отмечу, однако, принципиальный момент, на который советская историография «закрывала глаза»: и региональный, и общесоюзный пятилетний планы, утвержденные в апреле 1929 г. [Проблемы реконструкции..., 1929. С. 3–5], предполагали развитие на путях многоукладной экономики, нацеливая на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергая невозможность спланировать развитие многоукладной экономики из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков» [Фельдман, 2018].

Риски реализации указанных планов историки обоснованно видят прежде всего в том, что экономика страны не была подготовлена к ускоренной индустриализации: в дефиците сырья и материалов нужного качества; в нехватке квалифицированных кадров с опытом работы в крупной промышленности; в неразвитости смежных производств, транспортной сети и т.д. [Шпотов, 2006. С. 286]. Обращается внимание на существенное нарушение финансового равновесия начиная с зимы 1929 г. [Дэвис, 1994. С. 20].

Насколько все-таки реалистичными были представленные программы? Как и общесоюзный Пятилетний план, «уральская пятилетка» осенью 1928 г. – зимой 1929 г. подверглась неоднократным корректировкам в сторону увеличения плановых показателей. Тем не менее указанные документы весной 1929 г. еще имели запас прочности, благодаря сохраняющейся сбалансированности финансовых, материальных и людских ресурсов; взаимодействию государственного, кооперативного и частного секторов экономики, что позволяло избежать разорения миллионов ремесленников, кустарей, мелких предпринимателей, наиболее умелой части крестьянства.

Главным же риском для пятилетних планов стала опасность вмешательства идеологического характера, отчетливо отразившаяся в ходе внутрипартийной борьбы в 1928–1929 гг. *Весна 1929 г. стала завершением только первого этапа становления и развития Первого пятилетнего плана.*

Показательно, что сразу же после поражения сторонников сбалансированного развития экономики на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б) [Фельдман, 2019] в кратчайший период – с 13 апреля (дня завершения областной партийной конференции) до 3 мая 1929 г. (дня открытия Седьмого областного съезда Советов) – размеры предполагаемого (за

пятилетку) финансирования экономики Урала стремительно «подскочили»: с 2,7 млрд руб. до 3,5 млрд руб., в том числе в промышленность с 1,6 до 2 млрд руб. [*История индустриализации...*, 1967. С. 173].

Однако это было только начало: с лета 1929 г. начинается период стремительного необоснованного увеличения плановых показателей и разрыва с нэповской экономикой. Выполняя партийные директивы, подготовленный президиумом ВСНХ проект постановления от 8 июля 1930 г. предусматривал увеличение капиталовложений в экономику Уральской области за пятилетку с 1 952 млн руб. до 5 873 млн руб., или в три раза. Скачок валовой продукции промышленности предполагалось обеспечить более чем в *восемь раз* (втрое выше, чем по первоначальным показателям Первого пятилетнего плана!) – с 529 до 4 421 млн руб.¹ Под давлением направляемого Сталиным ВСНХ, руководители Уральской области (В.Н. Андронников, М.П. Ошвинцев, Б.В. Дидковский) легко соглашались с принятием самых фантастических плановых показателей – так понималась в тот момент партийная дисциплина и верность генеральному курсу партии².

Большевистское утопическое видение неограниченных возможностей «социалистического» государства, энергии и энтузиазма промышленных рабочих обрело свою установку, оторванную от экономических принципов. Восторжествовала ставка на необоснованное увеличение финансирования строящихся объектов при одновременном увеличении проектных мощностей.

Действительность 1930 г. подтвердила опасения тех, кто на Пленумах ЦК ВКП (б) весны 1928 – весны 1929 гг. предостерегал от волюнтаристских действий и был заклеен как «правые оппортунисты». Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность СССР, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. «Бешеные темпы» роста продукции; игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецедействия»; падение дисциплины на производстве, привели к всестороннему кризису в советской экономике [Хлевнюк, 2010. С. 84].

Не реагировать на указанные процессы было невозможно. Начиная с середины 1930 г., часть советского руководства переходит к рациональным оценкам возможностей реализации Индустриального проекта. Так, руководитель ВСНХ В.В. Куйбышев, изучив реальную статистику экономических показателей, понял всю бессмысленность завышения контрольных цифр. С лета 1930 г. начинается формирование критического отношения Куйбышева к «бешеным темпам» [Такер, 2013. С. 123].

Г.К (Серго) Орджоникидзе, автор Записки в Политбюро ЦК в декабре 1930 г., зафиксировавшей кризисные явления в экономике страны, отметил, что ни одно контрольное задание на 1930 г. не выполнено. Отражая опасения экономического краха, Пленум ЦК ВКП (б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов. В выступлении Орджоникидзе на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января 1931 г. отмечалось, что заявления о «динамичном развитии» промышленности базировались только на показателях роста капиталовложений, а «колоссальный рывок» сельского хозяйства аргументировался ростом посевных площадей в колхозах и совхозах [Хлевнюк, 2010. С. 47].

В реальности рост промышленной продукции за два года пятилетки составил только 4% (с 29 300 млн руб. до 30 450 млн. руб.). Выход, по мнению Орджоникидзе, заключался в ограничении до минимума количества новых строек. [*Первая Всесоюзная...*, 1931. С. 6, 12–13]. Аналогичные процессы шли и в Уральской области. Очевидные нотки раздражения политикой Центра прозвучали на Пленуме Уралобкома в январе 1931 г., где подчер-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области – ЦДООСО. Ф.4. От 8. Д. 419, л. 17).

² Там же. Л. 1–15.

кивалось: причины выполнения производственных планов за 1929–1930 хозяйственный год в отраслях промышленности Уральской области только на 70–80 %, во многом были связаны с тем, что экономика Уральской области вместо необходимых и обещанных 2,5 млрд руб., получила только 1,6 млрд руб.³

Однако и полученные средства не были связаны с достижением качества продукции. В докладе председателя исполкома Совета Уральской области М.К. Ошвинцева на пленуме Уралобкома в июле 1931 г. прямо отмечалось: в выпускаемой продукции «царствует брак»⁴.

24 января 1932 г. на Одиннадцатой партийной конференции первый секретарь уральского обкома ВКП (б) И.Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску *промышленной продукции* на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб., реальный выпуск не превысил и 655 млн руб. (*или 48%*). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий Первой пятилетки, вошедшим в историческую литературу под именем «Великого перелома».

При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн в 1930 г. до 320 млн руб. Если говорить о росте промышленной продукции, то за 1929–1931 гг. ее выпуск увеличился не в разы, а (*по официальным данным*) на 55% (на 46% в 1929–1930 гг. и на 8% – в 1931 г.). «Мы наметили снижение себестоимости промышленной продукции в 1931 г. на 15%, а на деле она повысилась на 15%», – продолжал Кабаков, и это закономерно, поскольку «проведение хозрасчета на предприятиях всех отраслей промышленности поставлено чрезвычайно плохо». [*Одиннадцатая...*, 1932. Бюл. 3. С. 4].

Руководитель коммунистов Уральской области воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Предельно кратко был обсужден вопрос о положении в деревне: лаконично отмечалось, что в «ряде районов проводилась погоня за раздутыми процентами коллективизации, и осуществлялись антисередняцкие действия; но в целом линия партии была верной». Трагедия уральской деревни оказывалась скрытой плотной пеленой молчания [*Одиннадцатая...*, 1932. Бюл. 15. С. 13–16].

В докладе на Одиннадцатой партийной конференции председателя исполкома Совета Уральской области М.К. Ошвинцева «Об итогах 1931 г. и контрольных цифрах на 1932 г.» было отмечено, что основные отрасли промышленности края не выполнили плановые задания. Более того, были «значительно недовыполнены показатели по росту производительности труда, и качеству продукции». Причинами такого явления были названы не мифическое вредительство специалистов или «происки оппортунистов», а вполне объективные вещи – «в важнейших отраслях сохраняется уравниловка в заработной плате». Кроме того, несмотря на все призывы и постановления, в экономике так и «не внедрен хозрасчет».

Примечательно и то, что Ошвинцев не решился назвать масштабы брака в выпуске продукции, а «неумение ряда наших хозяйственников перестроить свою работу» микшировал возможностью «использовать преимущества социалистической организации нашей экономики» [*Одиннадцатая...*, 1932. Бюл. 12. С. 3–20]. Шаг к объективной оценке событий 1929–1931 гг. не был сделан.

Окончательные итоги Первой пятилетки в Уральской области должна была обсудить Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б) (18–22 января 1934 г.). Однако подведение итогов социально-экономического развития в традициях большевистской практики было подведено под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций; при максимальной краткости информации.

³ ЦДООСО. Ф. 4. От 9. Д. 2, л. 35.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. От 9. Д. 13, л. 1.

Внешне Отчетный доклад первого секретаря Уральского обкома ВКП (б) по своей структуре мало чем отличался от предшествующих докладов на конференциях в 1930 г. и 1932 г. Создание в регионе «мировых промышленных центров металла, химии, машин» и превращение Урала в один из «мощных передовых промышленных центров Советского Союза» подавалось и раньше как «успехи социализма, достигнутые партией и пролетариатом за эти годы на Урале». Новым моментом стало весьма далекое от научного, подчеркнуто карикатурное представление дореволюционной экономики Урала в качестве края с «отсталой, кустарной промышленностью»: так легче было микшировать провал произвольно завышенных планов Первой пятилетки; проще манипулировать с цифровыми показателями [Двенадцатая..., 1934. С. 12, 13, 16].

Даже в тех редких случаях, когда докладчик сообщал делегатам конференции какие-то обобщающие сведения, например о *построении и запуске в Уральской области двухсот новых крупных предприятий*, многое оставалось неясным: степень выполнения пятилетнего плана в промышленности; соотношение плановых и реальных расходов на строительство; качественные показатели строительства и работы промышленных предприятий; уровень использования производственных мощностей. При этом типичная черта советской статистики – *выборочное, фрагментарное предоставление статистических показателей* – выглядело секретом Полишинеля, поскольку публикация пятилетних планов и их многочисленных корректировок предоставляла для специалистов возможность сравнить замысел и результат.

Отчетный доклад Уральского обкома ВКП(б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики – отраслях тяжелой промышленности – всего на 83% Кабаков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий» [Двенадцатая..., 1934. С. 24–25]. Однако в чем они заключались, делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Еще одна большевистская традиция – поиск субъекта-вредителя – также не обошла стороной доклад Кабакова: в бесхозяйственности на предприятиях края обвинялись профсоюзы (!), виновные в «существовании на предприятиях гнилого парламентского способа разрешать производственные вопросы» [Двенадцатая..., 1934. С. 26.] При этом Кабаков только «усилил» сталинскую цитату 1931 г., напрочь отрицающую возможность производственной демократии, в частности участия профсоюзов в управлении производством, оговоренную Кодексом законов о труде.

Перекалывание ответственности за положение дел в экономике и в социальной сфере с партийных и государственных органов управления (в данном случае – на плечи профсоюзов) была еще одной традицией советской эпохи. Не спасало профсоюзных лидеров (в частности, главу Уралпрофсовета А.И. Финьковского) ни биография партийного функционера, ни абсолютная лояльность Уральскому обкому ВКП(б); ни полное забвение интересов рабочих. В выступлении председателя Уралпрофсовета на конференции профсоюзы, полностью подчиненные правящей партии, оказывались удобной фигурой для критики. При этом подмена профсоюзных требований чисто партийными лозунгами не вызвала отторжения у делегатов. Показательным был и тот факт, что в ответ на весьма нелицеприятные оценки профсоюзной работы Финьковский ввел в свое выступление немалый ряд комплиментов в адрес Кабакова [Двенадцатая..., 1934. С. 199–204].

Если положение дел в промышленности характеризовалось в Отчетном докладе хотя бы выборочными индикаторами, то ситуация в уральской деревне осталась за чертой статистических показателей. Статистику заменило повествование о работе политотделов МТС и совхозов по очистке колхозов от «охвостьев кулачества» уже *после* массовой коллективизации. В принципе Кабаков только продемонстрировал показательную черту партийных форумов первой половины 1930-х гг. на всех уровнях: любая аналитика трагического

состояния советской деревни рассматривалась как «антипартийное действие» и оборачивалась карательными санкциями.

Анализ Отчетных докладов Кабакова на партийных конференциях 1930, 1932, 1934 гг. позволяет выделить их характерные особенности: полное отсутствие каких-либо социологических примеров положения трудящихся и оперирование примером жизни *отдельно взятого рабочего*, «внезапно» изменившего свое отношение к «социалистическому строительству». На Двенадцатой партийной конференции Кабаков продемонстрировал незнание и непонимание качественных показателей развития экономики, приравняв, например, понятие «хозрасчет» к тарифной сетке [Двенадцатая..., 1934. С. 35, 29].

Обладателю начального образования, полученного в церковно-приходской школе, Кабакову действительно было трудно разбираться в сложных экономических вопросах, также как и 71% делегатов, имеющих аналогичную общеобразовательную подготовку [Двенадцатая..., 1934. С. 241]. Выход мог быть найден в предоставлении слова уральским ученым – специалистам в сфере экономики. Однако краткое выступление «делегации профессоров» ограничилось сообщениями о *планах* уральского филиала Академии наук, а «рапорт слета ударников НИИ тяжелой промышленности», помимо многочисленных здравниц в честь «науки и техники социализма», в лучшем случае указывал на направления научной работы [Двенадцатая..., 1934. С. 100–103].

Поразительно, но какие-то обобщающие сведения о *социальной цене* индустриального развития региона в 1929–1932 гг. фактически остались вне обсуждения делегатов Двенадцатой областной партийной конференции.

Неспособность к обобщению и анализу количественных показателей оборачивалась у Кабакова и иной стороной: разносной критике подвергались те из его соратников, которые раз за разом находили в себе мужество называть вещи своими именами, пытались вникнуть в суть процессов в экономике и социальной сфере. В Отчетном докладе в таком качестве выступил М.К. Ошвинцев – председатель Областного исполкома [Двенадцатая..., 1934. С. 37]. Фактически, за годы Первой пятилетки Кабаков *избавился практически от всех членов бюро Уральского обкома ВКП (б), работавших с ним с 1929 г.*: секретарей обкома П.Т. Зубарева, А.И.Ларичева, И.С.Семирякова; руководителей Облисполкома М.К. Ошвинцева и В.Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л.Е. Гольдича, и др.

Большинство из перечисленных функционеров были уральскими рабочими, еще в юности, до 1917 г., искренне поверившими в социализм; успешно прошедшими школу нэпа, драматические годы первой пятилетки; отвечавшие за конкретные отрасли народного хозяйства или конкретные участки управленческой деятельности. Не решаясь на критику сталинского курса, они тем не менее запомнились делегатам конференций 1930–1934 гг. приводимыми ими примерами бесхозяйственности; указанием на масштабы брака; на ошибочность отдельных шагов экономической политики. Для крепнущего тоталитарного государства такие управленцы становились помехой. Для всех названных выше уральских партийно-государственных работников первая половина 1930 г. стала временем движения по кадровой лестнице вниз.

Опыт предшествующих конференций; кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Уральской областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты бесхозяйственности на уральских стройках. Даже лишенное указаний на конкретные строительные организации сообщение об использовании в 1930 г. «громздного парка строительных механизмов» только на 17,3%, а к концу пятилетки (т.е. в 1932 г.) на 40–70% говорило о многом. В сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» эти сведения резонно вызвали вопрос о низком уровне организации строительных работ. Следствием такой организации

в строительстве стало, например, множество «*лопнувших строительных фундаментов*» только на сооружении УЗТМ. Никто из делегатов не пытался связать сложившуюся ситуацию в строительстве с неоднократно повышавшимися заданиями, не подкрепленными материально-техническими ресурсами [Двенадцатая..., 1934. С. 62, 63, 65].

Но и простое повествование о буднях уральских строек могло привести на определенные выводы. Так, информация секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе о том, что на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (ММК) в течение года три-четыре раза сменялся кадровый состав рабочих (!), объяснялось не «вредительством старых специалистов», а «отсутствием плана организации строительных работ, который бы охватывал весь процесс строительства до его окончания»; жуткими жилищными условиями рабочих; задержками и выдачей половинного размера положенной зарплаты. Немногим лучше была ситуация и на самом ММК, где текучесть персонала в среднем за год составила 100% [Двенадцатая..., 1934. С. 191, 199].

Аналогичными причинами директор УЗТМ и член Совета при Наркомтяжпроме Л.С. Владимиров объяснял огромную текучесть рабочих и инженерных кадров на заводе. Только в 1932 г. с завода ушло примерно две тысячи ИТР, и это не было случайностью: жилищный поселок Уралмаша, «который якобы выглядит хорошо, в действительности же завален мусором, нечистотами и весной будет задыхаться в собственной грязи»; в магазинах заводского поселка отсутствуют мыло, папиросы, спички, керосин, другие предметы первой необходимости.

Именно пренебрежение к социальной сфере, ставшее причиной высокой текучести кадров, лежало в основе того, что, вопреки громогласным пропагандистским заявлениям, по словам Владимирова на УЗТМ «до сих пор не отлажен технологический процесс; отсутствует инструментальная база»; «нельзя верить сообщениям о том, что налажено производство машин; есть только машины различной стадии готовности». Показательно, что правдивое выступление Владимирова, тут же вызвало поток реплик, критикующих уже самого директора УЗТМ [Двенадцатая..., 1934. С. 210–214].

Почти треть делегатов конференции можно было отнести к категории выдвинутцев из рабочей среды, ставших руководителями различных учреждений и предприятий. Однако выступление Владимирова (в прошлом слесаря завода сельского машиностроения) стояло особняком: критические выступления – не отдельный факт, а явление, которое в годы первой пятилетки могло быть отнесено к разряду «оппортунистических». Тем не менее делегаты конференции – представители директорского корпуса наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя и нелицеприятные оценки экономической действительности. Такое осмысление носило непоследовательный и фрагментарный характер. Тем не менее оно способствовало отказу от леворадикальных безумств 1930–1931 гг.

Для того чтобы никакая «негативная» информация не закрепились в сознании делегатов, руководство Уралобкома применило ряд инструментов психологического воздействия. Во-первых, работу конференции «заполнили» так называемые «Приветствия с мест»: по моим подсчетам, из 60 выступивших в прениях по Отчетному докладу, 27 только зачитали «Приветствия» – парадные самоотчеты, выстроенные по одному трафарету и содержавшие лесть в адрес местных функционеров. Это означало, что около половины времени работы Двенадцатой областной партийной конференции заняли откровенно пропагандистские мероприятия. Своеобразным стало Приветствие от Кунгурской трудовой колонии: ее представитель передал делегатам «пламенный коммунарский привет» «от имени 700 бывших воров и грабителей, ныне возвращающихся в свой родной рабочий класс» (!) [Двенадцатая..., 1934. С. 199].

Во-вторых, по сути, единственным отчетом Уральского обкома ВКП(б) о своей деятельности за два прошедших года, содержащим обобщающие сведения, стали мате-

риалы о партийной «чистке». «По неполным данным», только за 11 месяцев 1933 г. состав областной партийной организации уменьшился с 214 тыс. до 162 тыс. человек, или *почти на четверть*. Грозным предупреждением всем сомневающимся в верности «генеральной линии» стала информация о том, что в ряде промышленных районов Урала доля исключенных из партии составила от 28 до 38% всех членов партии. Получалось, что протестные настроения в партии оказывались выше не в сельской местности, а в рабочей среде [Двенадцатая..., 1934. С. 153, 159].

Если в выступлении председателя областной комиссии по чистке Б.А.Ройзенмана заявлялось, что основным контингентом исключенных стали молодые коммунисты (вступившие в партию в 1930–1932 гг.), то в самом докладе областной контрольной комиссии утверждалось иное: *классово чуждыми* преимущественно стали вступившие в ряды ВКП(б) в годы НЭПа. Судя по приведенным статистическим данным, *чуждыми партии* стали и 35 секретарей районных комитетов партии, или около четверти состава функционеров этого звена. Попытка представить 52 тыс. «вычищенных» коммунистов Урала «чужаками, оппортунистами и неустойчивыми элементами» имела мало шансов на успех: по данным комиссии по чистке, около половины исключенных составили рабочие и выдвиженцы из рабочей среды [Двенадцатая..., 1934. С. 61. 155, 159].

Подведем итог. На Двенадцатой Уральской областной конференции ВКП(б) в сообщениях представителей директорского корпуса, руководителей плановых и экономических ведомств прозвучали крупинки тревожной информации о простоях техники; примеры огромных материальных потерь из-за брака продукции; бесхозяйственного отношения к расходованию сырья и материалов, отсутствия хозрасчета и хозрасчетных отношений, образующие мозаичную картину кризисного состояния экономики Урала. Тем не менее цельного понимания результатов «Великого перелома» и итогов первой пятилетки у уральцев не было. Применение массивного социально-политического обмана (систематическая практика бездоказательных фальсификаций статистических показателей), мощное идеологическое воздействие, например, сталинское утверждение о создании «фундамента социалистической экономики», не позволили осознать содержание произошедшего: идет огосударствление всех сторон советской жизни, выдаваемое за социалистическое строительство.

Но и при одуряющей тотальной пропаганде достижений «социалистического строя» даже отдельные реалистические штрихи, характеризующие итоги развития экономики Уральской области за годы первой пятилетки, разительно отличались от штампов официальной идеологии. Зерна прозрения были посеяны, представляя потенциальную угрозу настойчиво внедряемому в общественное сознание, мифологическому «полотну» советской жизни. Выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции конференции были направлены на корректировку экономического курса, *но не на его слепую поддержку*.

В печатных трудах, посвященных итогам Первой пятилетки, опубликованных в Свердловске в 1933 г., значительное место уделялось цитированию сталинских оценок событий 1929–1932 гг., прежде всего высказыванию генсека о «превращении СССР из страны аграрной в индустриальную страну, с преобладанием удельного веса в народном хозяйстве промышленности» [Ошвинцев, 1933. С. 4–5]. Подчеркивалось, что по «инициативе Сталина и воле партии» на Урале проведено «небывалое в истории по темпам гигантское строительство металлургических, химических, машиностроительных и др. заводов... Уральский край из отсталого в технико-экономическом отношении района превратился в самый крупный индустриальный район, вооруженный современной и совершенной индустриальной техникой» [Там же. С. 6].

Вместе с тем факты, приведенные Ошвинцевым, (например, о росте валовой продукции промышленности на Урале за пятилетку в 2,5 раза – с 444 млн руб. в 1927/28 хозяйственном году до 1100 млн руб. в 1932 г. [Ошвинцев, 1933. С. 8]), убедительно говорили

о реалистичности варианта пятилетнего плана весны 1929 г. и полной необоснованности «бешеных темпов» 1930 г. Обращало на себя внимание и то, что ряд крупных промышленных предприятий, (например, Уральский машиностроительный завод), пуск первой очереди которых состоялся в 1933 г., Ошвинцев отметил, как построенных и запущенных уже в 1932 г. [Ошвинцев, 1933. С. 6]. В то же время Ошвинцев указал на раздутость штатов партийного аппарата: «уйма кормится лишнего народа за счет наших социалистических фондов» [Там же. С. 8, 10].

В брошюре председателя Уралплана Г.К. Крумина пафосно говорилось о создании современного промышленного комплекса на Урале, в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного» [Крумин, 1933. С. 3]. В ней подчеркивалось: в период 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 до 5,4% [Там же. С. 7]. Однако управленцам было известно: диспропорции в развитии группы «А» и «Б» в уральской промышленности за пятилетку только возрастали – с восьмикратного разрыва в 1927/28 хозяйственном году до десятикратного в 1932 г. [Пятилетний план, 1929. Т. 3. С. 563].

Вне внимания специалистов остался такой факт: за годы Первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8%, т.е. в полтора раза меньше [Пятилетний план, 1929. Т.3. С. 562–563; Зуйков, 1971. С. 258]. Но и в сокращенном формате очевидна диспропорция доли финансирования промышленности Уральской области в общесоюзном финансовом балансе.

В целом приведенные выше публикации носили скорее пропагандистский характер. Анализ итогов Первой пятилетки был отложен до утверждения второго пятилетнего плана. Вместе с тем даже отдельные фрагменты критики экономической обстановки 1932 г. нарушали мифологический рисунок уже «построенного экономического фундамента социализма», вызывая гнев Сталина и оперативные (или отложенные на будущее) кадровые решения.

Завесой молчания были окружены ответы на вопросы об *эффективности создания Уральской области*, отметившей свое десятилетие в декабре 1933 г. Это не было случайностью: обоснованное управленческое решение трансформировалось в «административную утопию», переход к которой состоялся в результате принятия сначала «оптимального» плана Первой пятилетки взамен более реалистичного «отправного», а затем – поправок Сталина, еще более далеких от реальных возможностей государства. В еще большей степени к «административной утопии» подталкивал перенос акцента с принципа экономической самоорганизации территории Уральской области на ведомственное администрирование, призванное обеспечить достижение недостижимых целей [Горбачев, 2018. С. 157].

Во всех названных выше документах и публикациях только упоминался проект Урало-Кузбасса, так и не вышедший за пределы межрайонного сотрудничества и комбинирования в одной отрасли – черной металлургии: право на хотя бы минимальный анализ местные власти имели только в пределах «своей» административной единицы.

Невозможность доступа населения к достоверной информации в условиях слабости коммуникаций, ограниченной свободы передвижения и жесткого идеологического и полицейского контроля становилась питательной средой для возникновения сталинской мифологии пространства [Горбачев, 2018. С. 162]. В данном случае речь идет о «социалистической индустриализации» Урала в годы первой пятилетки.

Пути выхода из сложившейся ситуации в январе 1934 г. были сформулированы в самом общем виде: региональные власти ожидали решения Центра. Принятый в феврале 1934 г. второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР стал определенной вехой на этом пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев О.В. (2018). Концепция советского пространства: от материальности к мифу // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов / Под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 151–164.
- Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б). (1934). Стенографический отчет. Свердловск: Партиздат.
- Дэвис Р.У. (1994). Советская историческая реформа в исторической перспективе (1934) // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука. С. 7–26.
- Зуйков В.Н. (1971). Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг. М.: Мысль.
- Есиков С.А. (2010). Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН.
- История индустриализации Урала. 1926–1932 гг. (1967). Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.
- Круммин Г.К. (1933). Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск – Москва: Партиздат. Уральское областное издательство.
- Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 (в семнадцати бюллетенях). (1932). Свердловск: Партиздат (Уральское областное отделение).
- Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета депутатов шестого созыва 1927 – апрель 1929. К Седьмому съезду Советов (1929). Свердловск: Издание Уралоблсполкома.
- Ошвинцев М.К. (1933). Итоги пятилетки хозяйственные задачи на 1933. Свердловск: Партиздат.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. (1931). Стенографический отчет. М.: Соцэкгиз.
- Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов (1929). М.: Плановое хозяйство.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР (1929). В трех томах. Т.3. Районный разрез плана. М.: Плановое хозяйство.
- Такер Р. (2013). Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф.
- Фельдман М.А. (2018). «Генеральный план развития Уральской области: на 1926-1941 гг.»: между мифом и реальностью // Международная научная конференция «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований». 26–27 октября 2017. Екатеринбург: Издательство УРФУ. С. 304–316.
- Фельдман М.А. (2019). Конец романтической эпохи (дискуссии на Апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б) // Общественные науки и современность. № 3. С. 138–148.
- Шпотов Б.М. (2006). Модернизация и торможение как характерные черты советской индустриализации. Конец 1920-х – 1930-е гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН. С. 285–287.
- Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mich@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mich@yandex.ru

THE DEGREE OF UNDERSTANDING OF THE RESULTS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN AT THE REGIONAL LEVEL: THE URAL DIMENSION

Abstract. The article is devoted to understanding the results of the First five-year plan in a large industrial region The Ural region. The concept of the First five-year plan was extensive: for the first time in the world's history, the state plan outlined a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials; a wide range of social programs. The clash of rational and utopian courses of implementation of the tasks of the five-year plan – one of the most dramatic pages of Soviet history-passed through the fate of people. For some – it was a path to insight. For others, it is a way to blindly follow orders.

Keywords: *Five-year plan, Ural, party, workers, Plenum, Congress, industrialization.*

JEL: N60, N70, N90, O25.

REFERENCES

- Gorbachev O.V.* (2018). *Koncepciya sovetskogo prostranstva: ot material'nosti k mifu // Sovetskij proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizacii: sb. nauch.* [The concept of Soviet space: from materiality to myth. Soviet project. 1917–1930-s: stages and mechanisms of implementation: collection of scientific Tr. / ed. by O.V. Gorbachev and L. N. Mazur]. M-vo of science and higher education ROS. Federation, The Urals. Feder. UN-t. Yekaterinburg: Ural Publishing house. UN-TA. 558 Pp. 151–164.
- Davies R.U.* (1994). *Dvenadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (1934). Stenograficheskij otchet.* [Sovetskaya istoricheskaya reforma v istoricheskoy perspective] NEP: priobreteniya i poteri. Soviet historical reform in historical perspective [NEP: acquisitions and losses]. M.: Nauka. Pp. 7–26.
- Dvenadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (b).* (1934). *Stenograficheskij otchet.* [The twelfth Ural regional conference of the CPSU (b)]. Verbatim record. Sverdlovsk: Partizdat.
- Esikov S. A.* (2010). *Rossijskaya derevnya v gody nepa: K voprosu ob al'ternativnosti stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya).* [Russian village during the NEP: On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. M.: ROSSPEN.
- Feldman M.A.* (2018). *General'nyj plan razvitiya Ural'skoj oblasti: na 1926–1941 gg.»: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Epoha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij»* [General plan of development of the Ural region: for 1926–1941]: between myth and reality // International scientific conference “The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation”. October 26–27, 2017. Yekaterinburg: URFU Publishing house.
- Feldman M.A.* (2019). *Konec romanticheskoy epohi (diskussii na Aprel'skom (1929) Plenumе CK VKP (b))* [The end of the romantic era (discussions at the April (1929) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)). *Ohchestvennye nauki I sovremennost'.* No. 3. Pp. 138–148.
- Istoriya industrializacii Urala. 1926-1932 gg.* [History of industrialization of the Urals. 1926–1932 (1967)]. The School Environments. Sverdlovsk: Ural publishing house.
- Khlevnyuk O.V.* (2010). *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury.* [Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. M.: ROSSPEN.
- Krumin G.K.* (1933). *Itogi pervoj pyatiletki i kontrol'nye cifry Urala na 1933 god.* (Dopolnennaya stenogramma doklada pa ob'edinennom plenumе Obkoma i OblKK VKP(b)) [Results of the first five-year plan and control figures of the Urals for 1933. (Supplemented transcript of the report of the PA on the unified Plenum of the regional Committee and the regional Committee of the CP (b) on January 22, 1933)]. Sverdlovsk – Moscow: Partizdat. Ural regional publishing house.
- Odinnadcataya Ural'skaya oblastnaya konferenciya VKP (b).* 23 yanvarya – 30 yanvarya 1932. (v semnadcati byulletenyah). [The eleventh of the Ural regional conference of the CPSU (b). 23–30 January, 1932. (in seventeen bulletins)]. (1932). Sverdlovsk: Partizdat (Ural regional Department).
- Oshvintsev M. K.* (1933). *Itogi pyatiletki hozyajstvennye zadachi na 1933.* [Results of the five-year plan economic tasks for 1933]. Sverdlovsk: Partizdat.
- Otchet o deyatel'nosti Ural'skogo oblastnogo ispolnitel'nogo ko-miteta deputatov shestogo sozyva 1927 – april' 1929. K Sed'momu s'ezdu sovetov.* (1929). [Report on the activities of the Ural regional Executive Committee of deputies of the sixth convocation 1927 – April 1929. By the Seventh Congress of Soviets]. Sverdlovsk: Publication of the Uraloblispolkom, Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti. (1931). *Stenograficheskij otchet.* [The first all-Union conference of workers of socialist industry. (1931). Shorthand report]. M.: Sotsekgiz.
- Problemy` rekonstrukcii narodnogo hozyajstva SSSR na pyatiletie: Pyatiletnij perspektivny`j plan na V s`ezde gosplanov (1929)* [Problems of reconstruction of the national economy of the USSR for five years: Five-year long-term plan at the V Congress of state planning authorities]. M.: Planovoe khozajstvo.
- Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR.V trekh tomah. T.3. Rajonnyj razrez plana* [Five-Year plan of national economic construction of the USSR.In three volumes. Vol. 3. District section of the plan]. Moscow: Planned economy, 1929.
- Spotov B. M.* (2006). *Modernizaciya i tormozhenie kak harakternye cherty sovetskoj industrializacii. Konec 1920-h – 1930-e gg. // Promyshlennaya politika v strategii rossijskih modernizacij XVIII–XXI vv.* [Modernization and deceleration as characteristic features of Soviet industrialization. Late 1920–1930s // Industrial policy in the strategy of Russian modernizations of the 18th–21st centuries]. Yekaterinburg: Institute of history and archeology, URO RAS. Pp. 285–287.
- Tucker R.* (2013). *Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941.* [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. M.: Tsentrpoligraf.
- Zuikov V. N.* (1971). *Sozdanie tyazhelej industrii na Urale. 1926–1932 gg.* [Creating a heavy industry in the Urals. 1926–1932]. M.: Thought.

А.С. Сенявский

д.и.н., гл.н.с. Институт экономики РАН (Москва)

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА СВЕРТЫВАНИЮ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ?

Аннотация. В статье рассмотрена логика развертывания постреволюционных процессов до начала 1930-х гг. Показано, что военный коммунизм был инструментом выживания в катастрофе, НЭП – выход из нее. Доказывается, что инструментом развития НЭП не стал и стать не мог. Вступая в неразрешимое противоречие с политической системой, выросшей из революции и гражданской войны, он изначально рассматривался как вынужденное отступление, как тактическое средство социально-политической стабилизации и экономического восстановления, но не как стратегия развития и комплексной модернизации. Частично решая одни проблемы, НЭП порождал другие, в том числе новые диспропорции в экономике, социальные противоречия, нес угрозу власти. А главное, он оказался несостоятелен в контексте осознаваемой внешней угрозы и необходимости форсировано преодолеть отставание от потенциальных противников в будущей большой войне. Многочисленные кризисы НЭПа лишь ускорили его поэтапное свертывание. Переход к планово-мобилизационной модели развития явился последним актом исторической драмы, закономерным итогом фактического саморазрушения НЭПа.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, противоречия, кризисы, форсированная индустриальная модернизация, мобилизационная модель развития.*

JEL: B24, N24, N44.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10309

НЭП как «неожиданная» необходимость

Для понимания судьбы новой экономической политики крайне важен широкий (внутренний и внешний) исторический контекст, ретроспектива и перспектива, а также представление о природе политической силы и психологии деятелей, принимавших судьбоносные решения.

Когда большевики втягивались в революцию 1917 г. (затяжную не ими, а доморощенными либералами и «иноагентами», вскоре утратившими контроль над событиями), их лидеры руководствовались принципом Наполеона (сначала ввязаться в бой, а там видно будет). И такой подход «действий по обстановке» (естественный для военной тактики, но сомнительный для политической стратегии) стал характерным для большевиков на многие годы. В нем было немало революционной романтики и много авантюризма, придававшего спонтанности и решительности действиям. Ориентиром для них были лишь туманное учение классиков марксизма (раскрывших реалии настоящего – «язвы капитализма», но ничего не знавших о будущем и еще в середине XIX в. нарисовавших образ «бродящего призрака» коммунизма) да опыт Великой французской революции конца XVIII в. (с которым они себя и свое «якобинство» постоянно соотносили). Большевики шли на ощупь, как по минному полю. Часто «везло», и тогда, увлекаясь, забегали вперед или совсем не туда. И лишь жесткое сопротивление материала заставляло корректировать политику, делая ее более прагматичной.

Следует подчеркнуть, что любые экономические решения большевиков были подчинены внеэкономическим, прежде всего, идеологическим и политическим задачам: удержанию и укреплению своей власти, трансформации общества, попыткам экспорта мировой пролетарской революции (без нее большевики не видели возможности победы социализма в преимущественно крестьянской России, а свою страну рассматривали как плацдарм для революции в Европе). Вместе с тем сила большевиков заключалась в способности отказываться от идеологических догм, приносившаяся к обстоятельствам, совершать маневр, но при этом не терять общей стратегической перспективы.

Вдохновленные легкостью, с которой удалось «перерастание буржуазной революции в социалистическую» (то есть захват ими власти), большевики, реализовав свои популистские лозунги (отобрать земли у помещиков, установив «похабный Брестский мир» и рабочий контроль на фабриках и заводах), развернули «красногвардейскую атаку на капитал».

Эксперименты встретили сопротивление. Реакцией власти стало создание карательных органов (ВЧК) и регулярной Красной армии, система мер военного коммунизма (заимствованных во многом из опыта воевавших стран, а частью введенных еще империей и Временным правительством). Нараставшее сопротивление переросло в полномасштабную гражданскую войну с распадом страны на множество неподконтрольных центральной власти квазигосударств, с иностранной интервенцией, с экономической и социальной катастрофой.

Проявив политическую гибкость (сумев привлечь на свою сторону большинство, прежде всего, крестьянского населения, национальные окраины), организационный талант, эффективно мобилизовав скудные ресурсы, жестко подавляя сопротивление, большевики к концу 1920 г. победили в Гражданской войне (на Дальнем Востоке – к 1922 г.).

Однако они заигрались в слова, в идеологические химеры, всерьез приняв коммунизм (военный, от нищеты и разрухи) за прообраз коммунизма от сказочного изобилия. Эйфория победителей в гражданской войне на пике успеха была прервана – Кронштадт и антоновщина спустили их на грешную землю: главный питерский военно-революционный таран – матросы и главный социальный союзник – крестьянство жестко и жестоко выступили против власти, истребляя ее представителей, отвергая ее политику. Не оправдались и надежды на мировую революцию: вместо поддержки братьев по классу Советская Россия оказалась во враждебном капиталистическом окружении, в дипломатической и экономической изоляции. Оба условия, определенных Лениным, внешних и внутренних (соглашение диктатуры пролетариата с большинством крестьянства), необходимых для победы социалистической революции в России, к 1921 г. оказались недействительными.

Пришлось вспомнить судьбу якобинцев и «самотермидоризироваться». Панические настроения (Ленин: «Мы провалились») вызвали перемены сверху. Для самих большевиков они стали неожиданностью: еще в начале 1921 г. в логике ВК (по декрету СНК от 7.09.1920 г.) массово национализировали даже мелкую промышленность, использовавшую наем рабочей силы [Бородулина, 2018. С. 139], а в марте 1921 г. на X съезде ВКП(б) приняли решение о замене продразверстки продналогом, ставшее краеугольным камнем всего нэповского разворота.

У последнего было несколько причин: 1) социально-политическая дестабилизация в городе и деревне (сужение главной социальной опоры – рабочего класса – из-за падения промышленного производства, остановки фабрик и заводов, «деклассирование пролетариата»; недовольство рабочих «чрезвычайщиной» и падением уровня жизни, стачки и забастовки; угроза распада политического союза с крестьянством, терпевшим продразверстку в условиях гражданской войны, но выступившего против после ее окончания; повсеместный рост сопротивления, в т.ч. массовые восстания крестьян, мятежи, бандитизм, и др.); 2) экономическая разруха, переходящая в социальную катастрофу (падение промышленного производства до $\frac{1}{5}$, производства потребительских товаров до $\frac{1}{4}$ и сельского хозяй-

ства до $\frac{2}{5}$ от довоенного уровня 1913 г., коллапс транспорта и др.; голод, эпидемии, преступность, бандитизм и т.д.) и неспособность выйти из нее на путях военного коммунизма; 3) военная слабость (выявленная поражением от осколка империи – «панской Польши»), как следствие в том числе отсутствия экономической базы для армии, что особенно опасно было в условиях враждебного окружения и отсутствия революционной поддержки из Европы.

Из причин введения НЭПа вытекали и его главные цели: 1) выход из кризиса за счет рыночных механизмов; восстановление экономики; 2) социально-политическая стабилизация на основе укрепления социальной базы власти – союза рабочих и крестьян и снятия социальной напряженности (путем удовлетворения интересов крестьянства – замены продразверстки продналогом, допущения частной торговли и восстановления экономической базы рабочего класса – промышленности), налаживание стабильного снабжения продуктами городов и товарами деревни; 3) нормализация социальной жизни и смягчение острейших проблем.

НЭП: почему – всерьез, но не надолго

Поворот к НЭПу не был одномоментным (как и последующий выход из него). Концепции общего плана не было. Разработка экономических мер НЭПа продолжалась вплоть до середины 1920-х гг., когда намечается разворот к индустриализации, «социалистической реконструкции» и свертыванию нэповской политики. Поиски эти были полны противоречий. Например, введение продналога первоначально происходило в контексте военно-коммунистической политики по уничтожению денежного хозяйства, в том числе отмены всех денежных налогов [Бокарев, 2006. С. 123].

Можно сказать, что не большевики вводили НЭП, а он заставлял их, сделав один шаг, делать и последующие, вопреки доктринальным установкам, предыдущей практике и доминирующим в партии настроениям. Введя продналог, пришлось вводить и денежную систему, и внутреннюю торговлю, затем допускать частника в промышленность, разрешать аренду госпредприятий, которые государство не могло запустить, иностранные концессии и т.д. Однако у этих цепочек шагов по всем направлениям были пределы, которые власть перешагнуть не хотела, да и не могла: все, что реально угрожало сохранению власти или доминирующим экономическим позициям государства, отменялось или сворачивалось. Например, введя хозрасчет и самокупаемость предприятий, большевики отказывались закрывать нерентабельные крупные фабрики и заводы потому, что это подрывало их социальную базу и наносило ущерб курсу на индустриализацию. И такая экономическая непоследовательность была характерна для всех сфер и направлений НЭПа.

НЭП стал быстрым, методом проб и ошибок, возвратом к относительно нормальной, привычной экономической жизни, с уступками крестьянству, с использованием элементов рыночной экономики – с разрешением сначала продуктообмена, а затем и денежной системы и торговли, с допущением предпринимательства, но с сохранением всех «командных высот» в экономике за государством (монополия партии на власть, госсектор в экономике, финансовая система, монополия внешней торговли). И то, что НЭП «всерьез и надолго», хотя и с оговоркой что «не навсегда», трактовалось по-разному. Оптимисты (в основном вне партии и в эмиграции) восприняли перемены как надежду на то, что Россия после естественных для революции эксцессов вернется к состоянию нормальной европейской страны («устряловщина»). Энтузиасты военного коммунизма воспринимали НЭП как поражение революции, сопротивляясь уступкам «буржуям».

Следует учесть, что НЭП развертывался в условиях транзита внутрипартийной власти: в него входили, когда главный теоретик и вожь революции Ленин был дееспособен,

но с его тяжелой болезнью и смертью в развернувшейся борьбе за власть выдвигались новые лидеры, активно использовавшие нэповскую тематику.

Но дело, конечно, не только во внутривнутрипартийной борьбе и беспокойстве за судьбу партии. Коммунисты, оказавшиеся без поддержки мировой революции и обладая монополией на власть, вынуждены были мыслить категориями государственных интересов и определять стратегию развития страны в капиталистическом окружении, вокруг чего и происходили ожесточенные споры, стимулированные, среди прочего, кризисами НЭПа. Но дискуссии в партии шли о НЭПе не как о стратегии, а как о тактическом отступлении, не о том, как усовершенствовать и развить нэповскую систему, а о степени уступок и временных его границах, о том, как далеко он может зайти и какие угрозы несет власти большевиков. Неслучайно экономическая либерализация (сравнительно с военным коммунизмом, но не дореволюционной практикой) сопровождалась политическим ужесточением (свертывание внутривнутрипартийной демократии, высылкой ярких представителей интеллигенции с оппозиционными установками за границу, жестким подавлением любых антисоветских проявлений).

Даже самая пронэповская позиция Бухарина была противоречива и непоследовательна: она не шла дальше рассмотрения НЭПа в качестве тактического инструмента продвижения к социализму как к обществу с прямым безденежным распределением продуктов, при этом с утопическим взглядом, что товарно-денежные отношения сами собой отомрут. В смертельно опасной исторической ситуации, когда выжить страна могла, только осуществив индустриальный рывок (и сделать его нужно было «любой ценой»), Бухарин отстаивал идею пропорциональности распределения труда и производства между отраслями, фактически эволюционного (а значит, при самом благоприятном развитии событий, долговременного) пути, но времени и благоприятных условий как раз и не было.

В ситуации (внутренней и внешней), в которой вводился, реализовывался и сворачивался НЭП, не могло быть идеальных экономических решений: слишком тяжелым было историческое наследие (дальнее и ближнее) – имперского времени (фундаментальное отставание российского общества: реликты сословности, социальной структуры, в т.ч. ⁴/₅ крестьянского населения, неразвитость города, низкий уровень индустриализации), мировой и гражданской войн, военной интервенции (разруха, социальные расколы и ожесточение). Слишком жесткими были реалии исторической ситуации: фактически тотальная блокада молодого постреволюционного советского государства враждебным капиталистическим окружением, сохраняющаяся угроза внешней агрессии при нарастании вероятности большой войны, военная слабость при отсутствии экономической базы для технического перевооружения армии. И невероятно трудными, казалось бы фантастическими, являлись в этих условиях объективно стоявшие перед страной задачи (ключевой из которых была необходимость индустриального рывка), помноженные на «социалистический проект» комплексной модернизации. И все это – при полном отсутствии внешних источников инвестирования и возможности опираться исключительно на собственные силы, при крайней ограниченности необходимых внутренних ресурсов для инвестирования в реконструкцию промышленности и нарастающих сомнениях в возможности их мобилизовать в контексте сохранения НЭПа. К тому же власть действовала в ситуации исторического цейтнота, когда внешняя угроза, требовавшая адекватного, причем форсированного ответа в виде укрепления обороноспособности, могла быть нейтрализована лишь путем преодоления индустриального отставания, обретения технико-технологической независимости от импорта оборудования и технологий, возможности получения которых в условиях фактической внешней экономической изоляции (сначала полной, а потом частичной) были крайне ограничены и нестабильны.

Хороших сценариев для всех слоев общества (и общества в целом) без жертв и лишений в реальной ситуации не существовало. В любом варианте НЭП изначально имел

политические и экономические пределы и в отнюдь не дальней перспективе был обречен. НЭП для партии был отступлением – вынужденным и временным. Он не изменил сущности сформировавшейся идеолого-политической системы с однопартийной диктатурой, с ориентацией на создание экономики по принципу единой фабрики, с командно-репрессивными методами управления (Ленин в 1922 г.: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому». [Ленин, 1964. С. 428]). Партийно-государственный аппарат был в целом настроен против НЭПа, который изначально вступал в неразрешимое противоречие с политической системой, выросшей из идеологических догм и практики революции и гражданской войны (на этом несоответствии акцентировал внимание еще Е.Г. Гимпельсон [Гимпельсон, 1993. С. 29–43]).

Поэтому напрасными в свое время были ретромечтания шестидесятников, а затем и энтузиастов и «прорабов перестройки» о демократической и рыночной альтернативе трансформации 1920–1930-х гг. Некоторые авторы до сих пор ищут такую альтернативу в последних работах Ленина [Водолазов, 2020. С. 51–64] и в позиции Бухарина [Водолазов, 2014].

На наш взгляд, такие поиски не вполне корректны: Ленин застал лишь начало нэповского опыта (к тому же поздний Ленин был слишком болен, фактически изолирован от внешнего мира и оставался во взглядах очень противоречивым), не зная о его «зигзагах» и кризисах, а Бухарин был абстрактным теоретиком, опять же с противоречивыми и нереалистичными позициями, все более отодвигаемым от практики принятия и реализации решений. Поиски альтернатив свертыванию НЭПа несостоятельны: они разбились о жестокие реалии того времени, не только внутренние, но и внешние, в том числе о «большую игру», которую вели тогда США и Англия со старыми державами Европы, толкая их к новой мировой войне.

НЭП не был последовательной и системной политикой. Уступки рынку и частнику то расширялись, то сокращались. Поле действия для НЭПа (то есть допущение элементов рыночной экономики) государство предоставляло либо там, где само оказывалось неспособным наладить эффективное производство, распределение и контроль, либо вынуждено было идти на уступки по социально-политическим соображениям, либо где одни уступки тянули за собой другие (аграрная сфера из-за значимости союза с крестьянством плюс обеспечения городов продовольствием; мелкая и средняя промышленность; финансовая сфера как инструмент обеспечения рыночных отношений; внутренняя торговля). Но все командные высоты сохранялись за партией и государством: политическая власть; финансовая система; монополия внешней торговли, госсектор (за ним сохранялись транспорт, вся крупная и частично средняя промышленность). Рыночные элементы соседствовали с административными рычагами и ограничивались ими, включая законодательство, налоговую политику и др., трестирование промышленности и преференции госсектору ограничивали конкуренцию.

И все же большевики отнеслись к НЭПу всерьез, о чем свидетельствуют размеры уступок рынку и расчеты на то, что на этом пути удастся решить целый комплекс проблем экономического и политического порядка (прежде всего восстановление хозяйства и упрочение межклассовой «смычки»). И эти надежды оправдались, но лишь частично: не только власть ограничивала НЭП, но и он сам имел ограниченный потенциал по степени и скорости преодоления проблем, для решения которых он и вводился, и по способам и надежности их решения, которые особенно не устраивали власть.

В сложнейшей исторической ситуации НЭП сыграл свою позитивную роль. На его введение крестьянство отреагировало быстрым возрождением сельского хозяйства, промышленность – возвращением в строй еще дореволюционных производственных фондов. НЭП в целом восстановил экономику; возродил мелко-крестьянское сельское хозяйство, улучшил материальное положение большинства населения, сохранил смычку города и деревни (хотя и с периодическими обострениями).

Однако роль НЭПа была ограниченной, и нельзя преувеличивать его достижения. Позднее вокруг НЭПа возникло немало мифов, на которые обращает внимание ряд исследователей, раскрывая их несостоятельность. Основной миф – либеральный (сконструированный еще шестидесятниками и повторенный «прорабами перестройки»): взгляд на него как на период «невиданных политических и экономических достижений». НЭП, хотя и решил важную задачу восстановления разрушенной войнами экономики, но это, в общем, ординарное явление: послевоенные экономики разных стран восстанавливались и нередко достаточно быстро. Однако противоречия и нараставшие проблемы НЭПа становились нетерпимы, периодические кризисы угрожали социально-экономической и политической стабильности государства.

Речь должна идти не только об отдельных ситуационных кризисах НЭПа или о кризисе НЭПа на его завершающей стадии, а о политике, изначально имевшей ограниченный потенциал, носившей в себе неразрешимые противоречия, а потому объективно являвшейся кризисной по своей природе и с неизбежностью перманентно порождавшей кризисы разных видов и порядка.

Явившись ответом на вызов, заключающийся в угрозе власти большевиков в 1921 г., в переходный период от гражданской войны к миру, сутью которой была необходимость в переходе от чрезвычайщины к нормальной (а значит, в целом к привычной для большинства населения мирной жизни), НЭП рассматривался ими как тактический инструмент восстановления экономики и на этой основе предполагалось укрепить поставленную под вопрос смычку с крестьянством, улучшить положение своей главной социальной основы – рабочего класса, добиться в целом социальной нормализации и успокоения страны. Вводя НЭП, лидеры большевиков сами не представляли, как далеко они зайдут в своем отступлении, в уступках крестьянству и частнику, в допущении рыночных механизмов, и на протяжении всего нэповского (условно – десятилетнего) периода в дискуссиях и в практике нащупывали и допустимые границы, и формы и методы реализации нэповского курса.

НЭП не стал целостной, последовательной системой: он упирался в политические и экономические ограничения. Частное предпринимательство ограничивалось даже на начальном «восходящем» его этапе, не говоря уже о начавшемся свертывании с середины 1920-х гг. Государство продолжало регулировать экономику административными мерами, в том числе нарушая введенные принципы самокупаемости и хозрасчета, например, отказываясь ликвидировать крупные нерентабельные предприятия.

При НЭПе сохранялись и даже росли безработица, забастовочное движение, шло имущественное расслоение города и деревни, порождавшие социальное недовольство и нестабильность.

Ключевым противоречием НЭПа во взаимоотношениях города и деревни были «ножницы цен» – разница между ценами на промышленную и сельхозпродукцию в ущерб селу. Монополия синдикатов на рынке промтоваров, приведшая к произвольному подъему цен, вызвала кризис сбыта 1923 г. в государственной промышленности: затовариванию с последующей остановкой ряда предприятий и ростом безработицы.

В 1925 г. разразился товарный кризис со срывом хлебозаготовительной кампании и экспортных поставок. Росло недовольство, тормозилась индустриализация. Из кризиса власть выходила с намерениями ограничить частника и сокращать рыночные рычаги, «прижать» кулачество, которое в результате кризиса сумело сосредоточить в своих руках огромные финансовые ресурсы.

Третий кризис НЭПа 1927–1928 гг. был простимулирован обострением международных отношений (разрыв дипотношений с Англией и др.), приведшим к потребительской панике в совокупности с неурожаем в ряде регионов. Под угрозой оказалось снабжение городов, армии и части социальных категорий населения. Кризис вызвал введение карточной системы на ряд видов продовольствия. Хлебный дефицит был ликвидирован с огром-

ным трудом и издержками. Рост спекуляции, усиление частника власть расценила как кризис нэповской политики, подтолкнувший преследование кулачества и принятие курса на сплошную коллективизацию деревни (1928–1929 гг.)

К концу 1920-х гг. НЭП в целом выполнил свои задачи по восстановлению экономики, поддержанию «смычки» города и деревни, по социально-политической стабилизации в стране. Реализовав максимум своих созидательных возможностей, НЭП фактически исчерпал свой позитивный потенциал, тогда как проблемный потенциал лишь нарастал.

Так была ли альтернатива свертыванию НЭПа?

Во второй половине 1920-х гг. происходило исчерпание позитивного потенциала НЭПа, тем более в контексте перехода страны от решения восстановительных задач к созидательным и преобразовательным.

Середина 1920-х гг. представляет собой одну из важнейших развилок советской истории. К 1925–1926 гг. восстановление экономики в целом завершилось, и СССР оказался перед выбором: или осуществить индустриальный прорыв, или «превратиться в сырьевой придаток мировой экономики» [Соболев, 2014. С.138]. Однако в реальности выбор оказался еще более жестким: речь шла о выживании, причем не только государства, но и страны, народов и самой российской цивилизации. Курс на индустриализацию, провозглашенный на XIV съезде ВКП (б) в 1925 г. под лозунгом «Превратим СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины!» и на «социалистическую реконструкцию» подверг НЭП суровым испытаниям не только потому, что нэповская модель противоречила последовательно проводимой идее социализма, но из-за ее многочисленных «сюрпризов», порождавших кризисы, экономическую и социальную нестабильность, а главное – стал тормозить реализацию стратегического курса.

Решая ситуационные проблемы собственного политического выживания и выхода страны из постреволюционной и послевоенной катастрофы, инструментом чего и являлся НЭП, большевики никогда не забывали о стратегической перспективе, которая ими мыслилась в рамках применения своей леворадикальной марксистской доктрины к специфическим внутренним и внешним условиям существования России 1920–1930-х гг., о национально-государственных интересах.

Совершая маневры, отказываясь (чаще всего, временно) от некоторых своих ситуационных планов, большевики и их наследники («сталинская гвардия») держали в уме общий вектор движения страны к социальным преобразованиям в духе «коммунистической идеи», а в недалекой перспективе – создание социализма как общества экономически развитого, вобравшего в себя передовые достижения мировой науки, техники и культуры.

Но на этом пути решали приземленные задачи, стоявшие перед отсталой, да еще и разоренной войнами страной. Их и призван был хотя бы частично решить на основе экономического восстановления НЭП. Однако НЭП постоянно продуцировал кризисы, в том числе не исключил возможность кризисов взаимоотношений города и деревни, делал их нестабильными.

С началом нового, реконструктивного периода обозначились признаки исчерпания НЭПа.

С 1926 г. началась политика вытеснения частного капитала в промышленности, который стали ставить в неравноправное положение с госсектором: повышали тарифы на перевозки, прекращали госкредитование частных предприятий, стали ликвидировать синдикаты, затем перестали возобновлять и заключать новые договора об аренде госпредприятий. В 1927 г. был введен налог на сверхприбыль, сокращалось число иностранных

концессий, большинство из которых было ликвидировано к 1930 г., а на следующий год ликвидирована и частная промышленность.

Ситуационные факторы не детерминировали, но существенно ускоряли свертывание НЭПа, причем внутренние смыкались с внешними. Так, на судьбу НЭПа повлияло обострение международной обстановки (в первую очередь, отношений с Китаем, Англией и Польшей в 1927 г.), стимулировав кризис 1927–1928 гг. (слухи о скорой войне вызвали потребительскую панику, скупку продуктов и товаров, вызвав острый дефицит хлеба, соли, сахара и др., сокращение потребительских норм в армии). Но из-за низких заготовительных цен (при высоких ценах у частника) план хлебозаготовок был сорван, вызвав цепную реакцию срыва экспортных поставок и валютных поступлений, а внутри страны – продовольственный кризис в городах и товарный – во всей стране. При этом частник, естественно, накручивал цены. Сталин предложил принять меры, напоминающие продразверстку, в частности, распределять четверть конфискованного хлеба среди деревенской бедноты, столкнув два социальных полюса – крестьянскую бедноту с кулачеством, обвинив последнее в срыве хлебозаготовок и потребовав сдавать хлебные излишки по твердым ценам. Была возвращена карточная система (при НЭПе!) и методы военного коммунизма – насильственное изъятие продовольствия.

С 1928 г. завершился переход экономики на плановую систему (с октября 1928 г. началось выполнение плана первого пятилетнего плана), в 1929 г. – переход на карточную систему снабжения (госраспределение). В начале 1930 г. ликвидированы товарные биржи и ярмарки.

НЭП выполнил свою историческую миссию, восстановив экономику, и прежде всего промышленность (но на старой и изношенной технической базе), смягчил противоречия между городом и деревней, снизил угрозы «смычке» рабочего класса и крестьянства. Однако НЭП по природе своей был слишком противоречивой политикой, неадекватной политической системе, которую никто не собирался менять. Смягчив наиболее острые проявления социальной нестабильности, вызванные разрухой и эксцессами военного коммунизма, НЭП порождал другие – социальную дифференциацию, рост безработицы. Да и социально-экономические его результаты были скромны и противоречивы.

К концу 1920-х гг. страна оставалась аграрной: в промышленности была занята $\frac{1}{10}$ часть населения, и она давала менее четверти национального дохода. Индустриализация тормозилась, а технико-технологическое отставание страны от развитых держав увеличивалось. Нетерпимость такого положения подтверждалась и доктринальными установками о необходимости для победы социализма сочетания мощной передовой промышленности с основанным на машинном труде сельским хозяйством, что и должно было обеспечить высокую производительность труда.

Однако практика НЭПа показала, что сугубо экономическими методами было невозможно стабильно получать от крестьянства необходимые для индустриализации средства и ресурсы. Крестьянство оставалось сословием средневековья. Будущее было за индустриальным городом, за городской цивилизацией, в которую стремилась прорваться советская власть. Осередняченное крестьянство по природе своей склонно к натурализации хозяйства и не готово к расширению производства сверх необходимого, и уж тем более к совершенствованию агрикультуры и технической модернизации. Но у страны не было времени и сил на «умасливание» единоличного крестьянства, не склонного ни мыслить категориями общегосударственных интересов, ни вырваться за пределы полунатурального хозяйства.

В ряду либеральных мифов – оценка свертывания НЭПа как результата субъективного фактора, прежде всего тиранической воли Сталина и его единомышленников. Но почему Сталин, яро боровшийся с позицией Троцкого и Преображенского в 1925 г., повернул к политике возврата к жестким административным методам в 1928 г.? Неужели он руководствовался только задачами борьбы за власть? Или, находясь у руля страны, он на

практике столкнулся с необходимостью свертывания нэповской политики? Особенно при угрозе внешней агрессии и тем более большой войны, которая могла разразиться в любой момент (об этом многократно напоминали и дипломатические обострения, и военные инциденты на границах в 1920-е гг. и в дальнейшем).

Реальная мировая ситуация, угрожавшая самому существованию СССР, была важнее доктринальных установок. Вопрос стоял однозначно: либо форсировано превратить страну в индустриальную, кардинально подняв уровень обороноспособности, либо погибнуть. «Страну ждала “война техники”, к которой она готовилась, преодолевая свое отставание в кратчайшие сроки. Не подготовиться к войне означало обречь государство на неминуемое поражение» [Шалак, 2015. С. 801]. И сделать это могла только страна целиком, включая село, в котором проживало 4/5 всего населения, крестьянство.

К концу 1920-х гг. партия на основе итогов НЭПа прочно укрепилась у власти, и сочла, что нэповский тактический маневр временного отступления социализма себя исчерпал. Решать задачи форсированной индустриализации в крайне нестабильных нэповских условиях сочли невозможным. Из двух альтернатив: нэповской (бухаринской) и стратегической – форсированной индустриализации с упором на тяжелую промышленность и сопутствующим комплексом преобразований в аграрной сфере – окончательно выбрали вторую.

Была ли реальной альтернатива свертыванию НЭПа? Абстрактно-теоретически – да (политически ее воплощала линия Бухарина). Но это была альтернатива отсутствия значимого прогресса в сельском хозяйстве, застой в объемах его продукции, при нестабильности отношений города и деревни, а главное – невозможности получить из этого главного источника накоплений необходимые ресурсы и средства на индустриализацию. Бухаринская альтернатива эволюционного сбалансированного развития аграрного и индустриального секторов не могла реализоваться по любой из следующих причин (и тем более их совокупности): 1) объективная потребность в индустриальном рывке (исторический цейтнот); 2) отсутствие внешних источников финансирования; 3) неспособность середняцкой деревни к быстрому прогрессу и склонности к натурализации хозяйства; 4) позиция партийно-государственного аппарата, заинтересованного в усилении административных рычагов в экономике.

НЭП терпели, пока он, работая на восстановление, одновременно создавал помехи тактике, но свернули, когда он начал становиться препятствием для реализации стратегии. Ускорение темпов экономического развития при отсутствии внешних инвестиций и должных внутренних ресурсов требовало компенсации на путях государственного администрирования, способных мобилизовать все имеющиеся резервы.

Экономический тупик для сельского хозяйства, если бы оно в 1930-е гг. продолжало развиваться в рамках гипотетического продолжения НЭПа, хорошо продемонстрировано в контрфактической модели российских исследователей [Бородкин, Свищев, 1992. С. 348–365], представившей ретропрогноз, как развивалась бы доколхозная деревня, если бы не была проведена коллективизация. Они пришли к выводу, что «долгий НЭП» снизил бы долю бедняков при незначительном росте богатых хозяйств, ведя к дальнейшему осреднячиванию деревни. Посевы и поголовье скота выросли бы, но количество рабочего скота на единицу пашни упало бы примерно на 10%, доля посевной пахотной земли осталась бы неизменной. Никакого взрывного роста аграрной экономики, о которой твердят «певцы НЭПа», имитационная модель не показала.

Но не только в сельском хозяйстве, а в промышленности, при всех успехах, были проблемы: восстановление происходило на устаревшей и изношенной технической базе, а потому технологическое отставание в годы НЭПа от капиталистических стран увеличивалось. К тому же с 1925 г. восстановительный подъем стал затухать. В целом годы НЭПа оказались застойными в технологическом обновлении производства. Но и это не было главным.

Экономика не была (и, как показала история, не могла быть) приоритетом большевиков. Их ключевыми задачами (вытекающими из цели построения социализма) было сохранение и укрепление своей власти, советского государства и его безопасности (вопреки их же дореволюционным догматам). Но, решая эти задачи, большевики, а в еще большей степени Сталин «и его команда», став государственниками, вынуждены были выдвигать на первое место экономическую модернизацию, структурные и технологические преобразования народного хозяйства, которые перерастали в системную трансформацию и модернизацию общества. Следует согласиться с позицией Э.Н. Соболева, что коренной порок нэповской системы – ее «неспособность обеспечить всестороннюю модернизацию российского общества» [Соболев, 2014. С. 130].

Сохранение НЭПа означало экономическую и социальную нестабильность и ставило под вопрос надежность получения ресурсов для нужд индустриализации, экспорта сельхозпродукции и импорта оборудования для строящихся фабрик и заводов, хлебопоставок для растущих городов.

На наш взгляд было две основных причины, сделавшие свертывание НЭП неизбежным: 1) политико-идеологическая – исходное отношение большевиков к НЭПу как временному отступлению от курса на социализм, экономика которого представлялась как единая фабрика; 2) внешняя безопасность – прогноз неизбежного военного столкновения, новой большой войны и вследствие этого необходимость преодоления огромного отставания от наиболее мощных и враждебных стран капиталистического окружения, что невозможно было сделать на путях НЭПа. Остальное было лишь факторами, продлившими НЭП (от первоначального прогноза на 1,5–2 года до туманного «надолго») или сокращавшими его существование.

Нэповская практика лишь укрепляла позиции его противников: многочисленные кризисы нэпа; стагнация после 1925–1926 гг. в ряде отраслей, включая сельское хозяйство и промышленный рост; невозможность крупных накоплений и, соответственно, инвестиций в промышленность, поскольку мелкокрестьянское хозяйство было скорее натуральным, ориентированным на собственное потребление, нежели на товарное производство, не способным к существенному техническому прогрессу и развитию. Вынужденный неэквивалентный обмен между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством (как инструмент накопления, перекачки средств из аграрного сектора в индустриальный) делал напряженные отношения крестьян с властью и нежелание крестьян наращивать производство хроническими. Важнейшим фактором, «приговорившим» НЭП, был фактор времени: мировая революция оказалась химерой, а прогноз о большой войне стал более актуальным.

Автору статьи уже приходилось собирать и издавать обширный сборник статей, отражающий ключевые позиции российских исследователей в 2000-е годы по нэповской проблематике [Сенявский, 2006], а также проводить анализ состояния историографической ситуации на тот момент, предлагая и собственные решения по важнейшим аспектам реализации и свертывания НЭПа [Там же]. С тех пор принципиальных изменений в освещении НЭПа российскими историками и другими специалистами не произошло. На наш взгляд, ключ к пониманию судьбы НЭПа, его свертывание нужно искать далеко не только (а может и не столько) в узко экономических проблемах страны, сколько в широком контексте исторической эпохи трансформации аграрных обществ в индустриально-урбанизированные, и кризиса капитализма, породившего острейшие межгосударственные противоречия, разрешавшиеся в мировых войнах, крахе империй.

Ответом на проблемы планетарного масштаба стало выдвижение глобальных общественных проектов лево- и праворадикальной окраски. Россия в этом контексте выживала в форме СССР, реализовывавшего левый социальный проект, в рамках которого преодолевалась смертельно опасное отставание, доставшееся от имперского периода,

в иных формах и иными способами, опираясь на низшие классы, то есть на подавляющее большинство народа.

Не отдельные ситуационные кризисы НЭПа решили его судьбу, настроив власть против сохранения и продолжения этой политики. В свертывание НЭПа весомый вклад внесли разнообразные собственно экономические факторы [Соколов, 2020. С. 122–129]. Вместе с тем, НЭП как система вступал в острейшие противоречия и с природой нового пролетарского государства, с вектором трансформации общества, которая задумывалась и осуществлялась властью, и с характером и темпами решения проблем, обозначенных перед страной историческим периодом, с поставленными для их решения целями и задачами. На наш взгляд, очень точное определение применительно к НЭПу дал Ю.П.Бокарев: «самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система» [Бокарев, 2006. С. 121]. На начальных его этапах доминировало первое (НЭП вырос из уступок со стороны власти рынку, одни из которых подталкивали другие), а с середины 1920-х гг., по нарастающей – второе (кризисы раздражали власть, заставляли ее все более негативно относиться к НЭПу в целом, искать другие, нерыночные решения, сворачивая прежние уступки). Но в основе лежала изначальная несовместимость НЭПа с политической системой и негативным отношением партийных функционеров к нему как к вынужденному отступлению. И судьба его была предрешена не тогда, когда накопилась критическая масса негативных проявлений НЭПа (а это примерно 1927–1928 гг.), а с момента поворота к нему от военного коммунизма. НЭП терпели, когда он давал быстрые результаты, и перестали – когда он забуксовал, перестал оправдывать возлагавшиеся на него надежды и тем более порождать свои трудности и проблемы, не говоря уже о угрозах реализации выдвигаемых планов и стабильности власти. А главное – НЭП пошел вразрез с переходом к форсированной индустриализации.

Перед властью (и страной) вопрос стоял не о том, как наиболее гармонично для различных социальных категорий выстроить экономические отношения, в том числе наиболее благоприятно для крестьянства (нереалистичный подход Бухарина), а о выживании страны, народа, государства и самой российской цивилизации.

Идеальных, безболезненных решений этой проблемы не было. Преодоление векового отставания от мировых лидеров, прежде всего, форсированная индустриализация должны были быть осуществлены, причем любой ценой, а в рамках НЭПа это было невозможно.

Верен ли был выбранный мобилизационный курс

Новая экономическая политика не провалилась. Она, также как ранее военный коммунизм, выполнив свои задачи, изжила себя, уступив место более адекватной требованиям ситуации и перспективе форсированной индустриализации, на основе перехода к плано-мобилизационной модели развития в контексте системной модернизации «по-советски».

Это не был возврат к военному коммунизму, это не была ликвидация НЭПа (фактическое свертывание остатков НЭПа произошло 11 октября 1931 г., когда было принято решение о полной ликвидации частной торговли, а официально о прекращении НЭПа было заявлено лишь в 1935 г. В.М. Молотовым) Это был новый курс, но вобравший в себя и военно-коммунистический, и нэповский опыт (хотя прежние этапы решали иные задачи – выживания и выхода из катастрофы). И опыт этот, принципиально новый для большевиков, впервые оказавшихся у власти и впервые в истории решавших сложнейшие задачи в экстремальных исторических условиях, был осмыслен и адекватно, очень эффективно применен. Это был курс реализации стратегии развития – форсированного, с опорой страны на собственные силы, за счет мобилизации всех ресурсов, в т.ч. ограничения потребления всеми слоями, на основе новых форм организации социальной жизни.

Оказавшись в ситуации исторического цейтнота, лидеры партии и государства вынуждены были пойти на форсированную индустриализацию с формированием мобилизационной модели развития: комплексной программы трансформации не только экономики, но всего общества, через индустриализацию с упором на тяжелую индустрию, с подкреплением этого главного вектора коллективизацией крестьянства и культурной революцией. Коллективизация одновременно усиливала позиции социализма в деревне, инструменты контроля со стороны государства; расширяла возможности повысить товарность сельского хозяйства и увеличить долю и размеры накоплений на индустриализацию; массово внедряла технику на селе, повышала производительность труда, обеспечивала сбыт целой линейки индустриальной продукции; гарантировала лояльность деревни. Культурная революция повышала идеологическую лояльность общества, а главное, обеспечивала перспективное снабжение индустрии кадрами.

Как и в любом крупном социальном явлении, от трансформации 1930-х гг. в СССР были выигравшие (большинство населения), а были и проигравшие, и пострадавшие (меньшинство).

И стенания со стороны западных исследователей по поводу «голодомора», «насильственной коллективизации» крестьянства, «массовых репрессий» напоминают крокодиловы слезы: во-первых, в голод начала 1930-х гг. внесли свою лепту кабальные договоры на советские поставки хлеба западным странам. Во-вторых, гиперболизация и «черные мифы» вокруг этих явлений создавались в контексте информационно-психологической войны против СССР (внеся свой вклад и в его разрушение, а к науке они не имели никакого отношения).

А цена (если мыслить в этих категориях) была заплачена не только за «построение социализма», но и за цивилизационный рывок отсталой страны, и за ее выживание во Второй мировой войны.

Верность избранного тогда курса в конечном счете подтвердил ход истории – выживание и победа СССР в Великой Отечественной войне, в которой «демократические» и «экономические» нации Европы, подмятые гитлеровской Германией, совершили нашествие на «дикую, тоталитарную» Россию.

Подтверждает эти выводы и контрфактическая ретромоделю канадского автора Р. Аллена (Allen Robert C. Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization // UBC Department of Economics Discussion Paper. November 1997; дана в изложении Ю.В. Латова) [Латов, 2008. С. 55–59] В ней показано, что необычайно быстрый рост советского ВВП, и особенно промышленности, в годы первых трех пятилеток в основном объясняется ставкой на приоритет тяжелой индустрии, сочетания жесткого планирования с мягкими бюджетными ограничениями (на очень либеральных условиях банковского кредитования предприятий независимо от полученной ими прибыли). Добавленная стоимость, прежде всего в промышленности, в среднем ежегодно росла на 10,4%. «Для межвоенного периода, когда капиталистический мир был повержен в депрессию и обусловленный экспортом рост был невозможен, советские результаты замечательны, – пишет Р. Аллен. И подчеркивает, что важнейшее значение для советской индустриализации имела инвестиционная стратегия, делающая ставку на тяжелую промышленность, и сочетание высоких заданий по выпуску продукции с мягкими бюджетными ограничениями» [Цит. по: Латов, 2008 С. 55]. То есть главным для экономических успехов были выбор и реализация стратегии сталинской модернизации. А реализовать ее можно было только в рамках мобилизационной модели.

Начавшаяся в мире Великая депрессия подтвердила правильность курса на свертывание НЭПа: она, одной стороны, резко повысила вероятность новой мировой войны, с другой – открыла окно возможностей для СССР. Западные страны, стремившиеся держать советскую страну в экономической изоляции, теперь готовы были продавать обо-

рудование, технологии, делиться квалифицированными кадрами и даже строить заводы и фабрики. Начиная с 1929 г. все 1930-е гг. экономика почти всего западного мира обвалилась и стагнировала. СССР же рванул далеко вперед, создавая целые новые отрасли производства, внедряя и осваивая передовые технологии, а на этой основе модернизируя и перевооружая армию. СССР не просто развивался, а за кратчайшие сроки преодолел вековое отставание на передовой тогда технологической основе. (Ситуация обратная постсоветской: когда большинство стран развивалось, демократическая Россия в ходе рыночных реформ и «дикий приватизации» обрушила экономику, а затем почти три десятилетия деградировала и стагнировала).

Не смог Р. Аллен и опровергнуть значительный вклад коллективизации в успех индустриальный рывка СССР, хотя, похоже, и ставил (не явно) такую задачу. Он вынужден признать, что даже при его, вызывающей вопросы, методике подсчетов, вклад (хотя и не столь большой – 12% добавленной стоимости в несельскохозяйственном производстве из 3-х избранных автором факторов) все же был. Это, во-первых. Во-вторых, не стоит видеть в этой модели абсолютную истину, тем более что исходная установка в исследовании на понижение роли коллективизации, вероятно, отразилась на результате. В-третьих, автор не принимает во внимание ни возможности повторения нэповской нестабильности в поставках зерна и различных кризисов НЭПа, включая кризисы хлебозаготовок, несколько раз потрясавших страну, ни стремление середняцких хозяйств к натурализации и преимущественно внутреннему потреблению произведенного. И, наконец, проводя коллективизацию, власть преследовала далеко не только «фискальные» цели по изъятию из села средств на индустриализацию, но искренне надеялась на создание в перспективе цивилизованного и процветающего социалистического сектора в сельском хозяйстве, на укрепление взаимоотношений города и деревни, на их взаимовыгодный товарообмен – стабильное снабжение города сельхозпродуктами, а деревни – индустриальными товарами, включая технику для колхозов. Главными же для форсированной индустриализации были: политическая лояльность села, отсутствие «сюрпризов», которые в период НЭПа неоднократно преподносила середняцкая деревня, стабильное поступление из нее ресурсов для индустрии, а также массовый приток рабочих кадров для города. Коллективизация решала не только собственно экономические, но и целый комплекс других задач, включая перечисленные, большинство из которых НЭП решить был не способен, особенно в кратчайшие сроки.

Упрекать СССР в жесткости политического режима и методов управления, в том числе в экономике, также некорректно с исторической точки зрения. В иных, нежели СССР 1930-х гг., намного более благоприятных условиях переход от аграрного к индустриальному обществу совершали многие страны, с трансформацией политических систем, общественных отношений. И, хотя такая трансформация осуществлялась в иных масштабах и формах, некоторые тенденции были универсальны. Например, для эпохи индустриального перехода, каковой для большинства стран мира оказалась первая половина XX в., особенно 1930-е гг., характерно доминирование авторитарных и тоталитарных режимов. И это не случайно: трансформация аграрного в индустриальное общество всегда порождает фундаментальную нестабильность общества, противовесом чему становятся жесткие формы его организации.

Россия в 1920–1930-е гг. оказалась не просто в экстремальной ситуации, а в экстремальном периоде своей истории, когда стоял вопрос не о том, как обеспечить наиболее благоприятное, гармоничное развитие общества, а о его выживании, и выбор путей развития фактически проходил между выбором жизни или смерти страны, народа и самой российской цивилизации. Хороших, безболезненных решений просто не было, а чрезвычайные условия «исторического цейтнота» требовали чрезвычайных мер и соответствующих им форм организации социальной жизни.

Выбор стратегии – смена партийного курса от решения задач восстановления к реализации стратегии форсированного индустриального развития, на основе пятилетних

планов, при ставке на приоритет роста тяжелой индустрии – оказался верен, потому что решал одновременно несколько задач: создание фундамента для всей индустриализации (включая в дальнейшем подтягивание легкой промышленности) и основы аграрного развития на новой технико-технологической базе. А главное, он материально-технически подкреплял оборону страны, обеспечивая перевооружение армии в текущий период и возможности ее модернизации в будущем, что было ключевой задачей для выживания страны. Альтернатива свертыванию НЭПа и сталинской модернизации абстрактно-теоретически была – затягивание НЭПа. Но в свете полностью оправдавшегося прогноза о неизбежности большой войны, реализованного в агрессии нацистской Германии и подмятой ею Европы против СССР, это была альтернатива гибели России как государства и цивилизации [Сенявский, 2006. С. 5–25].

Сегодня фокус критики этого курса направлен на ошибки планирования, на коррекции планов в сторону завышения, чему противопоставляются умеренные, реалистические подходы сторонников «гармоничного» и постепенного развития, а также на срывах пятилетних заданий. Но вряд ли стоит упрекать руководителей страны, которая впервые приступала к столь грандиозным задачам, не имея опыта и достаточных ресурсов, а из-за рубежа получавших не поддержку, а агрессивную враждебность. Завышенные планы играли мобилизующую роль, направляли к сверхнапряжению сил страны, что дало свои результаты, пусть и не все, на которые рассчитывали. И суть – не в формальном выполнении (или не полном выполнении) плановых заданий пятилеток, а в том, что они смогли мобилизовать страну на экономический рывок, на реальные достижения, воспринимавшиеся как советское «экономическое чудо», обеспечившие возможность выживания страны, особенно в контексте ее недалекого будущего – в противостоянии военному нашествию нацистской Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокарев Ю.П. (2006). Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН. С. 121–133.
- Бородкин Л.И., Свищев М.А. (1992). Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М. С. 348–365.
- Бородулина Е.В. (2018). Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. № 1. С. 137–157.
- Водолазов Г.Г. (2014). Альтернативы истории и история альтернатив (Н.И. Бухарин против казарменного коммунизма). Статья первая // Социс. № 8. С. 105–113.
- Водолазов Г. Г. (2014). Альтернативы истории и история альтернатив (Н.И. Бухарин против казарменного коммунизма) // Социс. № 11. С. 129–139.
- Водолазов Г.Г. (2020). Ленинское наследие: вода живая и мертвая. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 51–64.
- Гимпельсон Е.Г. (1993). Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. №2. С. 29–43.
- Латов Ю.В. (2008). «Что если бы» в современной клиометрике // Историко-экономические исследования. Т. 9. № 3. С. 55–59.
- Ленин В.И. (1964). Письмо Л.Б. Каменеву / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат. С. 428.
- Сенявский А.С. (2006). Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН. С. 5–25.
- Соболев Э.Н. (2014). Кризис нэпа и выбор пути социально-экономического развития России // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 130–139.
- Соколов А.С. (2020). Сворачивание НЭПа: экономические факторы // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 122–129.
- Шалак А.В. (2015). Идеология вместо фактов, или как интерпретируют нашу экономическую историю // Историко-экономические исследования. Т. 16. № 4. С. 791–908.

Сенявский Александр Спартакович

alex_senyavsky@mail.ru

Alexandr Senyavskiy

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow

senyavsky@yandex.ru

WAS AN ALTERNATIVE WRAPPING NEW ECONOMIC POLICY?

Abstract. The article examines the logic of the deployment of post-revolutionary processes until the early 1930s. It is shown that War Communism was a tool for survival in a catastrophe, NEP – a way out of it. It is proved that the NEP did not and could not become an instrument of development. Entering into an insoluble contradiction with the political system that grew out of revolution and civil war, it was initially viewed as a forced retreat, as a tactical means of socio-political stabilization and economic recovery, but not as a development strategy and comprehensive modernization. Partially solving some problems, the NEP gave rise to others, incl. new imbalances in the economy, social contradictions, carried a threat to power. And most importantly, it turned out to be untenable in the context of a perceived external threat and the need to forcefully overcome the lag behind potential adversaries in a future big war. The numerous crises of the NEP only accelerated its phased curtailment. The transition to the planned mobilization model of development was the last act of the historical drama, the natural result of the actual self-destruction of the NEP.

Key words: *new economic policy, contradictions, crises, forced industrial modernization, mobilization model of development.*

JEL classification: B 24, N14, N 24, N 44.

REFERENCES

- Bokarev Yu.P.* (2006) NEP kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya sistema // Nep: ekonomicheskkiye, politicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty [NEP as a self-organizing and self-destructive system // NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. M.: ROSSPEN. 2006. Pp. 121–133.
- Borodkin L.I., Svishchev M.A.* (1992). Retroprognozirovaniye sotsial'noy dinamiki dokolkhoznogo krest'yanstva: ispol'zovaniye imitatsionno-al'ternativnykh modeley // Rossiya i SSHA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskkiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh [Retro forecasting of the social dynamics of the pre-collective farm peasantry: the use of imitation-alternative models]. M. Pp. 348–365.
- Borodulina Ye.V.* (2018). Denatsionalizatsiya i аренда v melkoy promyshlennosti Sibiri pri perekhode ot voyennogo kommunizma k novoy ekonomicheskoy politike (1921–1923 gody) [Denationalization and leasing in the small industry of Siberia during the transition from war communism to the new economic policy (1921–1923)]. // Nauchnyy dialog. 2018. № 1. Pp. 137–157.
- Vodolazov G.G.* (2014). Al'ternativy istorii i istoriya al'ternativ (N.I. Bukharin protiv kazarmennogo kommunizma). Stat'ya pervaya [Alternatives to history and history of alternatives (N.I. Bukharin against barracks communism). Article the First] // Sotsis. № 8. Pp. 105–113.
- Vodolazov G.G.* (2014). Al'ternativy istorii i istoriya al'ternativ (N.I. Bukharin protiv kazarmennogo kommunizma). Stat'ya vtoraya [Alternatives to history and history of alternatives (N.I. Bukharin against barracks communism). Article the Second] // Sotsis, 2014, № 11. Pp. 129–139.
- Vodolazov G.G.* (2020). Leninskoye naslediyе: voda zhivaya i mertvaya [Lenin's legacy: water is alive and dead. Part 1] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. № 2. 2020. Pp. 51–64.
- Gimpel'son Ye.G.* (1993). Politicheskaya sistema i NEP: neadekvatnost' reform [Political System and NEP: Inadequacy of Reforms] // Otechestvennaya istoriya. 1993. №2. Pp. 29–43.
- Latov Yu.V.* (2008). «Chto yesli by» v sovremennoy kliometrike [“What if” in modern cliometrics] // Istoriko-ekonomicheskkiye issledovaniya. T. 9. № 3. Pp. 55–59.
- Lenin V.I.* (1964). Pis'mo L.B. Kamenevu [Letter from L.B. Kamenev] / V.I. Lenin // Poln. Sobr. Soch. T. 44. M.: Politizdat. Pp. 428.
- Senyavskiy A.S.* (2006). Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennyye podkhody i perspektivy izucheniya [New Economic Policy: Modern Approaches and Research Prospects] // NEP: ekonomicheskkiye, politicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty. M.: ROSSPEN. Pp. 5–25.
- Sobolev E.N.* (2014). Krizis nepa i vybor puti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [The NEP crisis and the choice of the path of socio-economic development of Russia] // Vestnik Instituta ekonomiki RAN. №1. Pp. 130–139.
- Sokolov A.S.* (2020). Svorachivaniye NEPa: ekonomicheskkiye faktory [NEP wrapping: economic factors] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2020, № 2. Pp. 122–129.
- Shalakh A.V.* (2015). Ideologiya vmesto faktov, ili kak interpretiruyut nashu ekonomicheskuyu istoriyu [Ideology instead of facts, or how our economic history is interpreted] // Istoriko-ekonomicheskkiye issledovaniya. T. 16. № 4. Pp. 791–908.

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН, (Москва)

КАПИТАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ КРЕДИТОРОВ (О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма»)¹

Аннотация. Статья представляет собой критический обзор книги Вольфганга Штрика «Купленное время». Работа представляет собой переосмысление эволюции политических режимов богатых западных государств, связанное с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. В центре внимания находится трансформация налогового государства в государство долгов, появление «рыночного народа», проблемы легитимации нового политического режима. Делаются выводы о невозможности возвращения к прежнему кейнсианскому «государству благоденствия», ставится проблема нового противоречивого отношения между капитализмом и демократией. Появление и усиление роли «рыночного народа» повышает значение глобальной финансовой олигархии. Прежние взгляды о том, что власти в демократических странах должны действовать в интересах массового (медианного) избирателя, признаются нереалистичными и устаревшими.

Ключевые слова: налоговое государство, государство долгов, кризис легитимности, «рыночный народ».

JEL: B24, B26, G01, H60.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10310

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. появились сотни, если не тысячи интересных работ, которые осмысливали как сам механизм возникновения кризиса, так и его долгосрочные последствия. Сходясь в том, что кризис был вызван неолиберальной экономической политикой, которая привела к неконтролируемому усложнению и разрастанию рынка производных финансовых инструментов (см. в частности: [Эйхенгрин, 2016; Бьерг, 2018; Стиглиц, 2011] и многие другие), авторы сильно, иногда диаметрально, расходятся в оценках будущего как капиталистической экономики, так и капиталистического общества. Наверное, наиболее популярной позицией следует считать призыв к прогрессивному налогообложению и возврату к кейнсианской политике государства всеобщего благосостояния ([Стиглиц, 2016; Кругман, 2009; Крауч, 2016; Пикетти, 2016] – этот список можно продолжать), но эту теорию никто не торопится применять на практике. После кризиса прошло уже более десяти лет, а экономическая конструкция ведущих капиталистических стран претерпела разве что косметические изменения. Темпы роста снизились, однако не произошло ни краха, ни даже заметного сдвига в экономических доктринах. Последнее в свое время с удивлением фиксировал известный британский социолог К. Крауч в работе с говорящим названием «Странная не-смерть неолиберализма» [Крауч, 2012].

На этом фоне цикл лекций старого немецкого политолога, посещавшего лекции Т. Адорно, прочитанный в 2012 г. и опубликованный в 2013 г., казалось бы, должен

¹ Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД ВШЭ, 2019. Далее в круглых скобках после цитат приводятся страницы данного издания.

фиксировать все то же – долгожданный крах неолиберальной экономической политики и необходимость возврата в «старое доброе время». Однако уже во введении обнаруживается «...мой интуитивный отказ верить в то, что любой кризис непременно закончится хорошо, – такой же интуитивной позиции, как мне кажется, придерживался и Адорно. Он не был склонен к “функционалистской” трактовке безопасности, приверженцем которой был, например, Талкотт Парсонс; Адорно не стал бы уверять, что рано или поздно все само собой уравнивается... Проблемы могут не иметь решения – по крайней мере, здесь и сейчас. И если кто-то осуждающе покачает головой и спросит, а где же тогда осталось все “позитивное”, я обратился бы к Адорно – мастер меткого слова, он, без сомнения, ответил бы так: а что, если вообще нет ничего позитивного?» (с. 8–9).

Такое начало интригует. Когда-то в России М. Хазин, М. Леонтьев, М. Делягин много говорили об «исчерпании капитализма», достигшего пределов роста в связи с глобализацией. Но В. Штрика интересуют совсем другие проблемы. Пророчества франкфуртской неомарксистской школы о мировом кризисе в России давно забыты (если, конечно, считать, что они вообще были известны), а Штрик обращается именно к ним как к «точке отсчета». Он указывает, что во главу угла франкфуртские теоретики ставили «не техническую управляемость современного капитализма, а его социальную и культурную *легитимацию* (здесь и далее в кавычках курсив автора. – П.О.). В результате, недооценивая капитал как политического актора и стратегическую силу, но при этом переоценивая способность правительства к действиям и планированию, сторонники описанного подхода подменили экономическую теорию теориями государства и демократии и поплатились за это, лишившись в своем аналитическом арсенале постулатов марксистского наследия» (с. 24–25). Критика, применявшаяся тогда, требовала «справедливого вознаграждения» для работников. И эти аргументы впоследствии были сняты через либерализацию экономики и «иммунизацию экономической политики против демократического давления снизу – чтобы вернуть в систему доверие “рынков”» (с. 27).

Автор полагает, вместе с многими современными экономистами, что «капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис, и конца ему пока не видно: *банковский кризис, кризис государственных финансов и кризис реальной экономики*. Никто не ожидал – не в 1970-х, ни в 1980-х годах, – что такое совпадение возможно» (с. 29). Сейчас все это выглядит почти банальностью. Однако в свете этого Штрик переосмысливает старую концепцию кризиса легитимации, делая акцент не на работниках с их ожиданиями справедливых доходов, но на капиталистах: «Экономические кризисы капитализма являются результатами кризиса доверия со стороны капитала, это не технические сбои, а кризисы легитимации особого рода. Низкие темпы роста и безработица – следствие “инвестиционной забастовки” собственников капитала: последние могли бы инвестировать его, но не будут этого делать, пока не восстановят свое доверие к ситуации» (с. 51). И далее: «Иными словами, капитализм предлагает общественный договор, в котором определены легитимные обоюдные ожидания между капиталом и трудом, между зависимыми от прибыли и зависимыми от заработной платы, эти ожидания более или менее четко выражены в виде формальной или неформальной экономической конституции» (с. 52).

С падением прибылей в 1970-е гг. прежние договоренности разрушаются, а вместе с ними заканчиваются и прелести государства общественного благосостояния – «политически гарантированная полная занятость, коллективное ... формирование заработной платы в ходе переговоров со свободными профсоюзами, участие рабочих в управлении предприятием; государственный контроль с гарантированным трудоустройством как пример для частного сектора; всеобщие социальные гарантии, лишённые конкурентной основы; весьма ограниченное социальное неравенство..., а также государственная конъюнктурная и промышленная политика, направленная на поддержание стабильного

роста» (с. 58). Признаться, глядя из 2020 г. в России, все это кажется уже какой-то фантастикой. Начались многократно описанные в экономической литературе неolibеральные реформы, обеспечившие последующий длительный экономический рост. Штрик в этом отношении подчеркивает только то, что сначала с помощью высокой инфляции в 1970-х, а впоследствии – наращивания займов и государственного долга богатые капиталистические страны «купили» необходимое время для перехода к новому общественному договору, с условиями которого и работники, и капиталисты так или иначе согласились уже к концу 1980-х гг.

До сих пор легитимистская логика В. Штрика сравнительно мало отличалась от основных посылок и выводов других авторов, анализировавших ретроспективу кризиса 2008–2009 гг. Однако в следующих пунктах Штрик начинает расходиться с традиционным анализом. И начинается это с причин, по которым «налоговое государство» заменяется «государством долгов».

Традиционный взгляд на причины фискального кризиса заключается в том, что «государство благоденствия» принимает на себя слишком большие социальные обязательства и вследствие этого непомерно увеличивает налоги. Даже такой сторонник либеральной демократии, как У. Нисканен, предполагал, что налоги при этом политическом режиме будут выше, чем при автократии [Нисканен, 2013]. Штрик «схлопывает» аргументацию Нисканена и других либералов до проблемы режима свободного доступа к общинной собственности: «Вкратце многочисленные версии “трагедии общинных владений”... сводятся к следующему: если ресурс не принадлежит кому-то одному и все члены сообщества могут свободно им пользоваться, то этот ресурс очень скоро будет исчерпан... Поскольку политики, получающие свои должности в результате выборов, действуют рационально..., они будут уступать давлению и требованиям большинства избирателей; конкуренция за голоса избирателей будет подпитывать иллюзию о неисчерпаемости “котла”. Выиграв гонку и получив должность, они будут стремиться быть избранными на новый срок и потому станут тратить больше, чем может позволить себе государство. Следствием этого являются хронический дефицит бюджета и растущий государственный долг.

С точки зрения основного направления экономической теории кризис государственных финансов есть результат непроясненных отношений собственности и, значит, неоднозначно распределенной ответственности, а последняя, в свою очередь, объясняется крахом демократии или, если точнее, распространением демократической практики принятия решения на проблемы, которые таким образом не решаются» (с. 81–82). Именно отсюда вытекает требование ограничения расходов и повышения их эффективности путем привязки к конкретным целям, а потом уже – и соответствующего сокращения налогов. Вряд ли бы против этого стал возражать и сам М. Фридмен.

В. Штрик, однако, полагает, что демократия здесь не при чем. Наибольшее увеличение государственного долга приходится на период после 2008 г., «он не имеет никакого отношения к инфляции, вызванной требованиями электората. Если тут и замешаны возросшие требования, то они исходили от проблемных банков...» (с. 83). По нашему мнению, это все теперь становится ясно «задним числом». Еще в 1980-е гг., когда Тэтчер столкнулась с сопротивлением шахтеров, а Рейган – авиадиспетчеров, казалось, что рост долга, как и инфляция – результат прежних уступок социал-демократам. Но на длинном горизонте в 40 лет можно согласиться с автором, что «рост, сокращение и снова рост государственного долга тесно связаны с победой неolibерализма над послевоенным капитализмом, что сопровождалось политическим *выхолащиванием* массовой демократии. Первые серьезные бюджетные дефициты 1980-х годов появились вслед за укрощением воинственно настроенных профсоюзов и ростом безработицы. Последняя... легитимировала радикальные реформы рынка труда и сжатие системы социального обеспечения...» (с. 87).

Вряд ли это отвечало ожиданиям массового избирателя. Как результат – потеря интереса к выборам, на что указывает Штрик. Если в 1960-е в среднем на выборы в богатых странах приходило 84,1% избирателей, в 1970-е – 82,1, то в 1990-е – 76,3, а в 2000–2011-е – 72,5% (с. 90). Цифры в отдельных странах, наверное, ниже, учитывая, что кое-где предусмотрены штрафы за отказ в голосовании. Хотя 70%-ная явка, на наш взгляд, еще не означает такого массового отказа. В конце концов, Штрик формулирует проблему следующим образом: «Если рост государственного долга коррелирует с неолиберальным поворотом и падением интереса к участию в политической жизни и не коррелирует с массовой демократической мобилизацией, то в чем причина этого?» (с. 101). В качестве причины автор указывает «проявление функциональной проблемы модернистского государства, диагностированной еще в начале XX в., а именно: попытки государства изъять у частных собственников средства, необходимые ему для решения своих задач, обычно проваливаются. Так что причиной государственного долга становятся не *высокие расходы*, а *низкие доходы* – экономика и общество, организованные по принципу собственного индивидуализма..., не позволяют поднимать налоги выше определенного предела, одновременно предъявляя все больше требований к государству» (с. 101).

Беспристрастный читатель в таком случае мог бы заметить, что обществу тогда нужно не налоги поднимать, а свои требования уменьшить, что вполне соответствовало бы консервативной экономической логике. Однако Штрик делает любопытный экскурс в экономическую историю, чтобы показать, что вплоть до 1970-х гг. налоговые доходы и бюджетные расходы росли примерно одним и тем же темпом. Ближе к «неолиберальному повороту» стало расти «налоговое непослушание», а в 1990-е вместе с глобализацией появилась и стала реализовываться возможность выбирать удобные «налоговые гавани» и «хорошие» юрисдикции. Далее автор делает акцент на невозможности сокращения расходов, указывая на необходимость содержания и развития инженерной инфраструктуры, а также финансирования ряда жизненно важных (включая обороноспособность) фундаментальных исследований и НИОКР.

Любопытен и экскурс в историю мысли. Штрик вспоминает о старом законе Адольфа Вагнера, который оставался «источником вдохновения для Ричарда Масгрейва еще в 1980-е годы» (с. 109). Он указывает на концепцию австрийского социалиста Р. Гольдшайда, мало известного российскому читателю оппонента М. Вебера. Гольдшайд, «переформулировав в ключе фискальной социологии² теорему Маркса о нарастающем противоречии между способом производства и производственными отношениями..., ожидал, что способность налогового государства изымать необходимые средства у своих граждан... рано или поздно исчерпает себя. В этой точке, по мнению Гольдшайда, развитие налогового государства достигнет своего предела, поскольку в условиях капиталистического социально-экономического устройства государство действует как “экспроприатор”, не имеющий собственных ресурсов для исполнения взятых на себя обязанностей. После этого должна будет произойти “рекапитализация” государства, чтобы свои расходы оно могло оплачивать не за счет налогов, а за счет собственной экономической деятельности...

Гольдшайд был не одинок в своем фискально-политическом пессимизме. Возможность “кризиса налогового государства” широко обсуждалась после Первой мировой войны, на

² Подобная версия «фискального марксизма» популяризовалась в свое время Е. Гайдаром со ссылкой на династические циклы Ибн Сины. Основное противоречие, которое обуславливает общественное развитие, Гайдар находил не в классовой борьбе, но в противоречиях между изымающими часть доходов и продукции вооруженными представителями государства и производителями, так или иначе оказывающимися в положении налогоплательщиков. Как только изымаемая часть превышает определенную норму, экономический рост тормозится, государство начинает терять динамику и гибнет под напором соседей. Подробнее см. в: [Гайдар, 2005]. С работами Р. Гольдшайда, по-видимому, Гайдар был незнаком.

этом фоне особенно заметным и влиятельным стал эпохальный доклад молодого Йозефа Шумпетера, прочитанный перед Австрийским социологическим обществом... Шумпетер пришел к выводу, что налоговое государство как исторический институт еще не достигло своего предела и что, в частности, военные долги Австрии и Германии можно погасить, не прибегая к всеобщей национализации. В то же время в долгосрочной перспективе он не исключал и даже ожидал, что налоговое государство и капиталистический способ производства в целом когда-нибудь себя изживут» (с. 111–112).

Самым интересным в лекциях Штрика, на наш взгляд, является идея трансформации налогового государства в государство долгов: «Формирование государства долгов можно рассматривать и как фактор, замедляющий кризис налогового государства, и как возникновение новой политической формации с собственным сводом законов» (с. 114–115). Появление этого нового политического режима требует своей политической экономики, на которой мы еще остановимся ниже. Здесь же вслед за автором констатируем, что «финансовый кризис государства не является следствием того, что масса населения, искушенная избытком демократии, якобы растащила для своих целей слишком много средств из государственного бюджета; скорее, причина в том, что те, кто больше всего выиграли от капиталистического хозяйствования, все меньше и меньше выплачивали в государственную казну...

Все это проясняет истинные обстоятельства *краха демократии* в неолиберальные десятилетия. Демократия и демократическая политика потерпели крах, когда они проглядели контрреволюцию, направленную против социального капитализма послевоенного времени, и никак ей не сопротивлялись, когда в период ложного процветания в 1990-е годы они не стали спешить с регулированием хаотично и повсеместно разросшегося финансового сектора, когда они доверчиво разглагольствовали о замене “жесткого” *правительства* “мягким” управлением; когда они не стали настаивать на том, чтобы возложить на главных бенефициаров капиталистической экономики социальные издержки их прибылей, и когда они не только согласились с усиливающимся неравенством между верхними и нижними слоями, но и провели... “стимулирующие” налоговые реформы и реформу социальной сферы» (с. 114–115).

Это – неожиданная констатация: прямо-таки «крах демократии». В России уже в 1990-е гг. на демократию стали смотреть как на определенный способ селекции начальников, не связывая с ним ожиданий социальной справедливости для большинства населения. В этом отношении никакого «краха демократии» у нас не было, да, пожалуй, и быть не может. В отечественной литературе рассматривается модель «медианного избирателя» и партийное строительство в свете будущей победы партий на выборах, а отнюдь не для выражения политическими деятелями каких-либо «классовых интересов». Все это крайне далеко от проблем старой или новой легитимации, на которых сосредотачивается Штрик. Отечественная новая политэкономия в этом отношении, пожалуй, является еще более неолиберальной, чем западная. При этом и приватизацией социальных услуг нас не удивит (перевод части вузов в АНО, платные образовательные и медицинские услуги в России – давно свершившийся факт). Штрик, конечно, неомарксист, и о крахе демократии он говорит как об утрате иллюзий западного массового избирателя, а заодно, возможно, и своих собственных. *Форма* политического режима при этом, конечно же, на западе не менялась, ни о каком крахе нет и речи, один сплошной расцвет.

В свою очередь, основная теоретическая новация, связанная с появлением государства долгов, заключается в том, что кроме граждан, которые «по определению» являются и налогоплательщиками, появляется другая категория физических и юридических лиц – держатели долгов, кредиторы. Первых автор характеризует как «государственный народ», а вторых – как «рыночный народ». Разница между ними представлена на следующем рисунке Штрика:

<i>«Государственный народ» (Staatsvolk)</i>	<i>Рыночный народ (Marktvolk)</i>
Национальный	Международный
Граждане	Инвесторы
Гражданские права	Финансовые требования
Избиратели	Кредиторы
Выборы (периодически)	Аукционы (непрерывно)
Общественное мнение	Процентные ставки
Лояльность	Доверие
Государственные услуги	Обслуживание долгов

(с. 124: «Рис. 2.6. Демократическое государство долгов и его два народа»).

Автор поясняет: «Демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве *налогового государства*, превращается в демократическое *государство долгов*, как только его существование начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от доверия кредиторов. В отличие от «государственного народа» налогового государства, «рыночный народ» государства объединен на транснациональной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов – как инвесторы, а не как граждане. Их права по отношению к государству имеют не публичный, а частный характер, они проистекают не из конституции, а из гражданского права. Вместо расплывчатых и политически расширяемых гражданских прав они предъявляют государству такие финансовые требования, которые, в принципе, можно оспорить в суде и аннулировать по окончании соответствующего договора. В своей роли кредиторов они не могут избавиться от неудобного им правительства, но они могут продать его облигации или воздержаться от участия в торгах по новым облигациям. Процентная ставка на этих торгах – соответствующая оценка инвесторами рисков, что они не получают своих денег обратно или получают не в полном объеме – является общественным мнением «рыночного народа», выраженным количественно и потому более точным и легче считываемым, нежели общественное мнение «государственного народа». Если от своих граждан государство долгов ожидает лояльности, то в отношении «рыночного народа» оно заботится о том, чтобы завоевать и сохранить его доверие, для чего добросовестно обслуживает свой долг и всячески старается показать, что сможет его обслуживать и впредь» (с. 124–125).

Понятно, что рыночный народ государства долгов весьма малочислен по сравнению с государственным народом, при этом транснациональные финансовые корпорации имеют прямые контакты с правительствами своих должников (Штрик приводит пример интервью с генеральным директором фонда PIMCO Мохаммедом эль-Эрнаном). При этом, конечно, в мейнстриме экономической теории на фондовых рынках, где торгуются государственные облигации, господствуют представления о совершенной конкуренции (точно так же, как демократическая модель предполагает конкуренцию политиков за голоса избирателей. Тот факт, что эта конкуренция сводится к борьбе двух, редко – пяти партий, почему-то упоминается редко: ведь это же в лучшем случае олигополия; так ведь можно пойти и до неудобного вопроса о том, чем олигополия лучше монополии).

Ситуация взаимодействия и конфликта между указанными «народами» – новый феномен. Штрик в результате своего политэкономического анализа выделяет следующие важные результаты:

«1. Увеличение долга богатых демократий вот уже какое-то время ограничивает их фактический суверенитет, и правительственная политика все больше подчиняется указаниям финансовых рынков...

2. ...обслуживание долгов должно быть первично по отношению к государственным услугам и социальной поддержке...

3. В борьбе за доверие рынков государства долгов должны показать, что они могут в любой момент выполнить свои обязательства по гражданско-правовым договорам...

4. ...если сокращение расходов на “государственный народ” зайдет слишком далеко, оно может отрицательно сказаться на росте национальной экономики... Задача объединения жесткой экономии со стимулированием экономического роста похожа на квадратуру круга: никто толком не знает, как с этим справиться...

5. Дальнейшие трудности возникают из-за того, что значительная часть “рыночного народа” одновременно является и “государственным народом”, значит, их интересы связаны не только с надежным обслуживанием государственного долга, но и, возможно, даже в большей степени, с поддержанием действующей системы государственных услуг...

6. Мало что известно о властных отношениях между “государственным народом” и “рыночным народом” и о том, как они влияют на переговоры по вопросам условий торговли между ними... [должники] могут в одностороннем порядке по своему усмотрению реструктурировать государственный долг, поскольку “суверенные” должники до сих пор не подпадают под действие законов о банкротстве... Этот кошмар постоянно преследует кредиторов...

7. Рынки могут привлечь на свою сторону международное сообщество и организации для подкрепления своих требований к государствам долгов. При этом они могут использовать свое организационное преимущество по сравнению с государственной системой, которая, хотя и укоренена в глобальных рынках, остается организованной по национальному принципу...».

Далее Штрик интерпретирует Европейский Союз как «государство консолидации», где, предположительно, формируется многоуровневая система управления, которую можно во многом понимать как систему господства «рыночного народа» над «государственным». Это, конечно, большое упрощение, впрочем, полагаем, заинтересованный читатель сам сделает свои выводы.

Если допустить еще большее упрощение, то «рыночный народ» В. Штрика чем-то сильно напоминает старую финансовую олигархию, разросшуюся до глобальных масштабов. Это во многом неверно – держателями государственного долга могут быть и домохозяйства со средним доходом. Однако такая абстракция может быть полезна во многих отношениях. Во-первых, она отрезвляюще действует на любителей социального патернализма, мечтающих о введении «жесткого» прогрессивного налогообложения и возвращении к кейнсианскому государству благоденствия. Во-вторых, позволяет объяснить ситуацию низких темпов роста в ряде богатых стран: наличие высоких процентных платежей, как правило, не позволяет государству осуществлять большие инвестиции в инфраструктуру и НИОКР. В третьих, хорошо дополняет концепцию Т. Пикетти (стоит отметить, что у Штрика нет на него ссылок). Наконец – и это, пожалуй, самое важное – она представляет намного более реальную политэкономическую картину противоречивых взаимоотношений демократии и капитализма, чем ставшая новой классикой теория общественного выбора. Впрочем, последнее, конечно, дело вкуса.

Сомнительно, чтобы глубокую и оригинальную книгу В. Штрика в России ждал шумный успех. Тем не менее она несомненно найдет своего читателя среди экономистов, увлеченных институциональным анализом. Остается только поблагодарить издательство Высшей школы экономики за то, что оно взялось за перевод и издание этой, на наш взгляд, выдающейся работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьерг У. (2018). Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гайдар Е.Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.
- Крауч К. (2012). Странная не-смерть неолиберализма. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Крауч К. (2016). Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: ИД ВШЭ.
- Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Нисканен У.А. (2013). Авторитарная, демократическая и оптимальная форма правления: фискальные решения и экономические результаты. М.: Изд. Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Стиглиц Дж. (2011). Крутое пикирование: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.
- Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД ВШЭ.
- Эйхенгрин Б. (2015). Зеркальная галерея. Великая депрессия. Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences.

orekhovskaya@mail.ru

CAPITALISM AND CREDITOR'S DEMOCRACY

(About V. Shtrik's book «Purchased Time. Delayed crisis of democratic capitalism»)

The article is a critical review of the book «Purchased Time» by Wolfgang Streeck. The work is a rethinking of the evolution of political regimes in rich Western states, connected with the global financial crisis of 2008–2009. The focus is on the transformation of «a tax state» into «a state of debt», the emergence of a «market people», the problem of legitimizing a new political regime. Conclusions are drawn about the impossibility of returning to the old Keynesian «welfare state», the problem of a new contradictory relationship between capitalism and democracy is posed. The emergence and strengthening of the role of the «market people» increases the importance of the global financial oligarchy. Previous views that the authorities in democratic countries should act in the interests of the mass (median) voter are considered unrealistic and non-actual.

Key words: *tax state, debt state, crisis of legitimacy, “market people”.*

JEL: B24, B26, G01, H60.

REFERENCES

- Bjerg U. (2018). How Is Money Made? The philosophy of post-credit capitalism. M.: Ad Marginem Press (In Russian).
- Crouch K. (2012). The Strange Non-Death of Neoliberalism. M.: Publishing House “Delo” RANEPА (In Russian).
- Crouch K. (2016). How To Make Capitalism Acceptable to Society. M.: ID HSE.
- Eichengrin B. (2015). Mirror Gallery. The Great Depression. The Great Recession, History Lessons Learned and Not Learned. M.: Publishing house of the Gaidar Institute (In Russian).
- Gaidar E.T. (2005). A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History. M.: Business (In Russian).
- Krugman P. (2009). Liberal Creed. M.: Europe (In Russian).
- Niskanen U.A. (2013). Autocratic, Democratic and Optimal Governance: Fiscal Decisions and Economic Results. M.: Ed. Gaidar Institute (In Russian).
- Piketty T. (2016). Capital in the XXI century. M.: Ad Marginem Press (In Russian).
- Streeck W. (2019). Purchased Time. Delayed Crisis of Democratic Capitalism: A Series of Lectures in the Framework of the Frankfurt Readings in Memory of Adorno. M.: ID HSE (In Russian).
- Stiglitz J. (2011). Steep Dive: America and the New Economic Order after the Global Crisis. M.: Eksmo (In Russian).
- Stiglitz J. (2016). Great division. Inequality in Society, or What Should the Remaining 99% of the Population Do? M.: Eksmo (In Russian).